

Андрей Николаевич
Пучков

Тени холодного солнца

Андрей Пучков

Тени холодного солнца

«Издательские решения»

Пучков А. Н.

Тени холодного солнца / А. Н. Пучков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909577-0

Июль 1864 года. На севере Европы идёт скоротечная война из-за герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Сражаются Австрия и Пруссия с одной стороны, и Дания с другой. В это же время в старинном богемском замке графа фон Траумберга происходят удивительные и зловещие события: на семейном портрете XV века само собой появляется изображение одного из далёких предков хозяина замка.

ISBN 978-5-44-909577-0

© Пучков А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Краткое содержание	6
Автор: Пучков Андрей Николаевич. Внимание!!! Авторство данного произведения подтверждено Общероссийской общественной организацией «Профессиональный союз деятелей культуры „Российское Авторское Общество“». г. Москвы. Распечатанная копия текста находится на хранении в нотариальной конторе. Использование данного текста без согласия автора запрещается	7
Тени холодного солнца	8
Вместо предисловия	8
Глава 1	11
Дьявольский портрет. Девичьи игры и страшные сказки рассказанные на ночь	11
Глава 2	20
Пробуждение Носферату. Тайна семьи фон Траумберг. Знакомство со Струэнзе	20
Глава 3	30
Разговор с дочерью. Жестокие плоды эмансипации. Два неожиданных письма	30
Глава 4	42
История Ганса Ползадницы, или когда отличная память не только достояние молодых. Рассказ старой Марты о нашествии живых мертвецов имевшее место пол столетия тому назад	42
Глава 5	56
Первая жертва «Зелёного дьявола». «Бойся мертвецов ходящих в ночи». Вечер поэзии	56
Глава 6	71
Странный случай произошедший на Крумловском вокзале. История рассказанная пьяницей Гансом. Ночёвка в деревне без названия	71
Глава 7	83
Страшная ночь на постоялом дворе. Истории леденящие кровь и новые вопросы. Фрау Магда Шлоссе показывает свою силу. Знакомство с Бруно	83
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Тени холодного солнца

Андрей Николаевич Пучков

© Андрей Николаевич Пучков, 2018

ISBN 978-5-4490-9577-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Краткое содержание

Июль 1864 года. На севере Европы идёт скоротечная война из-за герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Сражаются: Австрия и Пруссия с одной стороны, и Дания с другой.

В это же время в старинном богемском замке графа фон Траумберга происходят удивительные и зловещие события: На семейном портрете XV века само-собой появляется изображение одного из далёких предков хозяина замка. По фамильной легенде фон Траумбергов, этот человек – старший сын и наследник титула, за совершенные им чудовищные злодеяния, был проклят собственным отцом.

Даже его изображение, по отцовскому же распоряжению, было смыто и соскоблено с данного портрета. Но теперь, к мистическому ужасу обитателей замка, оно появилось вновь. И вот, сразу же, после чудесного преобразования картины, словно подтверждая все леденящие кровь легенды, в замке и его окрестностях происходит череда таинственных смертей.

В руках у молодого барона Людвиг фон Хагендорфа оказывается старинная рукописная книга переплетённая в человеческую кожу. Барон узнаёт что это не что иное как личный дневник проклятого наследника почтенного рода.

Хранимый в глубочайшей тайне, этот зловещий дневник содержит подробные сведения о последних месяцах жизни валашского господаря Влада III Дракулы, и о трагических обстоятельствах его гибели. Постепенно молодой человек осознаёт связь таинственных явлений происходящих в замке, с давними событиями описанными в дневнике. Он понимает какая страшная опасность грозит его невесте – юной дочери графа фон Траумберга, и немедленно начинает действовать.

В борьбе с многовековым проклятьем молодому барону помогают его товарищи. Это: пленный датский офицер и начинающий писатель Олав Христиан Струэнзе, голландский исследователь природы вампиризма Корнелиус Ван дер Стратен (Бруно), польский доктор Бронислав Войцеховский и, конечно, отец невесты и нынешний владелец замка, граф Вильгельм фон Траумберг.

Не всем этим мужественным людям удастся уцелеть в роковой схватке. Но на их стороне выступает женщина с огромными магическими способностями знающая древнеславянские заговоры, а также таинственный древний артефакт возможно созданный ещё цивилизацией гипербореев.

Но наверное их главным оружием является сама дочь владельца замка – зеленоглазая дева рождённая в год красного дракона и под созвездием льва. Именно ей: юной, эмансипированной девушке своего времени было предсказано положить конец четырёхсотлетнему царству страха.

Постепенно перед этими отчаянными и благородными людьми откроются многие тайны нашего мира уходящие своими корнями в глубину тысячелетий. Они узнают о множественности миров и о противоестественных сущностях приходящих оттуда. Зарождении первых цивилизаций Земли и о том почему мёртвые знают так много о нас живых.

А ещё им станет известно о тайном союзе избранных, что уже на протяжении многих веков противостоит потусторонним силам, и зовётся Священным Братством Святого Георгия.

Автор: Пучков Андрей Николаевич. Внимание!!! Авторство данного произведения подтверждено Общероссийской общественной организацией «Профессиональный союз деятелей культуры „Российское Авторское Общество“». г. Москвы. Распечатанная копия текста находится на хранении в нотариальной конторе. Использование данного текста без согласия автора запрещается

Тени холодного солнца

Вместо предисловия

Дорогой Олав Христиан!

Наконец, мой любознательный друг, нынче представился случай написать вам. Сообщаю, что мне жутко не повезло получить ранение в самом начале этой чёртовой войны¹! В небольшом сражении при Траутенау, пуля, выпущенная кем-то из вчерашних наших союзников, довольно сильно раздробила мне левое предплечье. Полковым хирургам пришлось изрядно потрудиться чтобы сохранить мне руку, но теперь, слава Богу, я уже могу ею двигать.

Придя в себя в лазарете, а это случилось четвёртого июля, я сразу получил два сообщения: Одно было от моей матушки, и пришлось весьма кстати. Его доставил посланный нашим управляющим специальный курьер. Это письмо стало радостным и долгожданным событием, так-как в нём говорилось что, днём раньше, у меня родился сын! Вот так, мой неугомонный датский друг, вы можете поздравить меня – теперь я стал отцом!!!

Второе-же сообщение напротив было ужасным и повествовало о катастрофе. Оказывается наш несчастный генерал Бенедек², под началом которого я сражался ещё при Сольферино, третьего июля был полностью разбит пруссаками в битве под Кениггрецом (Садова) вместе с нашими саксонскими и баварскими союзниками.

1. Имеется в виду австро-прусская война 1866г.

2. Людвиг Августин фон Бенедек (1804—1881) австрийский генерал. В 1849г. сражался против сардинцев, затем подавлял венгерское восстание. В 1859г. возглавив 8-й корпус сражался в битве при Сольферино против пьемонтцев. В 1860г. назначен начальником ген. штаба а затем главнокомандующим австрийско-итальянской армии. В начале войны с Пруссией (1866г.) был назначен главнокомандующим северной армией. Но уже 1 июля он просил императора «Немедленно заключить мир во что бы то ни стало». А затем, 3 июля 1866г. в битве при Садова потерпел полное поражение, был смещен и предан военному суду. Но австрийский император Франц Иосиф приостановил следствие по его делу.

Чёртов Мольтке сумел максимально выгодно использовать численное преимущество в артиллерии (702 орудия против 650 у нас) сведя к минимуму наше превосходство в живой силе. Но главным козырем прусаков явились их игольчатые винтовки системы фон Дрейзе из которых они безбожно выкашивали наших солдат.

Увы но наша семья тоже понесла безвозвратную потерю. В этом сражении пал мой двоюродный дядя Теобальд что во время наступления 2-ой армии кронпринца Фридриха предпринял безуспешную попытку спасти князя Эстерхази. Вот такие дела, дорогой Олав. Верить или нет, но я чувствую себя почти что предателем из-за того что не участвовал в этом эпохальном сражении. Просто удивительно, мой друг, что два столь разных события могли произойти в один день.

И вот, уже две недели я залечиваю раны и наблюдаю за моим дорогим новорожденным наследником. Кстати я назвал его Конрадом.

В своих последних письмах вы непростительно мало рассказывали о собственных успехах в «Братстве». Между тем, наш общий друг Б. которого я видел в Праге несколько месяцев назад, поведал мне немало интересного. Оказывается вы уже получили степень «полубрата» и дважды участвовали в «Охоте». Поздравляю конечно, но не перестаю удивляться вашим нервам: После того чудовищного кошмара что нам довелось пережить два года назад, вы не только вступил в «Братство», но и сделали этот ужас своей профессией. Теперь вы постоянно будете соприкасаться с подобными отталкивающими и невероятными явлениями.

Я совершенно точно знаю что не являюсь трусом, и это доказывал наверное всю свою сознательную жизнь. Но пережитые события в божьем замке нашего общего друга, графа Т, до сих пор заставляют меня вздрагивать при любом неясном услышанном в ночи шорохе. Я уже не говорю про свою дражайшую супругу. Продолжаю восторгаться её мужеством – пережить такой кошмар в столь молодом возрасте...

Не знаю, дорогой друг, что меня больше потрясло тогда – страшная череда противоестественных событий, свидетелями которых мы стали, или осознание того, что подобные твари **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** существуют в нашем мире? Скорее всего второе. Теперь я прекрасно понимаю что имел ввиду дон Алонсо, говоря что о некоторых вещах люди не должны узнать никогда. Человеку нашего просвещенного девятнадцатого века, всецело верующего в силу разума и науки, нелегко признать то, что за всеми этими страшными средневековыми легендами может скрываться некая реальность. Тяжело, когда рушится твоё мировоззрение, а известный тебе мир, ещё вчера такой реальный, привычный и уютный, вдруг приобретает весьма зловещие краски.

Граф сильно сдал за последнее время. Наверное известные вам события нанесли бедняге гораздо большую душевную травму чем кому-либо из нас. Он долго отказывался верить во всю эту дикую историю о их семейном проклятии. А когда же она предстала перед ним во всей своей ужасающей реальности, получил очень сильное потрясение. Теперь он избегает любых разговоров о пережитых событиях и, как мне кажется, пытается всё забыть. Мой несчастный тесть стал излишне много употреблять крепких напитков, да ещё, в добавок, пристрастился к лаудануму¹. Так что, дорогой Олав Христиан, просьба вашего нынешнего куратора дона Алонсо, как видите, вызвала значительные затруднения.

Я всегда считал что из нас двоих, именно вы обладаете литературным дарованием. (По правде говоря, я всё ещё надеюсь когда-нибудь прочесть вашу «Великую Северную поэму»). Тем неожиданнее для меня была ваша с сеньором де Альмейда просьба, описать во всех подробностях события двухгодичной давности. Дон Алонсо уверял меня что подобное повествование будет бесценным для членов «Братства» и никогда не попадёт в руки непосвящённых. По непонятным для меня причинам, он очень интересуется личностью господаря Валахии Влада III Дракулы. Как ты помнишь, именно с персоной этого мрачного средневекового правителя связано наследственное проклятье рода Т.

1. Лауданум – опиумная настойка широко распространенная в девятнадцатом веке и использовавшаяся в качестве успокоительного лекарства.

Так получилось что я единственный кто прочёл известный вам дневник. В этом ужасном повествовании проклятого изгнанника, описывались последние месяцы

жизни Дракулы, а так же обстоятельства его гибели. Вот по этой причине сеньор Альмейда и уговорил меня взяться за перо. Но, как вы понимаете, без согласия Т. я не мог придать гласности то что является семейной тайной их рода.

Первоначально граф был категорически против. Он спрятал злосчастный дневник в свой сейф и заявил, что ни один человек на свете, никогда больше не увидит его. Мне же он напомнил о данном обещании свято хранить тайну. Понадобился весь авторитет дона Алонсо и всё его красноречие чтобы переубедить этого старого упрямца. Кстати, моя драгоценная жёнушка всё же исполнила свою давнюю детскую мечту. Она умудрилась выкрасть у отца тот секретный дневник, и прочесть его от корки до корки. Прочитанное естественно повергло её в ужасную депрессию. Всё-таки как же прав был Екклезиаст говоря что умножая знания мы умножаем печали.

В результате, граф всё же смягчился и разрешил мне описать те невероятные события именно так как они происходили. Но с условием: что этот текст будет доступен только для членов «Братства» и не выйдет за пределы вышеупомянутой организации. Опубликовать же его в печати можно будет не раньше чем через сто пятьдесят или более лет.

По началу я намеревался просто изложить в хронологическом порядке, все произошедшие тогда с нами события. Но потом увлёкся, и вместо сухих строк отчёта у меня получилось нечто похожее на готический роман. И, на мой взгляд, весьма неплохой. Я работал над ним около года и закончил всего за неделю до начала войны. Передайте нашему португальскому доктору Фаусту, что он может присылать курьера за рукописью. Мне даже обидно, друг мой, что кроме членов твоего ордена никто не оценит сей труд по достоинству. Опубликовать его раньше 2016 года невозможно, таково условие. А людям, которые к тому времени, уйдут далеко вперёд в своём развитии и наверняка покорят и колонизируют Марс и Венеру, вряд ли будут интересны мрачные тени средневековья.

преданный вам Людвиг фон Хагендорф.

17 июля 1866г.

P.S. Извините, дорогой друг, но на вашу свадьбу с фройляйн К.Ш. я прибыть не смогу. Сразу после выздоровления я вынужден буду вернуться в полк.

Глава 1

Дьявольский портрет. Девичьи игры и страшные сказки рассказанные на ночь

Катарина привычно шла по тёмной галерее замка Траумберг. Тяжелый сумрак, что стоял здесь и в самую солнечную погоду, не могли рассеять даже высокие стрельчатые окна украшенные старинными витражами.

В руках у девушки была большая стопка свежесглаженного постельного белья и её рабочий день только-только успел начаться. Но несмотря на это, все мысли младшей горничной находились весьма далеко от мрачных стен замка. Они витали где-то за Липовой аллеей в залитой солнечными лучами деревне где жила её семья. Но сейчас Катарина думала вовсе не о своих родителях и братьях.

В самом начале деревни стоял большой богатый дом и кузница господина Хазе, где жил прекрасный Маттиас. Маттиас... При мысли о сыне кузнеца её сердце забилося несколько чаще обычного а щёки тронул лёгкий румянец.

«О Маттиас, Маттиас!» – Девушка вновь представила себе его атлетически сложенное, мускулистое тело, невероятно сильные руки и весёлые голубые глаза. А его волосы, его чудесные, почти белые с золотистым отливом волосы, всегда напоминали ей мягкий лён.

Катарина глубоко вздохнула пытаясь отогнать мысли о своём женихе и сосредоточиться на предстоящей работе по дому. «Ну ничего, – подумала она. – Если всё пойдёт так как надо, то через пол года её приданое будет полностью готово и они смогут обвенчаться. Ведь её родители согласны, и отец Маттиаса тоже, вроде бы, не против... Просто он выглядит таким строгим и угрюмым.

Они обязательно поженятся! – убеждала она себя словно пытаясь оградить от непрошенных мыслей. – Обязательно поженятся! Поженятся!» – Но тут же, помимо её воли, вместо простоватой курносой физиономии Маттиаса, откуда-то из неприличных глубин сознания всплывало совершенно другое лицо. Строгое и утончённо-благородное оно казалось Катарине самым прекрасным в мире.

«Нет! Мне не следует даже думать о нём! Немедленно выбросить из головы! Да он и не посмотрит на меня. Кто я для него? Ничтожная, необразованная богемка? Горничная-простолюдинка? – И тут же опровергала саму себя. – А ведь смотрел! Когда приезжал сюда в последние несколько раз – смотрел. И совсем не как на прислугу». Катарина хорошо запомнила его взгляд. Нарочито небрежный но одновременно цепкий и оценивающий.

«Пресвятая Дева Мария, спаси меня от этих ужасных мыслей, – прошептала девушка чуть не уронив бельё на пол. – Как я могу думать сразу о двух молодых мужчинах?! Не иначе как это происки Дьявола! Я же честная девушка и добрая католичка!».

Из сумрачной, наполненной гулким эхом, галереи девушка свернула в ещё более тёмный и огромный зал. Это был, наверное, самый мрачный и зловещий зал во всём замке, и он традиционно пользовался дурной славой среди слуг. Выглядел он очень пустынным. И это несмотря на то что его стены были плотно увешаны картинами, кое-где виднелись мраморные статуи, и с потолка свисали две бронзовые люстры очень причудливой работы. Местами на стенах висело старинное оружие, а в правом от входа углу стояли, в полном комплекте, рыцарские доспехи.

Но несмотря ни на что, всё здесь производило впечатление сильного запустения и какого-то вечного безмолвия. Как-будто сама жизнь давно покинула это место и даже время здесь текло особым образом. Этим залом вообще пользовались очень редко. Обычно хозяева замка принимали гостей, устраивали праздники и балы в помещениях первого этажа. И в другом, гораздо более современном и уютном крыле.

Эта же часть замка была наиболее старой, возведённой ещё лет пятьсот назад, если не больше. Мрачный зал обычно стоял закрытым, лишь раз в месяц здесь проводилась уборка. Вот именно уборкой и предстояло сейчас заняться Катарине и двум её подругам из числа замковой прислуги.

Войдя в «Нехороший» зал, Катарина привычно отвернула голову стараясь не смотреть налево. Туда, где находилось ЭТО. ЭТО – именно так они все называли старинный групповой портрет висевший слева от входа в тёмном углу. Именно вышеназванная картина придавала таинственную мрачность этому залу и даже всему замку в целом. Именно она наводила мистический ужас на многие поколения замковых слуг. Слуг, что, как и Катарина, на протяжении нескольких веков, проходя через «Нехороший» зал непроизвольно ускоряли шаг, читали про себя молитвы и старались не смотреть в левую сторону.

Катарина помнила как два с половиной года назад она впервые поступила на службу в этот замок. Тогда ей было всего четырнадцать лет, и она совершенно не знала ни о каких местных легендах. Старшие девочки конечно же не преминули этим воспользоваться. Они постоянно пугали её неким страшным демоном или вампиром, якобы обитающим в этом портрете.

– Смотри, Ката, – говорили они. – Однажды ночью мертвец выйдет из этой картины, придёт к тебе в спальню, ляжет на грудь, и выпьет всю твою кровь до последней капли.

Эти леденящие кровь рассказы по-началу производили на девочку сильное впечатление. Она действительно верила этому и страшно пугалась. Первое время её ночи, проведённые в спальне прислуги, а кроме неё там спали ещё три девочки, были наполнены холодным ужасом. Она очень плохо и тревожно спала. Ворочаясь ночью под сопение своих подруг, Катарина дрожала от страха, и всё прислушивалась, не скрипнет ли дверь, не загремят ли тяжелые шаги, не повеет ли холодом и могильным смрадом. В неясном лунном сумраке, среди причудливой игры света и тени, ей мерещились: то полыхающие дьявольским огнём глаза неведомого упыря, то белые руки с длинными пальцами тянущимися к её шее.

Но впоследствии девочка привыкла и страшные легенды замка уже не вызывали в ней прежнего ужаса, они словно бы поблекли и потускнели. А утомившись за день работой по замку она засыпала глубоким сном без всяких сновидений. Впоследствии они с девочками придумали даже такую игру – «Разгляди вампира», по другому она называлась просто: «Страшная игра».

Смысл игры был очень прост и заключался в том, что одна из девочек должна была войти в этот страшный зал со свечой в руке и смотреть на дьявольский портрет, не закрывая глаза, как можно дольше. А её подруги стояли в это время в галерей и громко считали вслух. Естественно побеждала та из них кто продержится дольше всех. За всё время существования этой глупой игры, дольше всех продержалась восемнадцатилетняя Клавдия. Она выдержала до счёта семьдесят пять, хотя Катарина была уверена что девочки считали слишком быстро.

Сама же она продержалась только до сорока двух. Затем, в стоявшей перед портретом, девушке просыпался пронзающий душу страх, и шалунья, издавая визг,

вылетала прочь из зала и бежала со всех ног по галереи в сторону спальни. Её подруги мчались вслед, также оглашая своим громким визгом весь этаж замка. Потом визги сменялись смехом и игра завершалась до следующего раза. Часто старшие слуги гоняли их и не давали играть. Особенно их игра раздражала старую кастеляншу Марту, самую старую из слуг замка. Говорили что ей скоро исполнится девяносто лет.

– Ах вы бесовские девки! – ругалась старуха. – Вот смотрите, доиграетесь! Ох накличете на нас беду! Разбудите этого проклятого Дьявола! – Но Клавдия, победительница в их глупой игре, и без того дорого за это заплатила. Бедняжке потом долго снились кошмары. Часто она вскрикивала и бормотала во сне – «Мёртвые идут! Мертвецы пришли за мной!» и этим очень пугала других девочек.

В добавок к этому, Клавдия стала очень бояться темноты. Оказавшись в какой-нибудь тёмной комнате она сразу начинала дрожать, а кожа девушки немедленно покрывалась мурашками. Клавдии казалось что вот-вот её схватит за плечо страшная костлявая рука, а на шее сомкнутся мертвые зубы одного из давно умерших хозяев замка. Так что, бедной девушке недёшево обошлась её глупая дерзость. Но запретный плод, как известно, сладок и юные шалуны даже не думали бросать свою игру.

* * *

Поначалу Катарина не понимала что не так с этим портретом. Написанный не на холсте, как все другие картины в замке, а на большой буковой доске, он был самой древней картиной из всех что здесь имелись. Ему наверное уже насчитывалось не менее четырехсот лет. Почерневший от времени он, как-бы, сам по себе излучал седую, далёкую древность.

Неизвестный художник написал его в традиционной для средневековья манере. Портрет изображал некую семейную группу расположившуюся на лужайке на фоне замка. Правда в том мощном, неприступном сооружении, возведённом исключительно в военных целях, и без всякой претензии на красоту и изящество, едва ли можно было узнать нынешний замок фон Траумбергов.

Пожилые мужчина и женщина степенно сидели в высоких креслах. У ног мужчины, прямо на траве, примостился юноша лет четырнадцати с длинными каштановыми волосами. Он печально взирал с портрета своими большими глазами и гладил борзую собаку с узкой, тонкой мордой. Возле кресла женщины стояли две молодые симпатичные девушки, по видимому дочери – погодки. Общим было не больше шестнадцати – семнадцати и одеты они были, по мнению Катарины, в очень странные платья. На остальных фигурах тоже были забавные старинные одежды. Лица всех изображенных на портрете людей выглядели натянутыми и совершенно безжизненными. Будто-бы они застыли во времени и проявляли полнейшее равнодушие ко всему на свете. Изображение голов и других частей тела, что казались не пропорциональными, свидетельствовало о несомненно средневековом происхождении портрета. О том же говорило и его своеобразное обрамление по периметру. Причудливая окантовка состоявшая из девиза на латыни и различных причиндалов в виде геральдических щитов, мечей и секир.

– Подумаешь, ничего особенного, – пожалала плечами Катарина увидев портрет в первый раз. – Странные они какие то тут все. Головы слишком большие а руки наоборот. Как-будто не настоящие, совсем как у тех кукол что в комнате молодой госпожи. Ой... а вот у этой шея очень тонкая! Такой же не бывает.

– В те времена художники ещё не научились правильно изображать людей, – тихо сказала Клавдия, стараясь не глядеть на портрет. В её голосе явно слышался страх.

– Пойдём быстрее отсюда! – и она схватив Катарину за руку потащила её прочь из зала.

– А вампир это тот старый, с густыми бровями и выпирающим подбородком? Тот кто в кресле сидит? – спросила девочка.

– Нет это древний предок нашего хозяина. Старый граф, кажется его звали Генрих. Про него я ничего дурного не слышала, – ответила Клавдия.

– Тогда кто же вампир? Неужели тот молодой юноша что играет с собачкой? – не унималась Катарина.

– Его там нет... Сейчас нет. И возблагодарим Господа за то что это так. – Сказала Клавдия таким тоном что у Катарины побежали по коже мурашки. Но она так ничего и не поняла. «Если на портрете никакого вампира нет то почему все так его боятся?» – подумала она решив обязательно это выяснить.

Ночью, после молитвы, когда девочки улеглись по кроватям, Клавдия поведала своей младшей подруге страшную легенду замка, которую сама услышала примерно в её же возрасте. Пытаясь придать своему голосу зловещий оттенок она рассказывала:

– Там ещё один должен быть, на этом портрете. Может-быть ты заметила что между сидящими графом и графиней слишком большой промежуток. Так вот: раньше там был изображен их старший сын и наследник. Вот он и есть страшный Носферату, или по нашему вампир. Он продал свою душу дьяволу и ещё совершил что-то такое... такое... ну, словом, совсем уж страшное, за что его родной отец проклял.

– Проклял родной отец? – с ужасом переспросила Катарина. – Что же он такое сделал ужасного если его проклял собственный отец?

– Этого я не знаю, – вздохнула Клавдия. – Ведь с тех пор прошло почти сорок лет. Но наверняка это было что-то поистине ужасное. Ведь старый граф не только проклял своего сына и изгнал прочь, но даже приказал соскоблить его изображение с фамильного портрета. Как будто его вообще там никогда не было.

– Ужас, – испугано прошептала девочка.

– Вот-вот, а потом его убили и закопали, – закончила Клавдия натянув одеяло до самого подбородка.

– Кто убил?

– Я не знаю... Но потом они вернулись, и хотели вообще его тело сжечь. Разрыли могилу а его там уже нет.

– Как это? – спросила Катарина чувствуя непреодолимое желание закрыться одеялом с головой.

– Ну ты что, глупая? Не умер он. То-есть умер но не по настоящему, не до конца. Он и после смерти продолжает жить, потому что душу свою продал Сатане. Графский сын превратился в Носферату и теперь он и не мёртвый и не живой. Вот такие дела.

– Ужас! – снова повторила Катарина – уже полностью закутавшись в одеяло и высунув наружу только левое ухо. – А что было дальше?

– Он превратился в вампира, а это значит что с тех пор он может появляться только по ночам, а днём лежит где-то в своей тайной могиле. И ещё... Чтобы продолжать жить после смерти ему надо пить кровь живых людей. Понимаешь? Пить

кровь и убивать людей. Особенно он нападает на девушек, потому-что наша кровь для него чем-то лучше.

– Ой! – замерла в ужасе Катарина. – И что же нам делать!?

– Не знаю, только убить его нельзя, потому что он уже мёртвый. Но зато его может отпугнуть распятие, чеснок... ещё что-то, просто я забыла. Ещё можно громко прочесть молитву, это тоже помогает от упырей и всяких вурдалаков.

– И много девушек он уже убил?

– Говорят много, но точно я не знаю. Наверное об этом знает только старая Марта. Она очень старая и ей всё известно, только старуха не любит говорить об этом. И вообще она очень противная. Особенно когда трезвая.

– А при тебе он убивал кого-нибудь?

– Нет. Понимаешь, он не убивает каждый день, иначе в замке уже давным-давно никого бы не осталось. И не только в замке, думаю за четыреста лет он извел бы всех в нашей деревне и даже в самом Крумлове.

– А как тогда он убивает? Раз в месяц?

– Нет. Обычно он пробуждается раз в лет тридцать или около того. Пробудившись он сразу начинает убивать и пить кровь живых. Ночью приходит и пьёт кровь у какого-нибудь человека, а наутро его жертва умирает. Так будет продолжаться долго, может быть несколько месяцев, пока он не насытится. А такое случится не раньше чем проклятый упырь высосет кровь у нескольких десятков людей. И это ещё не самое страшное... Иногда, некоторые из убитых им, сами превращаются в вампиров. Они приходят по ночам с кладбища и тоже нападают на спящих. Но таких можно убить, потому что они намного слабее. А вот его самого убить невозможно.

И самое главное – когда он пробуждается от своей дьявольской спячки, то сразу же, в этот же день его изображение вновь появляется на портрете. Появляется на своем прежнем месте – там где его и нарисовал художник: между родителями. После же того как он досыта напьётся крови живых людей, он забирается в свою могилу и опять впадает в спячку на долгие годы. И когда заснёт, его дьявольский облик на том портрете вновь исчезнет.

– Ой! – пискнула Катарина, вот почему все так боятся того портрета. Но, по моему, он делает хорошее дело, заранее предупреждая о возвращении этого чудовища. Я бы на месте господина графа назначила специального человека из слуг чтобы наблюдать за ним, ежедневно. Ведь если люди боятся даже смотреть на портрет то и пробуждение вампира никто не заметит. А так, по крайней мере, все будут предупреждены. На это время можно просто покинуть замок и переждать где-нибудь.

– Может ты и права, – Клавдия нехотя согласилась с подругой. – Но только всё равно никто не согласится выполнять такую обязанность. Ни за какие деньги. Понимаешь... считается что того кто первым увидит ЕГО на портрете, упырь обязательно убьёт. Этот человек и станет первой жертвой пробудившегося вампира. Притом он не только убьёт того несчастного но и заберёт его душу превратив в проклятую тварь.

—Тогда конечно никто не согласится, – вздохнула Катарина. – Слава Богу что сейчас его нет. А то вот был бы ужас.

– Знаешь, старики говорили что последний раз он появлялся лет так, около пятидесяти назад. Но точно про это только старая Марта знает, а она не хочет никому об этом рассказывать. Старуха больше всех его боится, потому что всё помнит. Пока она служила в замке, вампир, говорят, дважды пробуждался.

– Почти пятьдесят лет назад?.. Ты же говорила что он пробуждается раз в тридцать лет? Может быть он всё же умер? – с надеждой спросила Катарина.

– Ну на это не надейся. Я же говорила что он не может умереть. Просто иногда время его сна длится дольше, иногда короче. И чем дольше длится его сон тем злее и ненасытнее он пробуждается.

– Значит он может проснуться в любой момент? – от страха у бедной девочки защемило сердце. – А наш граф об этом знает?! Он же должен что-то сделать! Принять меры!

– Наш хозяин не верит в существование вампиров. Он злится когда слуги рассказывают эти легенды или боятся делать уборку в зале где висит портрет. А все истории связанные с ним, он называет старушечьими сказками и дикими предрассудками. Только я не понимаю что означает это слово – «предрассудки».

Девочки надолго замолчали. Потом подала голос толстушка Гертруда до этого совершенно не принимавшая участия в разговоре.

– А я вот слышала, девчонки, что он... ну когда ещё был живым, сильно влюбился в одну девушку. Да так что просто сох по ней.

– Дура ты, Герти, – откликнулась Клавдия. – Он же чудовище, свою душу Сатане продал, такие не влюбляются. У них и сердца то почитай нет.

– Сама дура! Я же говорю, это случилось до того... ну когда он был ещё жив. То-есть был обычным парнем... Ну не совсем обычным а графским сыном конечно... но нормальным человеком и кровью ещё не питался. И вот он полюбил ту девушку, да так сильно что хоть в петлю лезь. А она ни в какую... Не нравился он ей. Не посмотрела даже на то что он графский сын, потому как сама была благородных кровей. И вот из-за того что у него с ней не заладилось, он и продал свою бессмертную душу Дьяволу.

Теперь всякий раз вылезая из могилы, он ищет девушку точно похожую на ту что любил и которая отвергла его. И когда он найдёт такую, то выпьет её кровь и заберёт с собой в могилу. Её душа погибнет и она станет такой же как он, то есть бессмертной, проклятой Богом и будет пить кровь. Но зато если он найдёт такую девушку и заберёт её к себе в преисподнюю, то здесь уже больше никогда не появится. И все ужасы прекратятся навсегда.

– Ох... – вздохнула Клавдия. – Жаль что он не сможет влюбиться в такую мордастую и толстозадую как ты. А то стала бы ты, Герти графиней, да ещё и бессмертной в придачу. – В темноте послышался смех а затем тяжёлое сопение и сдавленные всхлипы Гертруды.

– Ну и гадина ты Клавдия! Да я бы тогда к тебе первой пришла и всю твою кровь выпила. Всю до последней капли.

– Ладно девочки, не ссорьтесь, – попросила Катарина своих подружек. – И так очень страшно. А как его звали, того графского сына?

– Это никому не известно, и нам запрещено расспрашивать про всё что связано с проклятым портретом. Если хозяин узнает какие разговоры мы ведём, то недолго и места лишиться. А если нас выгонят из замка, то где мы на приданое заработаем? – произнесла Гертруда почти что шёпотом. – Да и какая разница как его звали, уже четыреста лет прошло.

– Старуха Марта наверняка знает. – не согласилась Клавдия. – Только с нами она не будет разговаривать. Вот если-бы её подпоить...

* * *

С тех пор минуло уже два с половиной года. Катарина с подругами по прежнему играли в их «Страшную игру» и всякий раз на мрачном фоне портрета они видели одни и те же безжизненные лица господских предков. Множество страшных историй, рассказанных девочками перед сном, уже не пугали Катарину. Да и вообще, все эти старые легенды замка казались уже чем-то вроде детских сказок и не воспринимались всерьёз.

Но портрет всё равно её пугал. И каждый раз проходя через зал она старалась не смотреть на него. Сейчас, войдя в кладовую, она положила стопку белья на предназначенную для этого полку и огляделась. Находившиеся там трое женщин о чём-то активно спорили.

– Разбаловал её отец, ох разбаловал. После смерти жены слишком много свободы стал ей давать, вот и совсем девка уважение к нему потеряла. Ошалела от вседозволенности.

– Понятное дело – любимая дочь. И внешне, ну вылитая графиня – мать, царствие ей небесное, – сказала Грета, худощавая женщина лет тридцати пяти.

– Это вы о нашей молодой барышне говорите? – весело спросила Катарина. – Ну и как она сегодня?

– Плохо, – махнула рукой пухлая, конопатая Берта. – Всё на папеньку дуется, заперлась и никого видеть не хочет. И так уже шестой день. Слава Богу, хоть сегодня нормально покушала. А то первые три дня так вообще ничего в рот не брала. И как она только выдержала? Я бы точно не смогла.

– Похоже у нашей красотки приключилась «Чёрная немочь» – предположила насмешливо Грета. – А у господ по научному она зовётся – «Меланхолия».

– Да какая разница. Сохнет девка, ой сохнет, и с отцом она так и не разговаривает.

– Это всё из за того красавчика офицера что был здесь неделю назад.

– Вот именно! Он её сватать приехал а наш граф его и завернул: сказал, мол ваш род недостаточно знатен для нас, сударь.

– Неужто так и сказал?! – ахнула Берта.

– Ну да, они там в кабинете почти целый час спорили и кричали друг на друга. Офицерик этот выскочил от него весь красный, злой, сразу прыгнул в экипаж и на вокзал. Только его и видели. Говорят, отправился напрямиком на войну. Даже с нашей барышней не простился. – А ведь какой красавчик! – мечтательно воскликнула Грета причмокнув губами. – И весь такой благородный, сразу видно что тоже из графьёв, не меньше. И какой красивый... Высокий, стройный, а глаза какие голубые... Что ещё нашему графу нужно, чем не жених для его дочери?

– А барышня наша в него по уши влюблена, сразу видною, – усмехнулась Катарина. – Ещё-бы в такого и не влюбиться. Кстати его Людвигом зовут.

– Ты ещё тут порассуждай, соплячка малолетняя, – накинулась на неё Мария, самая старшая из присутствующих женщин. – Ещё молоко на губах не обсохло а туда же. И нечего вам тут, господские дела обсуждать.

– А какой у него мундир красивый... и передать нельзя. Наверно гусарский! – вновь затынула Грета свою песню.

– Да в артиллерии он служит, – сказала Мария, – и не граф он вовсе, а барон. А барон это тот, кто, вроде как, у господ, чуть помельче считается. Вот в этом то всё и дело.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Грета.

– Что ж мне не знать? Ведь этот Людвиг – единственный сын покойного барона Конрада Хагендорфа. Его отец, до самой смерти, был лучшим другом нашего графа.

Ну и сам он, раньше частенько сюда приезжал, ещё с детства. И с красавицей нашей они уже давно сохнут друг по другу. А Их Сиятельство, стало-быть, отказал... Ох не к добру это, не к добру. Ведь офицерик то наш отсюда прямо на войну поехал, а вдруг как смерти начнёт искать. Что же с нашей барышней то будет? – стала сокрушаться добродушная женщина.

– Ну... запричитала, – усмехнулась Грета. – Ничего с ней не случится. Потаскует наша раскрасавица, потаскует да и перестанет. Уж, думаю, руки то на себя не наложит.

– Ох не знаю, – задумалась Мария, потом увидев Катарину снова набросилась на девушку. – А ты что тут уши развесила, работы нет? Возьми вон поднос с кофеем и отнеси молодой барыне. И давай побыстрее чтобы не остыл.

– Да мне же пол в зале мыть, – встрепенулась девушка в надежде что новое задание отменит предыдущее. Но, как оказалось напрасно.

– Ничего потом вымоешь, никуда он не денется. – Мария всунула в руки девушки серебряный поднос с кофейником, чашками и различными вазочками со сливками и мармеладом. – Вперёд и без разговоров. И вот ещё что... Войдёшь, поставишь и сразу уходи, не вздумай ничего говорить. А то сегодня Клавдия стала молодую госпожу утешать, ну и получила. Барышня её вытолкала пинками, да ещё ей в рожу водой из графина плеснула. Ох злая она сегодня! Совсем девка осатанела!

– Это из-за жениха, я знаю, – кивнула головой Катарина.

– А вот это не твое дело, господа сами разберутся. Смотри не урони. – После того как за девушкой закрылась дверь Грета спросила:

– А на какую войну жених то несостоявшийся поехал? Я и не слышала о том что император наш с кем-то воюет. Мария лишь глубоко вздохнула: мол кто же их господ разберёт.

– Да Бог его знает. То ли, с русским царём, то ли, с какими-то шведами, сама точно не припомню.

* * *

Держа в руках довольно тяжелый поднос с кофейными принадлежностями, Катарина, миновав несколько коротких переходов, вновь оказалась в полутёмном зале. «А теперь не смотреть направо!» – приказала она себе и двинулась дальше. Взгляд её скользнул по рыцарским доспехам матово блестящим в полумраке.

Вдруг ей показалось как что-то сверкнуло на их тусклом металле. Нечто подобное зеленоватой вспышке, а точнее её отблеска. Девушка вздрогнула но тут же поспешила взять себя в руки. «Всё нормально, всё как обычно. Не смотреть вправо» – говорила она себе и продолжала идти.

Но почему так потяжелел поднос? Почему вдруг стали плохо двигаться ноги? Да она просто боится! Боится детских страшилок! Но почему? Ведь она множество раз проходила мимо этого гадкого портрета... Что же изменилось сейчас? Надо просто пересилить страх, подойти и ещё раз посмотреть на него. Всё очень просто, она же видела его много раз. Он всё тот же, и в нём ничего не изменилось. Никаких вампиров не существует – ведь так говорит господин граф. Их Сиятельство очень благородный и образованный человек, и он конечно лучше обо всём этом знает.

А, между тем, она чувствовала что портрет её притягивает к себе, манит, будто приобрел над ней некую мистическую власть. Катарина сделала шаг, потом второй, третий. Вдруг, непроизвольно, сами собой у неё зажмурились глаза. Но и ничего

не видя она знала что стоит точно напротив проклятого портрета. «Убегай дура! Спасайся!! Не смотри!!!» мелькнула последняя здравая мысль в её голове...

Но видимо было уже поздно, и другая, куда более властная, сила приказала ей – «Открой глаза и взгляни!» – и она словно под гипнозом выполнила приказ. Ну вот, ничего не случилось, – девушка перевела дыхание, всё как обычно, всё... И тут она увидела ЕГО!!! Ужас пронзил тело Катарини подобно раскалённой игле или электрическому разряду, полностью парализовав остатки её воли. Девушка просто тупо рассматривала портрет который уже был другим. Он как будто приобрел более гармоничный, первозданный и законченный вид. И всё из-за того что на нём прибавилось фигур.

Облокотившись рукой на спинку отцовского кресла стоял светловолосый молодой человек в зелёном, старинного покроя, кафтане, расшитым золотыми шнурами. У него было тонкое, породистое лицо, выражавшее лишь ироничное презрение. А его благородные, красивые черты, тем не менее, внушали только страх, потому что принадлежали потустороннему существу несущему гибель.

«Он пробудился!!! Восстал!!! Вернулся!!! Спаси нас пресвятая Дева Мария!!!» – такие мысли стучали в голове Катарини подобно огромным молотам в кузнице господина Хазе. Всё это теперь означало одно – в их замок пришла смерть! И ещё: она заметила что ЕГО изображение, как-то резко выделялась на общем фоне картины. Рядом с безжизненными, выцветшими и блёклыми членами его семьи, собственная фигура ужасного визитёра излучала жизненную силу и была будто написана свежими красками. «Носферату, немертвый!» – девушка вспомнила как называлось это существо в местных легендах и тут силы окончательно её оставили. Грохнул об пол поднос, покатился со звоном серебряный кофейник, чёрный кофе смешался с белыми сливками. В глазах Катарини всё потемнело.

Глава 2

Пробуждение Носферату. Тайна семьи фон Траумберг. Знакомство со Струэнзе

Удушливый пороховой дым, смешиваясь с чуть ощутимым запахом крови забивал ноздри. « Вот он запах победы» – подумал я равнодушно раскачиваясь в седле. Тлела земля, горели разбитые снарядные ящики и какой-то деревянный хлам. Несколько пушек сиротливо стояли оставленные своей прислугой. Два орудия лежали на земле перевёрнутыми, вокруг семь или восемь трупов в форме датских канониров. Дальше снова тела и тела. Одному из них особенно не повезло: парню оторвало сразу и правую руку и левую ногу. Но он уже мёртв а значит ему всё равно. Даже удивительно какие циничные мысли иногда приходят в голову на поле боя. Но в пылу сражения это нормально. Это помогает выжить и не лишиться разума.

Ещё один датчанин, живой, в расстёгнутом офицерском мундире бежал следом за мной, норовя ухватить за стремя. Высокий нескладный блондин в нелепых круглых очках. Близорукий артиллерист... интересно чем ещё удивит нас датская королевская армия?

Бой уже затихал. Далеко впереди слышались раскатистые звуки отдаваемой команды: «*Vajonett auf! Vorwärts! Marsch!*»¹ Датчанин тоже что-то кричит, но из-за истошных воплей раненых солдат, я не могу разобрать что именно. Кажется я где-то уже видел его. Точно! Несколько дней назад, во время последних переговоров, нас даже представили друг-другу. У этого парня какая-то весьма необычная и примечательная фамилия. Почему-то именно сейчас она начала всплывать у меня в голове. Стронзе... Струэнзе...

1. Примкнуть штыки! Вперёд! Марш (нем.)

Стронзее? Кажется примерно так... Но оказывается меня он тоже запомнил. Видимо, ещё не отошедши от лихорадки боя и внезапного, столь тяжёлого, поражения, он кричал во всё горло проклиная меня на чём свет стоит.

– Остановитесь, чёртов Хагендорф! – вопил он, едва не поправ под копыта моего коня. Но кажется собственная безопасность его не волновала. – Будьте вы прокляты! Я не верю! Всё это чёртов бред! Этого просто не могло произойти! Да остановись же наконец, проклятый австрияк!!! Обернувшись к нему я пытаюсь перекричать, напрягая связки:

– Идите вы к чёрту, Струэнзе! (Наконец-то я вспомнил его фамилию). Прекратите истерику! Всё кончено! Вы проиграли и смиритесь в конце концов с этим неприятным для вас фактом! Остаткам армии короля Христиана IX остаётся лишь эвакуироваться на острова Альс и Фюн. Полагаю, война окончена и не в вашу пользу. – Но этот идиот всё не унимался. Забегая вперёд моего коня он продолжал кричать.

– Но как!? Как!? Да нет же... Чёрт возьми, это бред! Как такое возможно?! – Подскользнувшись, он упал лицом в грязь, затем поднялся, сел, и, будто выражая невероятное горе обхватил голову руками всё время что-то бормоча. Мне даже стало его жаль... так переживать из-за совершенно безнадежного дела!

– Да не расстраивайтесь уж так. Ваша армия сделала всё что смогла. Просто соотношение сил было...

– Причём здесь чёртово соотношение сил?! Причём здесь датская королевская армия?! – воскликнул он в отчаянии. – Чёрт вас возьми, Хагендорф, объясните мне: каком образом вы смогли накрыть мою батарею?! Это не должно было случиться! Я всё правильно рассчитал и никак не мог ошибиться! Да я, гори оно всё огнём, был лучшим среди нашего выпуска в Королевской военной академии. Как такое могло произойти?! Как? Каким образом, я вас спрашиваю?!!

– Сочувствую вам, и вашей военной академии, – сказал я, придерживая своего коня чтобы он не задавил беднягу. Но тот, в ярости, вскочил на ноги.

– Перестаньте ёрничать, барон! Я идеально расположил свою батарею. Она должна была быть неуязвима для ваших орудий! Как?!! Каким образом, чёрт возьми, с вашей позиции и с такого расстояния вам удалось меня накрыть?!! Такого же не могло случиться, просто не могло!!!

– Хватит махать руками, Струэнзе. Вы пугаете моего коня и не даёте ему проехаться. Вы же видите что загораживаете дорогу, уйдите в сторону.

– Ну уж нет! – обезумевший датчанин попытался схватить поводья. Объясните мне как вы стреляли и пожалуйста по подробнее! Как вы это сделали, чёрт возьми?!

– Хотите чтобы я показал вам блокнот со своими расчётами?

– Да! Да, конечно! – тут же воскликнул он всем своим видом выражая нетерпение. – Я должен разобраться как такое вообще могло произойти.

– Обойдётесь! – жестко бросил я ему. – Вы кажется забыли что у нас идёт война, а мы всё ещё являемся противниками. И не вы один были лучшим в выпуске. После Гейнсбурга я закончил Терезианскую военную академию и, уж поверьте, тоже не был там последним. А что касается прискорбной участи вашей батареи, то позвольте вам порекомендовать труд прусского генерала артиллерии Карла-Фридриха Гельцендорфа. Так же, неплохо бы вам изучить недавний опыт русских артиллеристов, во время обороны Севастополя.

– Перестаньте, барон, военную историю нам преподавали на должном уровне, – отмахнулся датчанин.

– Ну, так если вы мнили себя Наполеоном, то это ваша Березина... или Ватерлоо. У вас не было ни единого шанса, Струэнзе, ибо перед вами непобедимая армия. Армия Людвига фон Габлентца¹ – нашего блестящего полководца!

– Не льстите себе, Хагендорф, – произнес расстроенный датчанин. Он вдруг посмотрел на меня тяжелым взглядом и саркастически усмехнулся. – Это не армия Габлентца. Это армия фон Врангеля², армия Вильгельма первого-пруссского, Бисмарка и Мольтке³. А ваши бравые австрийские парни подставляют пулям свои лбы, исключительно за интересы пруссаков.

– Но-но, господин Струэнзе. Вообще-то мы с ними союзники, – сказал я просто потому, что надо было что-то сказать.

– Вот увидите, Хагендорф что ваш союз «Двух Чёрных Орлов» просуществует очень недолго. И Шлезвиг и Гольштейн пруссаки заграбастают только для себя. А года через два они вломятся и к вам. Будьте уверенны, ударят вас в самый неожиданный и неподходящий момент. Кажется, лет сто тому назад, они уже отобрали у вас Силезию. Разве не так?! – Струэнзе протёр от грязи свои круглые очки и водрузил их обратно на нос, от чего, его круглая белобрысая физиономия стала выглядеть ещё нелепее.

– Знаете, господин Струэнзе, – сказал я, стяхивая жидкую грязь с поводьев, – я устал, у меня чертовски плохое настроение и нет никакого желания спорить с вами. Тем более что мне, почему-то, кажется вы весьма недалеки от истины. А теперь посмотрите направо, видите там большую белую палатку над которой развивается наш имперский чёрно-жёлтый флаг. Запомните его, это флаг победителей! Там же развернут пункт приёма для пленных офицеров. Так-что двигайте туда, господин фаталист и провидец, и побыстрее, пока вас кто-нибудь не застрелил.

Привыкайте к положению военнопленного, ведь для вас война уже кончилась. – Пришпорив коня, я рванул с места и поскакал в расположение своей батареи, обдав растерянного датчанина брызгами грязи. Слегка обернувшись, я увидел как он снова протирает свои очки.

* * *

В полутёмном зале несколько слуг суетились вокруг, неподвижно лежавшей на полу, Катарини.

1. Людвиг-Карл Вильгельм фон Габлентц (1814—1874) – австрийский фельдцейхмейстер. Участник датско-австро-прусской 1864г и австро-прусской 1866г войн. Один из лучших офицеров Австрийской империи. Из-за тяжелой болезни и финансовых неурядиц покончил жизнь самоубийством.

2. Врангель Фридрих-Генрих-Эрнест (1784—1877), граф, генерал-фельдмаршал. 15 декабря 1863г. назначен главнокомандующим прусскими войсками в войне с данией. Но в связи с возрастом вскоре сложил с себя обязанности.

3. Мольтке Хельмут Карл Бернхард фон (1800- 1891), граф, германский генерал-фельдмаршал. В 1857—1888гг.– начальник генерального штаба Пруссии, начальник полевого штаба Вильгельма I

– Вот негодяйка, посмотрите-ка весь пол залила, какие превосходные сливки пропали, – сокрушалась одна из кухарок.

– Да, но что с ней такое?! Эй, Карл, Стефан несите сюда огонь! – крикнула Мария двум здоровенным парням. Оба огромных детины в ливреях и чулках с башмаками приблизились держа бронзовые канделябры с зажженными свечами.

– Побрызгайте на неё водой, – сказал кто-то, и чертыхнулся, наступив ногой на упавший кофейник.

– Жива! – произнесло облегчённо сразу несколько голосов. – Да! Кажется шевелится! Наверное это просто обморок.

– Уж не беременна ли она? – спросил один из верзил поднося канделябр.

– Фу, Стефан, какие глупости ты говоришь. Какой ты всё-таки гадкий! Катарина ещё девственница, – негодующе ответила Мария. – Ката, милая-что с тобой?

Девушка открыла глаза, ошарашенно оглядела окружавших её людей и при помощи Марии и Греты поднялась на ноги. Казалось что она не понимает что с ней произошло.

– Боже мой! Смотрите, да она вся дрожит, – воскликнула Мария. Тело Катарини действительно всё тряслось. Разомкнув бескровные губы она прошептала:

– П-п-п... ПОР-Т-Т-Т-РЕТ-Т-Т. – Затем пошатнулась и снова чуть не потеряла сознание. Все присутствующие, как по команде, посмотрели на картину. И спустя мгновение пространство зала будто взорвалось от воплей ужаса что одновременно

вырвались из множества глоток. Толкаясь и мешая друг-другу, все слуги, включая едва живую Катарину, бросились вон.

– Он вернулся!!! Дьявол вернулся!!! Боже спаси нас!!! Вопли раздавались уже в конце галереи, и впереди всех улепётывали Стефан с Карлом, по прежнему сжимая в руках подсвечники с пылающими свечами. Спустя десять минут всё пространство старинного замка: от украшенной скульптурами древних горгулий, крыши, до обширных подвалов, погрузилось в пучину первобытного страха. Спустя ещё час, страх пришёл и в ближайшую деревню.

* * *

– Сюда! Сюда, Ваше Сиятельство. Сейчас вы лично всё увидите. Да я и сам, сперва не поверил. Возможно ли такое? Народ всё время выдумывает различные сказки, вот я и думал что это очередная чепуха... Ох Господи! Что с нами будет?! Что делать теперь?! Что делать?! – Причитал маленький, плешивый человечек, всё время вздыхая и разводя руками. Он семенил немного впереди своего спутника, подобострастно распахивая перед ним двери и угодливо заглядывая в глаза.

Тот же представлял собой полную противоположность суетливому человечку. Это был высокий стройный мужчина лет пятидесяти. Его красивое волевое лицо обрамляла густая шевелюра уже изрядно тронутых сединой волос, и пышные усы. Он был одет в, кирпичного цвета, длиннополый замшевый сюртук с широкими лацканами, и узкие чёрные брюки. Это был хозяин замка – граф Вильгельм Фридрих Август фон Траумберг.

– Скажи-ка, Фриц, что обо всём этом говорят люди? – спросил он у своего управляющего. – Но тот лишь снова развёл руками.

– Боятся, Ваше Сиятельство. Все очень напуганы, – пролепетал он. – Вы уж извините, но многие просто собираются бежать.

– Значит бежать... – граф нахмурил брови. – Как это не вовремя. Вот что Фриц, я пригласил доктора Войцеховского. Пусть осмотрит дочь. Распорядись подготовить для него комнату, он приезжает завтра во второй половине дня.

– Хорошо, Ваше Сиятельство, будет исполнено, – кивнул головой Фриц. Впереди, рядом с закрытыми массивными дверями, сгрудилось более двух десятков человек, испуганно переговариваясь друг с другом. Судя по их напряженным лицам они, в любой момент были готовы дать дёру.

– Вот, ваша милость, как вы и распорядились почти все люди собрались здесь. – Широким шагом граф подошёл к одному из них. Это был здоровяк Карл, по прежнему державший в руке подсвечник.

– Пойдешь со мной, – коротко бросил ему фон Траумберг. Здоровенный, двухметровый парень дёрнулся будто получив пощёчину и мгновенно побледнел.

– Ваше Сият... во... Ваш... – забубнил Карл толстыми трясущимися губами, и в его глазах заблестели слёзы. Он словно – бы весь сжался и стал ниже ростом.

– Я же говорю, они все боятся. Суеверные люди, что с ними делать, – в пол голоса пояснил управляющий. – Они думают, что тот кто его увидит, тот обязательно умрёт. Якобы покойник ночью сойдёт с портрета и кровь его выпьет. Темнота – одним словом.

– Ладно, дай сюда, – скомандовал граф, отбирая у вспотевшего Карла канделябр. Затем окинул строгим взглядом толпу притихших слуг, и шагнул к дверям зала. Услужливый Фриц распахнул перед ним обе створки тяжелой двери пропуская вперёд.

– Я, с вашего позволения, тоже здесь подожду, – скороговоркой произнёс маленький человечек, отводя глаза. – Мало ли что, все так напуганы, вдруг кому-нибудь плохо станет. – В ответ граф, издав некое внутриутробное рычание и сжимая побелевшими пальцами канделябр вошёл в тёмный, пустой зал. Тут же управляющий, со вздохом облегчения, аккуратно и беззвучно прикрыл за ним дверь. Замолкшие слуги опять начали тихо переговариваться.

– Я жене велел вещи собирать. Пускай с детьми пока у тестя поживут. – Да, такие дела... Это же надо... а я, грешным делом думал что это пустые рассказы, глупые сказки и не больше. Что же теперь делать?

– Бежать! Бежать надо отсюда, пока целы! Пускай хозяин сам разбирается со своими ожившими покойниками. Бежать, бежать, и как можно дальше от замка!

– Ага... бежать значит! Ну-ну! А мне вот некуда бежать, и место своё я не хочу терять. Может быть всё ещё обойдётся.

– Вроде бы чеснока он боится, а ещё распятий... Но точно надо у старой Марты спросить. При ней он уже пробуждался.

– Чепуха, не Марту надо про него расспрашивать, а Магду Шлоссе из деревни. Больше чем она, про всякую нежить, никто не знает.

– Это потому, что Магда-трактирщица сама ведьма.

* * *

Стоял уже поздний вечер, и зал был погружен в полную темноту. Впрочем, время суток тут не имело значения. В этом зале не имелось окон, и если не были зажжены массивные бронзовые люстры, здесь всегда царил мрак. Таковы досадные издержки средневековой архитектуры. Вероятно, в те времена, из-за отсутствия окон подобные помещения считались самыми безопасными. Лишь в углу зала тускло поблескивало пламя свечей.

Граф, держа канделябр, стоял вперив немигающий взгляд в пресловутый древний портрет. Ни один мускул не дрогнул на его породистом, красивом лице. Только смертельная бледность, подёргивающиеся усы и взъерошенные волосы выдавали сильнейшее волнение этого мужественного человека. Да может быть, ещё, сверкающие безумным блеском глаза.

– Т-А-А-К... – прошептал он словно сделал глубокий вдох. – Значит всё это правда. Невероятно! Так вот ты какой, дядюшка Вилли, проклятие и позор нашего рода. Опять пришёл крови попить?! – Слегка отшатнувшись он с усмешкой погрозил портрету пальцем. Ну а древний незванный родственник равнодушно взирал с портрета на своего далёкого, живого потомка, и глаза его излучали весёлое лукавство и презрение. Он словно-бы говорил – «Я здесь нахожусь по праву и ничего ты мне не сделаешь. Я у себя дома». Граф пошатнулся но справившись с волнением вновь посмотрел на портрет.

– Что ж, дядюшка, читал я о твоих похождениях. И дневничок мы твой храним, тот который ты переплёл в человеческую кожу. Да.., дядюшка Вилли, знатный ты был убийца, а ещё предатель и клятвопреступник. Уж не знаю, кто из вас двоих был кровавее – ты сам, или валашский господарь Влад Дракула, которому ты служил?! Только зря ты явился на этот раз, дядюшка. Это мои люди, они под моей защитой и я за них в ответе. Поэтому я намерен сделать то, что не удалось ни моему отцу ни деду: Уничтожить тебя, дьявольское отродье, уничтожить полностью и окончательно. Четыреста лет слишком долгий срок, даже для тебя, дядюшка.

С этими словами граф повернулся и шатаясь побрёл к выходу. Сделав несколько шагов он вдруг остановился. Воспоминания раннего детства, которые он силой воли, так долго, изгонял из своей памяти, теперь явственно выплыли наружу и обрушились подобно водопаду. Они всплывали фрагментарно как отдельные эпизоды, воспоминания о том что произошло почти пятьдесят лет назад.

Он вспомнил возбуждённых людей бегущих куда-то, и что-то кричащих. И ещё, некий полузадушенный, испуганный шёпот словно витавший в воздухе: « Он вернулся! Вурдалак! Упырь! Носферату!» – в то время он ещё не знал значения этих слов но чувствовал что произошло нечто плохое. Тогда ему было всего четыре года. Поддавшись всеобщему возбуждению он ничего не понимая бежит вслед за слугами, и видит как из людской выносят на белой, перепачканной каплями крови, простыне какую то девушку.

Ещё он вспомнил как, спускаясь с лестницы, ему что-то кричал его старый, хромой дядька-воспитатель Петер, – старый солдат сражавшийся ещё под знамёнами фельдцейхмейстера Вильгельма Вартенслебена. Кажется он просил своего подопечного не идти дальше. Но он, конечно не стал слушаться своего дядьку, ведь тот был всего лишь слуга. Тогда уже мать, грубо и больно схватив за воротник уводит его прочь. При этом она всё время отворачивала ему голову не давая смотреть на тело несчастной служанки прикрытое белой простыней с кровавыми пятнами.

Затем, в замке появилось сразу несколько священников. они читали молитвы и кропили все помещения святой водой, не забывая даже самые потаённые закоулки. А на следующий день он уехал вместе с матерью и двумя старшими сёстрами в Вену и ничего уже больше не видел. Вернулись они только спустя четыре месяца.

Его поразило то, как за это время постарел отец, как покрылись сединой его волосы. А ещё он стал прихрамывать и часто держаться за сердце. Да и вся жизнь в замке как-то приутихла. Там где раньше раздавался смех и царило веселие, теперь стояла, почти могильная тишина. А ещё, помнится, по возвращении, он не досчитался двух своих няnek и старого дядьку Петера. Ещё кто-то умер из служивших на конюшне, и на кухне. А в соседней деревне погибло ещё больше людей.

На все его детские вопросы, взрослые либо отмалчивались, либо говорили о эпидемии какой-то опасной болезни пронесшейся в этих краях. Его отец умер спустя четыре года после тех событий. Умер внезапно, так ничего и не открыв своему сыну. Из болтовни слуг он конечно знал легенду о старинном портрете и связанном с ним их семейном проклятии, но полагал всё это глупыми сказками необразованной черни. И лишь в день своего шестнадцатилетия, ему удалось узнать немного больше.

Тогда на праздник приехал его дядя Генрих: весёлый толстяк служивший по дипломатическому ведомству. Дядя буквально завалил его подарками, много шутил, много пил, словом, был очень весел и беззаботен. Но по окончании праздника, он отвёл его, шестнадцатилетнего юношу, в отцовский кабинет, усадил в кресло и сказал что должен рассказать ему одну историю. История же эта является страшной тайной их семьи.

– Неужели, дорогой дядя в нашем замке тоже обитает приведенье? – спросил он тогда, рассмеявшись. Но дядя посмотрел на него, как-то, весьма строго, и он с удивлением понял что дядя, весь вечер налегавший на разные вина и, вроде как пивший без всякой меры, сейчас совершенно трезв.

– Я дипломат, мой мальчик, – усмехнулся дядя Генри, заметил его недоумение. – А всякий дипломат обязательно должен уметь много пить, но всегда сохранять голову трезвой. – Вот что, Вилли, твои детские годы кончились. Ты теперь взрос-

льй человек, и к тому что я хочу тебе рассказать тоже должен отнестись именно как взрослый человек.

– Я слушаю, дядя Генри, – сказал он, польщённый новым к себе отношением, поудобнее устраиваясь в кресле.

– Ты наверно уже слышал легенду связанную с древним портретом что висит на втором этаже в зале без окон?

– Которому больше трёхсот лет?

– Да тому самому.

– Ну слышал. Якобы на нём изображен один наш предок, который продал душу дьяволу и поэтому его закрасили. Конечно я это слышал. Слуги очень боятся этого портрета. Боятся даже смотреть на него. Говорят что этот, ну... которого закрасили – вампир, и что он иногда выходит из картины для того чтобы пить кровь живых. Но ведь всё это – чушь несусветная, дурацкие сказки.

– А что ты помнишь о событиях происходивших здесь двенадцать лет назад? Ты тогда был мал, но что-то всё же должен помнить.

– Ну... Почти ничего, ведь мы с матушкой сразу уехали в Вену. Помню только, что здесь была какая-то эпидемия и умерло много людей.

– А что это была за эпидемия, ты не знаешь?

– Нет, мне это не известно. Возможно холера или что-нибудь ещё. Я не понимаю, дядюшка какое это имеет значение? Столько лет прошло.

– Я вот тоже так думал, – кивнул головой дядя. – Знаешь, когда это случилось, меня не было в стране. Я был послан в Англию с тайной дипломатической миссией, ко двору Георга III. Но у Георга случился очередной приступ безумия, и из-за этого наша миссия затянулась. А положение в Европе тогда было очень тревожное.

– Да я знаю, всё из-за этого чёртово корсиканца Наполеона.

– Побольше уважения, мой мальчик! Ты говоришь о великом человеке! – строго сказал дядя. – В 1813 году мы заключили в Тёплице союзный договор с Джорджем-Гамильтоном графом Абердином. Но мы хотели получить от англичан большие гарантии. Ну это так, к слову. Так вот, когда произошли эти события, я был в Англии. Сразу по возвращении я навестил брата и от него узнал всю эту историю. Ты тогда со своей матерью и сёстрами был ещё в Вене. Рудольф не хотел вас вызывать раньше чем здесь всё полностью закончится. – Дядя закурил сигару откинувшись в кресле, сделал затяжку, потом продолжил рассказ. Глядя куда-то в пустоту он произнёс.

– О Рудольф, Рудольф... Я был неприятно поражён его видом. Мой брат постарел лет на десять-пятнадцать, и производил впечатление человека вконец сломленного жизненными ударами. Вот тогда он и поведал мне всё что здесь приключилось. – Он снова затянулся, затем налил себе в бокал коньяка. – Знаешь, я всегда думал о своем брате, твоём отце, как о самом прекрасном, правильном и благородном человеке. Но более всего меня привлекало в нём его точность мысли, логика, прагматизм. – Дядя осушил бокал, опять затянулся сигарой и продолжал: – А тогда, передо мной стоял вконец сломленный жизнью, постаревший человек. У него тряслись руки, он постоянно читал молитвы и крестился. А ведь раньше Рудольф совершенно не отличался религиозностью. Так... посещал церковь, скорее в силу обычая, общественного приличия, что-ли.

– Я мало помню отца, – в смущении признался он дяде – Ты тогда был слишком мал. – Дядя, помолчав, вновь наполнил бокал.

– Не знаю даже как сказать, но тогда я, с болью в сердце, стал сомневаться в психическом здоровье Рудольфа.

– Ну это вы напрасно, – возразил тогда он дяде. – Мой отец не был сумасшедшим.

– Да я и не говорю что он сошёл с ума. Но он мне сказал... сказал... В общем, получалось что всё о чём болтали слуги в нашем замке, всё это, по его словам, оказалось правдой.

– Как это?! – воскликнул он, пораженный словами дяди.

– Ты знаешь что у нашего рода, как впрочем у любого другого старинного рода Европы, множество, как выражаются англичане, скелетов в шкафу? Увы не все наши предки поступали честно и благородно.

– Я не понимаю тебя, дядя! – почти вскричал он воспламенившись праведным гневом. – Куда ты клонишь? Наши предки своей кровью, своей честью и преданностью проявленной в многочисленных сражениях стяжали себе славу! – Высокпарно ответил он дяде. – Мы участвовали в крестовых походах. Мы сражались в рядах прославленного генерала Фридриха Ветерани¹ во время его незапамятной обороны Дунайских пещер. Мы воевали под знамёнами Валленштейна² при Нордлингене, и под знамёнами Иоанна фон Гетцена³ в битве при Янковице, против армии Торстенсона. Я уж не говорю о подвигах одержанных нашими предками в битвах под командованием Евгения Савойского.

Разве не наши предки разбили протестантов при Белой горе и отстояли от турок Вену. Но к чему ворошить далёкое прошлое, есть и совершенно недавние примеры. Не ваш ли младший брат и мой дядя Ульрих геройски погиб при Аустерлице, покрывши себя славой. А ваш кузен Адольф был награждён Пушечным крестом⁴ за Лейпцигскую битву.

– Вилли, Вилли, мой мальчик, я не хуже тебя знаю историю нашей семьи, – усмехнулся дядя потягивая коньяк. – Да мы сражались почти во всех войнах что вела наша империя, и не важно праведные они были или нет. Пленение английского короля Ричарда I тоже не обошлось без участия наших предков. Вот только не знаю, стоит ли этим гордиться или нет. Но уверяю тебя, англичане это прекрасно помнят, что и дали понять во время моего пребывания в Лондоне. А известно ли тебе что во многих чешских деревнях, нашим именем, до сих пор матери пугают непослушных детей. Вот они, отголоски бесславных гуситских войн.

– Но это были бунтовщики! А наши предки только выполняли свой долг, – яростно возразил он дяде.

– Вешая крестьян на каждом дереве и надевая им на головы раскалённые обручи? Вряд ли это можно назвать выполнением долга.

– Время такое было. К тому же эти чёртовы «Сироты»⁵ сами творили страшные вещи. В конце-концов против них выступили их же собратья чехи.

1. Фридрих Ветерани (1650—1695) австрийский генерал, в 1686г. разгромил турок шедших на освобождение Сегедина. В 1693 оборонял пещеры на побережье Дуная, где он с 300 чел. целых 45 дней удерживал их от турок. Но 21 сентября 1695 турецкая армия султана Мустафы II близ Лугоша вынудила его отступить. Тяжело раненый Ветерани попал к туркам в плен и был ими обезглавлен.

2. Валленштейн (Вальдштейн) Альбрехт-Венцеслав-Евсевич (1583—1635), выдающийся полководец 30-летней войны. После гибели графа Тилли был назначен главнокомандующим армией Священной Римской империи. Сражался на стороне католиков и именно ему они обязаны победоносным характером центрального периода войны. Но, впоследствии, из-за разногласий с императором Фердинандом II,

замыслил перейти на сторону враждебной Швеции. В результате 25 февраля 1635г. он был убит двумя своими офицерами Макдональдом и Деверу.

3. Иоанн фон Гетцен (1599—1645) австрийский генерал 30-летней войны. Сражался в армии Валленштейна, одержал победу при Нордлингене (1634). В 1644г.– сражался в Венгрии и Трансильвании. В битве при Янковице (Моравия) в 1645г. он погиб.

4. Пушечным крестом- награждались австрийские солдаты и офицеры участвовавшие в битве под Лейпцигом, 16 – 19 октября 1813г. Эти кресты изготавливались из металла пушек захваченных у армии Наполеона, отсюда и название награды.

5. " Сиротами» – называли себя наиболее радикальные представители гуситского движения т. н. «табариты», после смерти их предводителя, полководца Яна Жижки.

– Всё равно, в любые времена аристократ не должен опускаться до уровня палача. К тому же я не думаю что грядущие времена будут более человечными. Ты же сам видишь что войны становятся всё более кровавыми.

– В этом ты прав, дядюшка. Наполеоновские войны унесли куда больше жизней чем все войны предыдущего столетия.

– Вот-вот. Что же говорить о будущих войнах, – вздохнул дядюшка. Но я вовсе не о том хотел поговорить с тобой, мой мальчик... Среди множества наших героических предков, затесался один. Один негодяй, который, кстати сказать, носил такое же имя что и ты. Тебя никогда не удивляло что ты в нашем роду первый Вильгельм за четыреста лет? Никогда не думал об этом?

– Имя как имя, по мне так вполне хорошее. Но что же сделал такого ужасного, тот первый Вильгельм? – поинтересовался он, заинтригованный рассказом дяди. – Он что, был отъявленным злодеем?

– О! – воскликнул дядя закатив глаза. – Это наш позор, чёрное пятно на всю нашу семью. Я не понимаю твоего отца – о чём он думал давая тебе это имя? Ведь оно навечно проклято в нашем роду. Вильгельм Фридрих Максимилиан фон Траумберг – так звали того нашего родственничка что проклял собственный отец. Мало того, он даже приказал соскоблить его изображение с фамильного портрета. Да-да того самого.

– Так это всё правда, легенда о старинном портрете?! – воскликнул он поражённый словами дяди Генриха. – Может быть тот первый Вильгельм и в самом деле стал вампиром, по ночам пьющим кровь наших слуг?! Неужели, дорогой дядюшка, вы тоже поверили в эти сказки? – Но дядя Генри, молча поднялся с кресла, подошёл к книжному стеллажу и найдя нужную полку, по хозяйски стал снимать с неё книги.

– Вроде где-то здесь, если Рудольф его не переложил, – пробормотал он складывая книги на письменный стол. Затем он надавил на какую-то потайную панель на задней стенке стеллажа и деревянная планка отъехала в сторону. Открылась небольшая ниша. Дядя сунул в неё руку и извлёк толстую, весьма потрёпанную книгу. Выглядела она очень ветхой и старинной. – Не знаю насчёт того, пьёт он кровь или нет, но наша семья, уже почти четыреста лет хранит личный дневник этого негодяя. Вот прочти и сам всё поймёшь. Только не вздумай никому его показывать, это семейная тайна. Сёстрам тоже не следует его давать, подобное чтение не для женских глаз.

Взяв в руки книгу он провёл пальцем по её корешку, осмотрел пожелтевшие страницы.

– Очень старая, кожаный переплёт совсем задубел.

– И заметь, племянник, это человеческая кожа, – сказал дядя, снова наполняя свой бокал.

Глава 3

Разговор с дочерью. Жестокие плоды эмансипации. Два неожиданных письма

Все эти воспоминания пронесли в голове графа подобно убийственному урагану, но не принесли никакой ясности. Он не знал ответа на самый главный вопрос – что теперь делать? «Надо срочно отправить отсюда дочь. Боже праведный! Невероятно! Неужели вся эта потусторонняя нечисть действительно существует?!» – подумал он закрывая за собой дверь в мрачный зал.

Выйдя на галерею, хозяин замка увидел, что толпящихся там слуг стало значительно больше. Похоже что здесь действительно собрались почти все слуги. Не было только двух привратников, младшего конюха и старой Марты.

Люди перешёптывались между собой, и все они чего-то ждали от него. Ждали каких-то слов, решений, словно точно знали что именно он должен их всех спасти и защитить.

– Фриц, распорядись запереть все двери ведущие в этот зал, а ключи принеси мне, – отдал он распоряжение дворецкому. Потом обернулся к собравшимся здесь людям.

– Друзья! – его уверенный, спокойный голос немедленно подействовал на толпящихся слуг. Все как один, они подняли глаза на графа и замерли ловя каждое его слово. – Я знаю что вы все напуганы. Я бы мог придумать какое-либо объяснение тому невероятному явлению что произошло с картиной. Например – облупилась и осыпалась краска, благодаря чему открылось ранее замазанное изображение. Но я не собираюсь вас обманывать. Я не знаю что стоит за подобным явлением, но я намерен это выяснить и навсегда положить этому конец. Не буду скрывать от вас, друзья, возможно что за нынешними событиями действительно стоят силы неведомые нам, силы страшные и потусторонние. И, следовательно, если это так, ваши жизни находятся в большой опасности.

Но также, может быть, что это явление вполне можно объяснить и обычными, земными причинами. И, как вам уже сказал, я собираюсь докопаться до правды и добиться того чтобы страх навсегда покинул эти стены. Я, также, слышал что многие из вас намерены оставить свое место и уехать из замка. Что ж, препятствий в этом я никому чинить не намерен. Но, друзья, не скрою, я очень нуждаюсь в вашей помощи. Особенно сейчас. Так что поступим таким образом: Те из вас что решили покинуть наш замок, обращайтесь к Фрицу, и он немедленно даст вам расчёт. Если потом захотите вернуться на службу то никаких проблем в этом у вас не будет. Приму всех на прежних условиях. Те же что решат остаться, с этого дня будут получать двойную оплату. Так что думайте и решайте. С этими словами граф повернулся и пошёл к себе в кабинет. Народ ещё постоял некоторое время в полном молчании и начал растекаться по своим делам.

* * *

На подходе к своему кабинету, граф внезапно передумал, и тяжело вздохнув, направился к апартаментам дочери. Ему предстоял очень непростой разговор. Раз-

молвка с дочерью явилась для него не менее тяжким испытанием чем начавшаяся в замке «чертовщина» со всеми потусторонними ужасами.

Громко постучав он потянул за ручку двери и вошёл. Его дочь сидела в кресле и пыталась читать книгу. Присмотревшись граф определил что это том Кристофа Гоувальда, чьи стихи очень нравились его дочери. Увидев папеньку, девушка демонстративно отвернула свою прелестную головку и вздёрнула носик. Графа этот жест поначалу даже развеселил, но увидев её бледность, красные заплаканные глаза и залегшие под ними тени, он только крикнул. Свою дочь он любил и любил очень сильно.

– Аннушка, милая, мне необходимо с тобой серьёзно поговорить, – начал он дрогнувшим голосом.

– О чём, сударь! Вы же уже решили мою судьбу! – Звонкий голос девушки переполняло негодование. – Решили без всякого моего ведома, как будто я неодушевлённая вещь. Вы вынули из меня душу и растоптали. Вы... Вы поступили как какой-нибудь дикарь из Новой Зеландии! Вот вы всё время твердите что любите меня, а на деле мои чувства, мои интересы, для вас это пыль, ничто! О чём ещё вы хотите поговорить? После того как вы поступили с Людвигом, для меня, решительно всё не имеет смысла. Вы, сударь, жестокий человек, и я не желаю с вами разговаривать. Я убегу от вас, или покончу жизнь самоубийством. Наверное мёртвая дочь устроит вас больше чем живая и счастливая.

Граф только повторно крикнул и подивился тому как его дочь смогла произнести всю эту тираду на одном дыхании.

– Анна-Мария, солнце моё, выслушай же своего жестокого тирана- отца. – Дочь дерзко вздёрнула голову, уставившись на него своими огромными зелёными глазами.

– Ну?

– Аннушка, ты же знаешь что я люблю тебя больше собственной жизни.

– Теперь уже сомневаюсь.

– Это так, моя радость. Поверь, я просто не предполагал что ты питаешь такие чувства к молодому Хагендорфу. Признаю я совершил ошибку. Но и ты, должна меня понять. Ты же знаешь, два года назад умер мой добрый друг, князь Альфред Виндишгрец¹...

– Знаю. Твой добрый друг, князь Альфред это палач. И не спорь, он палач, убийца, душитель свободы! У него руки по локоть в крови невинных жителей Праги и Вены!

– Замолчи, Анна-Мария! – в голосе графа зазвенел металл. – Ты не справедлива к нему. Эти невинные жители, на самом деле – озверевшая чернь, преступники! Ведь ты сама знаешь что они убили жену и старшего сына князя.

1. Альфред Кандид Фердинанд цу Виндишгрец (1787—1862), князь, австрийский фельдмаршал. Жестоко подавил революцию 1848г. В Праге восставшие 11 июня, убили его жену и ранили старшего сына. За это преступление Виндишгрец подверг Прагу артиллерийскому обстрелу а затем расстрелял т. н. инсургентов. Потом возглавил все войска империи кроме корпуса Радецкого. Взял Вену и жестоко расправился с революционерами. После этого сдал командование генералу Вильдену.

– Возможно это действительно совершили какие-нибудь убийцы и мародёры. А твой князь расстреливал всех подряд не разбираясь, – возразила девушка. – Я же говорю что он палач.

– Ладно, ладно не будем спорить. И вообще я не о том... Ты знаешь что ещё много лет назад, мы с князем Виндишгрецем решили породниться. И его младший сын, молодой князь Виндишгрец, по моему, был бы для тебя прекрасной партией.

– Он старый и нудный, – Анна-Мария смешно сморщила носик. Граф сначала удивлённо поднял брови а затем рассмеялся.

– Солнце моё, помилуй, у тебя все старики кому слегка за тридцать. Молодому князю всего тридцать лет.

– Вот я и говорю, старик! – не уступала девушка.

– Но тогда, позволь спросить, кто же я, в свои пятьдесят четыре? Наверно для тебя, я что-то наподобие высушенных мощей.

– Но ведь ты мыслишь действительно как старик. Устраиваешь судьбу своей дочери, даже не спросив её мнения.

– Но так было всегда. Родители устраивали судьбы своих детей. Так вот и я, слово данное моему, уже почившему другу, счёл священным и обязательным для исполнения.

– Неспрося меня. Вот и видно, папенька, что мои чувства ничего для тебя не значат. – Анна- Мария сокрушенно вздохнула. – Захотел меня насильно осчастливить.

– Ох, перестань, дочь. Я же сказал, признаю что был неправ. Не знал что для тебя так дорог этот лощёный, напыщенный мальчишка.

– Не смей так говорить о нём! – голос девушки задрожал а глаза, казалось, метали молнии. – Ты совсем его не знаешь! Он прекрасный, благородный человек, с очень тонкой и ранимой душой!

– Неужели? – граф притворно изобразил удивление. – Мне, напротив, казалось что я знаю его даже очень хорошо, с самого его детства. Но никакой тонкой душевной организации я в нём не заметил. Уж извини. На мой взгляд твой избранник – типичный солдафон.

– Не говори так, отец, Людвиг на самом деле очень ранимый человек. А ты, так жестоко, так ужасно оскорбил его. Что если на войне он начнёт искать гибели. А я люблю его, люблю! – Казалось Анна-Мария вот-вот разрыдается. Расстроенный отец лишь хмурил лоб да поглаживал усы.

– И чем же я мог оскорбить, их благородие, господина капитана?

– Ты сам это прекрасно знаешь, отец. Зачем ты сказал ему что их семья нам не ровня. По-твоему это не оскорбление? И всё из-за чего? Из-за того что их род менее древний чем наш. На какую-то сотню лет.

– На двести, – поправил граф свою дочь. – Более чем на двести, моя девочка. Ты же знаешь, что Хагендорфы раньше служили наёмными ландскнехтами. Да и потом... уже получив дворянство одна часть этого семейства служила и воевала за нас, а другая за наших тогдашних соседей: сначала Витковичей, а затем фон Розенбергов. Но в любом случае это уже не имеет значения. Я намерен изменить свое решение относительно твоего замужества.

– То есть? – грациозно как кошка, девушка повернула шею и вопросительно уставилась на отца. – Что ты ещё задумал, папочка? – голос Анны Марии, при этом, наполнился вкрадчивым очарованием.

– Дочь, ты у меня одна. И поэтому, живая и счастливая, пусть и совершенно непослушная, ты устраиваешь меня несравненно больше чем мёртвая и послушная.

Я решил не препятствовать твоему браку с молодым бароном Хагендорфом, хотя и не считаю это достойной для тебя партией.

Издав радостный визг Анна-Мария повисла на шее отца, покрывая его щёки поцелуями. От неожиданности, граф пошатнулся.

– Ну наконец-то, наконец-то! – тараторила она без умолку. – Я так счастлива, папочка! Спасибо тебе! Я же знала что ты не отдашь единственную и любимую дочь на закланье этому мрачному Виндишгрецу. – Граф поцеловал дочь в лоб и опустил на пол.

– Я сегодня же отправлю барону письмо, где уведомяю его о своём решении. Думаю что следует пригласить его сюда, мне необходимо с ним многое обсудить, – сказал он задумчиво, глядя поверх головы Анны-Марии, словно говорил сам с собой. Его дочь, радостно подпрыгнув, завертелась и захлопала в ладоши. Но потом, с некоторой растерянностью спросила:

– Но сможет ли он сейчас приехать, ведь идёт война, а для Людвигу долг перед Родиной важнее всего?

– Ну, будем надеяться, что важнее всего для него – ты. Да и война с Данией это всё же не война с Наполеоном, и не венгерское восстание. Думаю скоро всё закончится. Насколько я помню, последние газеты сообщали о приостановке боевых действий, датские войска прекратили сопротивление и объявлено перемирие.

– Значит он сможет к нам приехать? – с надеждой спросила девушка.

– Пусть только попробует не приехать. Только... в этот раз ты увидишь с ним немного позднее и не здесь.

– Не понимаю. Разве Людвиг приедет не в наш замок?

– Это не важно... Дело в том что ты завтра же отправляешься к тётке Элизабет, это совершенно необходимо, и не спорь пожалуйста.

– К тётке Элизабет?! Ничего не понимаю... Зачем это нужно?! Что мне делать в Дрозендорфе? Да я там сойду с ума от скуки, в этом салоне моей занудливой тётушки, и её не менее занудливого муженька.

– Анна-Мария, я бы тебя попросил...

– Ничего подобного, папенька, никуда я не поеду, – категорически заявила девушка. – Я буду ждать Людвигу здесь.

– Об этом и разговора быть не может! Всё уже решено! – граф пытался придать своему голосу твёрдость, но он всё равно звучал излишне взволновано. – Ты едешь завтра с утра. И, прошу тебя, дорогая, не спорь. Я слишком устал за сегодняшний день.

– И не подумаю, – сказала дочь, слегка обиженным тоном. – Да это безумие какое-то, Людвиг приедет сюда, в замок, а я буду где-то у твоей сестрицы. Не понимаю, что ты задумал, дорогой папенька.

– Так надо, Анна-Мария, – в голосе графа появилось раздражение. – Так надо, и это не обсуждается.

– Нет! Я никуда не поеду и буду ждать Людвигу здесь! – медленно с расстановкой произнесла девушка, сделав ударение на последнем слове.

– Дочка, – граф опустил перед ней на корточки и взял её ладони в свои. – Ты не поняла. Это не просьба, это приказ. – Но Анна – Мария, с негодованием, вырвала свои руки и гневно сверкнув глазами ответила:

– Отдавай приказы своим слугам. Я никуда не поеду, и прекрати этот разговор, а то мы опять поссоримся. – Лицо графа приняло совершенно растерянный вид, на лбу выступили капли пота.

– Да что же это такое?! Анна-Мария, дочка, – граф нервно зашагал туда- сюда перед окном, раздраженно теребя волосы. – Ради тебя я пошёл на всё! Я расторгаю договор с Виндишгрецем, соглашаюсь на твой брак с Хагендорфом. И взамен, я всего лишь прошу тебя на время покинуть замок, всего лишь, пару месяцев пожить у своей тёти. Поверь мне, это не какая-то блажь, это действительно необходимо.

– Но почему это необходимо? – глаза девушки округлились, она покачала своей прелестной головкой. – Для чего тебе, папочка, понадобилось так срочно отослать меня отсюда? Ты что-то задумал?

– Я не могу тебе всё рассказать... пока не могу. Но поверь мне, просто поверь. – У расстроенного отца затряслись руки.

– Боже мой! Невероятно! – Анна-Мария картинно всплеснула руками. – Неужели мой прекрасный, благородный, умный папочка, мой образованный, просвещённый папочка, тоже поверил в дурацкую легенду о каком-то демоне живущем в старинном портрете! – Граф закашлялся, на его лице появились красные пятна.

– Так ты уже слышала? – спросил он.

– Конечно, папочка. Эту легенду я слышала и слышу с самого рождения. Меня всегда сместило, то, какой страх она вызывает у слуг. Но вот уже два часа как все мои служанки просто обезумели. Сначала Клавдия, а потом и Генриетта прибежали бледные, испуганные, обе дрожат – «Барышня, надо спасаться, бежать! Дьявол проснулся! Мёртвый граф пришёл чтобы утащить нас в ад!» – ну и всякую прочую, подобную чепуху. С нашими слугами произошла массовая истерика или помешательство, совсем как в средневековье. Ну я надавала им по щекам, чтобы привести в себя, и прогнала прочь. Ведь проблема не в портрете а в том что у нас такие глупые, суеверные слуги.

– Дорогая, в старинных преданиях иногда тоже есть зерно истины. Я только что видел этот портрет, и я... не знаю как и каким образом... подобное могло произойти, но он действительно... изменился. За многие годы проведённые в замке я множество раз видел его, и всё это время он оставался прежним... А сегодня он изменился. На нём внезапно появилось ещё одно изображение... которого раньше не было.

– Ну и что? Ты же сам мне говорил, помнишь, когда мне было шесть лет и меня, до смерти, напугали эти глупые служанки рассказав, в первый раз ужасную легенду нашего замка? Помнится, ты тогда сказал что чудес не бывает, и всем чудесам надо искать реальное и научное объяснение, – произнесла Анна-Мария весьма назидательным тоном.

– Да я помню, – вздохнул Граф. Я рассказал тебе что старый граф Генрих фон Траумберг, разгневавшись на своего сына Вильгельма, проклял его, лишил наследства и даже приказал художнику закрасить его изображение на семейном портрете. Это исторический факт. Но прохвост художник использовал для этого самую дешёвую и некачественную краску. Со временем эта краска отслоилось и изображение проклятого графского сына вновь явилось миру. Это и напугало суеверных слуг, послужив основой для легенды о пробуждающимся вампире. Чтобы не пугать слуг, открывшуюся фигуру, пришлось снова закрасить. Так я тебе всё объяснил. А что, по твоему, я мог рассказать крошечной шестилетней малышке, трясущейся от страха и ревущей в три ручья.

– Так ты меня обманывал? – с многозначительной улыбкой спросила Анна-Мария. – Нехорошо, папочка!

– Да нет же, Солнце моё! Просто это единственное объяснение которое я, в то время для себя придумал. Я никогда не верил во всю эту... мистику: ни в ведьм, ни в вампиров. Но из рассказов слуг, что я слышал в детстве, последний раз он появ-

лялся на портрете пятьдесят лет назад. Мой отец, твой дед, граф Рудольф, тоже не верил в легенду замка, но как только это произошло, сразу же отправил нас с сёстрами и матерью в Вену.

– Тогда ты вообще ничего не можешь помнить, если был в Вене.

– Я помню, что в день перед нашим отъездом, в замке царил ужас и паника, такие же как сейчас. И знаю что тогда последовала целая череда загадочных смертей. Несколько человек умерло в замке и с десятков в деревне. Официально это посчитали неизвестной эпидемией.

– И что? Теперь когда я стала взрослой, ты мне предлагаешь всерьёз поверить в эти бредни, и бояться некого, давно умершего, нашего предка. Про/клятого пращура, который пьёт кровь по ночам и обитает в портрете? Здорово! Мертвец сходящий с холста раз в тридцать или пятьдесят лет.

– Я не призываю тебя верить во что-либо подобное, радость моя, только прошу, пожалуйста, погости пару месяцев у своей тётушки. Уверяю, что время пролетит очень быстро.

– Никогда! – категорично отрезала Анна-Мария.

– Но почему?! – задохнулся от негодования её отец. Казалось что граф из последних сил сдерживает в груди вопль отчаяния.

– А потому, папочка, что если перед нами предстаёт неизвестная тайна, мы должны не убежать от неё, а исследовать. – Издав стон, граф опустил в кресло подобно совершенно обессиленному человеку. Непослушание его дочери превосходило все мыслимые границы. – Или ты считаешь что если я девушка, то обязана быть слабой и незащищённой? Интересно что бы на это ответила Жорж Санд?

– Боже мой! Анна Мария, ну при чём здесь Жорж Санд? – вспыхнул граф. Она уже глубокая старуха, а в молодости была грубой и вульгарной женщиной с мужеподобными замашками. Недаром выбрала себе мужской псевдоним. Она даже сигары курила, притом безостановочно. Дочка, ты нашла себе неудачный пример для подражания.

– Ах вот ты как! – вспыхнула девушка. – В твоих словах, отец, я слышу один лишь мужской шовинизм. Вам важно как женщина выглядит снаружи, и совершенно безразлично то что у неё внутри. Ну а уж, если женщина носит брюки или курит сигары, то есть нарушает установленные, вашим мужским деспотизмом, для неё правила – то вы и вовсе готовы обвинить бедную женщину во всех смертных грехах. – С этими словами она подошла к книжному шкафу, покопалась там, и сняла с полки какую-то небольшую книжку. – Ну а что ты скажешь о Фредерике Бремер¹?

– Ничего, дочка. Это имя мне неизвестно.

– И напрасно, папенька! В восемь лет она стала писать стихи, в двенадцать, переодевшись мальчиком бежала на войну против Наполеона. Отвергла все предложения руки и сердца, потому, что хотела любить всех людей мира а не одного конкретного. И не только любить, но и бороться за их счастье.

1. Фредерика Бремер (1801—1865) шведская писательница. Основные произведения: «Очерки будничной жизни»; " Жизнь Сестёр»; «Семья в новом свете». Выступала за свободу женщин от тирании общества и мужчин.

Сейчас вторая половина девятнадцатого века а не глухое средневековье. Что бы сказали эти героические женщины, узнав что я недостойно бежала испугавшись какой-то страшной сказки?

– Но Анна- Мария...

– Нет, папочка! Данную тему я считаю полностью исчерпанной и все разговоры о моем отъезде окончены! – В очаровательном голоске милой девушки зазвенел металл рыцарской брони.

«Идиот! Старый идиот!» – ругал себя граф, возвращаясь из апартаментов дочери в свой кабинет. «Не с того начал разговор. Разрешение на свадьбу с Хагендорфом надо было давать только при условии её немедленного отъезда из замка. Вот безмозглый дурак! Ну и что теперь делать?!»

* * *

– Пока двое, – доложил Фриц. – Расчёта попросила одна из прачек, и кучер Дитрих. Это тот молодой и лопоухий, с рыжими волосами.

– Я думал что таких будет больше, – сказал граф. – он сидел за своим письменным столом и запечатывал, сургучной печатью, конверты. – Мне показалось что они все напуганы до крайности.

– Так оно и есть, Ваше Сиятельство, многие готовы последовать их примеру, – ответил управляющий. – Но одним просто некуда ехать, а других вдохновляет ваша щедрость. Посмею заметить, пока вдохновляет.

– Ну а ты, Фриц... на тебя то я могу рассчитывать? – граф испытующи посмотрел на своего собеседника.

– Конечно, Ваше Сиятельство, я весь к вашим услугам, до самой своей смерти. Вся моя жизнь принадлежит вам, без остатка. И, прошу вас, располагайте ею так, как вам будет угодно. – Маленький человечек даже вспотел, пытаясь выразить свою преданность. Фриц, в довершении всего, попытался изобразить нечто похожее на благородный реверанс. Граф усмехнулся, запечатав последний конверт он сложил их аккуратной стопкой.

– Спасибо, Фриц, я всегда в тебя верил. Завтра возмёшь Карла, он неплохо умеет обращаться с лошадьми, поедешь с ним на вокзал и встретишь доктора Войцеховского. Он прибывает поездом в четырнадцать тридцать.

– Будет исполнено, Ваше Сиятельство, – ответил управляющий. – Какие ещё будут распоряжения?

– Заодно отправишь эти письма, – граф протянул ему несколько запечатанных конвертов.

– С вашего позволения, Ваше Сиятельство, – произнёс Фриц, убирая письма в свой портфель. – Не стоит ли вызвать сюда вашего сына? Надвигаются такие времена, когда каждый мужественный человек будет на счету. Ведь на нашу прислугу надежды мало.

– Вот именно – мужественный человек, – повторил граф тяжело вздохнув. – К сожалению мой сын не относится к этой категории. Нет, мы не будем его вызывать. Я даже рад что Карл-Фридрих находится во Франции потому, что здесь от него было бы мало пользы, – произнёс он с сожалением в голосе.

– Как будет угодно Вашему Сиятельству. И, опять же, с вашего позволения, дозвольте мне сказать несколько слов.

– Говори, – граф с интересом посмотрел на него.

– Я служу вам уже почти тридцать лет, и надеюсь у вас не было причины быть недовольным мною. Но вот в настоящее время... происходят очень странные события...

– Говори короче, – поморщился граф. – К чему ты клонишь?

– Слушаюсь, Ваше Сиятельство. Так вот, когда ОН приходил в прошлый раз, я ещё не родился, и следовательно мало чем могу быть вам полезным. Вот если бы вы поговорили с Мартой. Я уверен что она знает обо всём этом намного больше чем кто либо другой. Ведь на её веку ОН приходил дважды. Возможно она даже знает как убить это чудовище.

– Но ей уже почти девяносто лет, – удивился граф. – Она, поди, уже из ума выжила, да и не помнит ничего. – Но Фриц прикрыл ладонью лицо, скрывая усмешку.

– И всё же я очень советую вам порасспросить её, Ваше Сиятельство, – повторил Фриц покидая кабинет.

После того как Фриц вышел, граф достал бутылку и плеснул в свой бокал коньяка. Пригубив, он долго, неподвижно сидел погруженный в свои мысли созерцая пламя свечей. Затем встал и подошёл к большому книжному стеллажу полностью занимавшему одну из стен кабинета. Граф нажал на тайную панель и открыл замаскированный сейф. Внутри лежала старинная, сильно потрепанная книга.

Эта книга была довольно толстой, не менее трёх дюймов шириной в корешке. Ещё там был полированный, из красного дерева, ящик с двумя дуэльными пистолетами. Пистолеты, тоже были несомненно старинными, с затейливыми позолоченными накладками, и явно работы очень искусного мастера. Рядом с набором пистолетов лежала жестяная коробка. Открыв, граф поднёс её к свету и пламя свечей отразилось на тусклом, матовом металле, лежавших там, серебряных пуль.

Все эти предметы были положены в сейф ещё отцом нынешнего графа, пятьдесят лет тому назад, и являлись свидетелями таких же тревожных и страшных дней.

– Если всё это правда, – глухо произнёс граф, – я остановлю тебя, дьявольская тварь.

* * *

Нет ничего более унылого и тягостного, для военного человека, чем перемирие. В этот период очень обостряются меланхолические настроения если таковые хоть сколько-нибудь свойственны вашей натуре. Увы это так. Потому что уже нет той холодной собранности и внутренней сосредоточенности в которую неминуемо погружаешься перед сражением. Нет и восторженного упоения, что с замиранием сердца, ощущаешь под шквалом пуль и картечи. Когда, кажется сам сгустившийся воздух битвы кружит тебе голову, а кровь вскипает в ожидании ежеминутной опасности.

Всего этого нет, но в тоже время, ты не можешь расслабиться и предаться обычным занятиям и радостям мирного времени. Снова уввы! Ты по прежнему живёшь в походных условиях, питаешься кое-как, спишь в палатке на жёсткой сборной кровати, к тому же тебя безбожно жалят надоедливые комары и мухи. Но сейчас мы, хотя-бы, можем ощутить себя победителями.

Незаметно мои мысли унеслись на пять лет назад. Тогда стояли такие же летние дни, только были они для нас весьма тягостными и мрачными, после проигранного сражения при Маджента¹. Тяжелые воспоминания сменились ещё более тяжелыми мыслями о делах настоящих. Перед глазами всё время вставал бесконечно милый образ Анны-Марии.

Боже мой! Бессмертные Небесные силы, где же ваше милосердие?! – неужели всё кончено, и я потерял её безвозвратно?! Но это казалось настолько невозможным что мой разум отказывался верить в реальность подобного. Последние три года я думал о ней, не иначе как, о своей невесте. А в тот злополучный день я даже с ней

не простился. Разговор с её отцом получился ужасным, мы расстались настоящими врагами. Я был в ярости и уехал немедленно. Помню только удивлённое лицо моей Анны-Марии и её огромные зелёные глаза в которых стояли слёзы. Какой же беззащитной она выглядела тогда. Беззащитной и несчастной.

Я знал Анну-Марию с детства, наши отцы всегда были добрыми друзьями. Почему же граф Траумберг мне отказал? Он ведь не мог не знать что мы любим друг – друга. Ополоснув лицо водой я лёг на свою узкую походную кровать. Под руку подвернулась книга стихов Рудольфа Гирша². Некоторое время я пытался её читать, но вскоре захлопнул и отложил в сторону. Его скабрезные до сальности, развесёлые стихи совершенно не соответствовали моему настроению. Взял другую книгу, ею оказался «Наполеон III» только-что вышедший роман Луциана Герберта¹. Постепенно чтение захватило меня. Должно быть прошло около часа прежде чем появился мой денщик Алоис.

– Господин барон, вам пришли письма. – Он положил на соседний стул два конверта. Я равнодушно взглянул на них, и тут меня будто ударило электрическим током. Первое письмо было из богемского замка от графа Траумберга. Вот от него-то я

1. 4 июня 1859г. французские войска императора Наполеона III и генерала Патриса де Мак-Магона разгромили 60-и тысячную австрийскую армию у местечка Маджента.

2. Рудольф Гирш (1816—1872) популярный австрийский поэт. Основные произведения: «Balladen und Romanzen» (1841); «Soldatenspiegel» (1849); «Irrgarten der Liebe» (1850). Его творчество носило несколько скабрезный, фривольный и беспринципный характер.

точно не ожидал никаких писем, особенно после недавнего разговора.

А второе письмо... Боже мой! Моё сердце усиленно забилося. Второе письмо было от неё... Я немедленно выпроводил Алоиса из своей палатки и, дрожавшими руками, вскрыл конверт. Что там!? Неужели мой тусклый, серый мир вновь наполнится красками!? Но тут же на меня нахлынули сомнения. Почему вместе с письмом Анны Марии пришло письмо и от её отца? Может быть это просто прощальное послание, дань вежливости? Мол, простите, дорогой барон, но мой папенька желает мне только счастья, а посему, увы мы не можем быть вместе...

Моё сердце билось в каком-то, уж совсем, сумасшедшем ритме, и я почувствовал что мне не хватает воздуха. Сжимая конверт, я вышел из палатки, развернул его и, собравшись с духом, начал читать. Пробежав глазами первые строки письма Анны-Марии, я понял что мир прекрасен!

«Милый, милый, Людвиг» – писала моя возлюбленная. – «Ты конечно был очень расстроен последним разговором с моим злодеем-папочкой. Но всё вдруг обернулось самым прекрасным, для нас, образом. Мой отец передумал, и теперь он не будет возражать против нашей с тобой свадьбы. И всё это потому, что я у тебя такая умница. После твоего скандального отъезда, я заперлась у себя, ничего не ела и не разговаривала с ним. Я довела своего папочку до белого каления и он в конце концов сдался. Отец больше не вспоминает об этом ужасном князе Виндишгреце, напротив, он сказал что желает, как можно быстрее видеть тебя в нашем замке. Так что. заканчивай побыстрее свою дурацкую войну и приезжай к нам, так быстро как только сможешь.

Безумно любящая тебя, и твоя навеки Анна-Мария, пока ещё фон Траумберг. P.S. Кстати, в нашем замке стали происходить какие-то странные и таинственные события. Папенька даже хотел меня отправить на несколько месяцев к тётушке Элизабет, в Дрозендорф. В общем приезжай и сам всё узнаешь».

1. Луциан Герберт – творческий псевдоним австрийского писателя Юлиуса Гундлинга (1828—1890). Ему принадлежат произведения: «Наполеон III» (1863); «Виктор Иммануил» (1865) и др.

Чувствуя приятное расслабленность во всём теле, я вскрыл второй конверт. Вот что писал граф:

«Милостивый государь! После нашей последней встречи, вы вряд ли рассчитывали получить от меня какое-либо послание. Да, мы расстались далеко не друзьями. Я признаю что был излишне резок с вами и наговорил лишнего. Но и теперь я продолжаю считать что ваша кандидатура не является лучшей партией для моей дочери. Однако сложившиеся обстоятельства вынуждают меня изменить своё решение.

Я больше не намерен препятствовать вашему браку с Анной-Марией. Более того, эти же самые обстоятельства, заставляют меня просить вас прибыть как можно быстрее. Сейчас я не могу сообщить ничего более конкретного, но подозреваю что моя дочь находится в серьёзной опасности. Так что, по возможности не медлите. С уважением, Вильгельм Фридрих Август фон Траумберг».

Прочитав письмо графа я ощутил некую растерянность. Анне-Марии грозит опасность? Но что может угрожать моей невесте в стенах её родного замка, под присмотром отца и многочисленных слуг? И что это за обстоятельства, из за которых фон Траумберг согласился на наш брак? Ведь это письмо, несмотря на его сухость, по сути являлось мольбой о помощи.

Положив его послание в карман, я вновь развернул письмо Анны-Марии. Перечитывая его я невольно заулыбался.

– Барон, да вы весь сияете! – раздался позади меня, уже порядком надоевший голос. – Наверное умер кто-то из богатых родственников.

Позади меня, поблёскивая своими круглыми очками, стоял наглый датчанин и заглядывая мне через плечо, как ни в чём ни бывало, пытался читать письмо.

– Ах, нет, я ошибся, письмо явно от девушки. Ну что ж, тогда вдвойне поздравляю, барон. Значит вы счастливый влюблённый?

– Струэнзе, – сказал я поворачиваясь к настырному нахалу, – разве ваша маменька не говорила вам что нехорошо читать чужие письма, тем более так демонстративно?

– Конечно говорила, и неоднократно, – кивнул он своей белобрысой головой. – Но каюсь, я не всегда слушаюсь свою маменьку.

– Тогда, по крайней мере, может быть вы читали распоряжение о режиме, для находящихся в плену офицеров вражеской армии? У нас, вообще-то, всё ещё продолжается война, Струэнзе, а вы шлёетесь, как ни в чём не бывало, по нашему лагерю.

– Да полно вам, барон. Война, считай, кончилась, и к несчастью победили вы. А я вовсе не нарушаю режим, прошу заметить, меня отпустили на прогулку под честное слово офицера.

– Ну так и шли бы вы к девочкам, что ли! – попытался я отделаться от него, всецело занятый своими мыслями.

– Фу, барон, как вам не стыдно предлагать такое. – Струэнзе преспокойно расположился на пне, рядом со мной. – В конце- концов вы сами виноваты. До сих пор не можете эвакуировать наш лагерь. Кстати у вас найдётся что-нибудь выпить?

– Вы невероятно назойливы, – я протянул ему свою флягу. – Вроде бы неплохой Бурбон. – Сделав глоток, потом ещё один, он вернул флягу.

– Да действительно неплохой. И что же пишет вам прекрасная леди?

– Ещё немного, Струэнзе, и я буду жалеть о том что одно из моих ядер не подарило вам вечный покой.

– Не сожалейте, барон, иначе я бы стал приходить к вам по ночам. Иногда живой враг причиняет меньше беспокойства чем мёртвый.

– Кстати, я давно хотел у вас спросить, Струэнзе, откуда у вас такая фамилия? – Поинтересовался я у наглого датчанина. – Помнится в ваших датских краях, лет так сто назад...

– Да. Вы совершенно правы, фон Хагендорф. Действительно, Иоган Фридрих является моим родственником по линии отца. Он приходится мне дядюшкой, хотя жил три поколения тому назад. Прекрасный был человек, только очень амбициозный и умный. А это, как известно, далеко не всем нравится. Его же отношения с королевой, вообще вызвали громадный скандал. Вот и поплатился за это головой¹. Так что же пишет ваша несравненная Лаура?

– Струэнзе, ну какого чёрта вы решили что я буду обсуждать с вами свои личные дела? – Бесцеремонность датчанина начинала меня раздражать.

– Не злитесь, барон, – равнодушно отозвался мой назойливый собеседник. – Возможно это всего-лишь зависть, ведь я так и не успел обзавестись невестой. Эта война началась так не кстати.

– Так сколько же вам лет? – поинтересовался я.

– Недавно исполнилось двадцать два.

– Это сражение было у вас первым?

– Ну... нет. Не считайте меня совсем уж мальчишкой. До того как познакомиться с вами я был на Данневеркской позиции и при неудачной обороне Дюббеля. Вообще-то я происхожу из семьи потомственных военных. Мой отец был при при Идштедте, где мы хорошо наваляли вашему союзнику, генералу Вильгельму Виллизену.

– Ну, положим, не такое уж это великое достижение – разгромить наспех собранный ландвер.

– А каков ваш боевой путь? – ехидно задал вопрос Струэнзе.

– Да в общем-то тоже невелик, – признался я. – Был при Маджента, Монтебелло, Сольферино. Сражался с пьемонтцами. Теперь вот здесь. И, кстати, у меня совсем нет времени беседовать с вами. Полученное только что письма побуждают меня немедленно просить кратковременный отпуск. Я должен срочно уехать.

– Торопитесь на свадьбу? – рассмеялся Струэнзе. – Что ж, всё правильно. К чёрту Марса, да здравствует Гименей! А возьмите меня с собой, – предложил он совершенно неожиданно.

– Струэнзе, вы что сошли с ума? – спросил я предполагая что всё так и есть. – Пока не закончилась война, забудьте о свободе передвижения.

– Да я не о том. У меня и мыслей нет о побеге. Просто подумайте, барон, вы же должны продемонстрировать своей невесте какой-нибудь трофей.

1. Иоганн Фридрих фон Струэнзе (1737—1772) немец по происхождению, личный врач короля Кристиана VI. Находился в любовной связи с королевой Каро-

линой Матильдой. Постепенно он стал фактически править Данией. Издал около 600 весьма прогрессивных законов. Сделал гласным судопроизводство, учредил свободу печати, вероисповедания, промыслов и т. д. Но уволил без пенсии множество чиновников, чем вызвал к себе их ненависть. А немецкий язык, при нём, стал единственным государственным языком в Дании, что тоже не прибавило ему популярности. Вскоре королева родила дочь, внешне очень похожую на Струэнзе. В конце-концов королеву и его арестовали. Королеву Каролину Матильду развели с королём и выслали из страны. А Струэнзе 28 апреля 1772г. был четвертован в Копенгагене, в возрасте 35 лет.

Так сказать, в доказательство вашей воинской доблести. В древние времена, наши с вами германские предки предъявляли своим невестам головы убитых врагов. Вот и предъявите мою голову, только, так сказать, в живом виде, вместе с туловищем, руками и ногами.

– Мне не до шуток, Струэнзе. В довершении всего вы путаете древних германцев с древними кельтами. Наши предки не занимались подобным варварством.

– А я и не шучу. Помилуйте, барон, я зверски изъеден здешними комарами, у меня всё тело от них чешется. Да я вообще не могу находиться в этой местности. Неужели вам меня не жалко.

– Жалость к врагу – опасное чувство, – отрезал я.

– Жалость к обезоруженному врагу – есть чувство благородное, – немедленно парировал датчанин.

– Честно говоря, вы мне уже изрядно поднадоели, Струэнзе. Да и не отпустит вас никто. По крайней мере пока ваш король Христиан IX Глюксбург не подпишет мирный договор.

– Под вашу ответственность непременно отпустят. И обещаю что не буду вам надоедать. Вообще, я готов быть образцовым военнопленным.

Глава 4

История Ганса Ползадницы, или когда отличная память не только достояние молодых. Рассказ старой Марты о нашествии живых мертвецов имевшее место пол столетия тому назад

– Вы звали меня, Ваше Сиятельство? – прошамкала беззубым ртом старая Марта. – Меня прислал господин Фриц. Сказал что вы хотите говорить со мной.

– Да, Марта, я хочу говорить с тобой, входи и присаживайся, – сказал граф, указывая на одно из кресел стоявших возле горящего камина. Скрюченная старая женщина, тяжело шаркая ногами, добралась до него и кряхтя пристроила на нём свои старые кости.

– Марта, ты очень давно живёшь в нашем замке, наверное ты самая старая жительница в здешней округе, – издали начал разговор граф.

– Да-да, батюшка. Старая я уже. Вот через месяц исполнится девяносто лет, – зашамкала старуха трясушимися челюстями. – Я долго, долго живу на свете. В нашей округе, почитай, лишь Лаурка Пфальц старше меня, ей уже сто лет без двух. Да... давно, давно живу на свете.

– Это всё прекрасно, но я бы хотел... – попытался прервать её граф.

– Ох давно... – продолжала старуха Марта, как ни в чём не бывало. – В прежние времена как-то легче оно всё было, – затрясла она морщинистой шеей, будто ничего вокруг не замечая. Граф, нервно поджав губы, прикурил сигару от свечи. – Деда вашего, графа Дитриха, хорошо помню. Красивый был мужчина, – продолжала бубнить Марта. – Даже в старости красавец был, одни усы чего стоили. А уж глаза какие... – старуха мечтательно вздохнула. – Ох грешили мы с ним, сильно грешили, сейчас и вспомнить так срам один. Бывало возьмёт нас троих: меня, БERTУ и Злату, иногда ещё приглашал Гретхен и Милицу. Притащит в спальню, а там у него уже всё готово, закуски там всякие, много бутылок с разными винами. Запрёт дверь, разделет нас до нага, и говорит чтобы мы вакханок каких-то изображали, – "Хочу почувствовать будто я в древней Элладе" – говорит. Уж что это за Эллада такая была, где голые девки бегали. Наверно срам один. Потом сам разделенется, к голове своей привяжет оленьи рога, и в чём мать родила бегаёт за нами и при этом громко так кричит по звериному. Ну точно как олень во время гона.

Он уже старый тогда был, такой как ты нынче, или даже постарше. Говорил что хочет ощутить себя каким-то сатиром или фавном. Кто такой этот фавн? Неужели у него взаправду на голове рога росли? И ещё он говорил, что только так он может набраться мужской силы. А вот когда молодой был, так чистый огонь. Очень, говорят, он до девок охочий был. Только тогда он больше всего свою жену любил госпожу Каролину.

Говорят, что для того чтобы на ней жениться, он со всей своей роднёй переругался. А уж когда та померла, так видимо с горя, и пустился во все тяжкие. Так говорили, сама то я его помню только стариком. Но девок много попортил. Вот Штрубэ, Карлоффы, нынче почитай все его внуки. – Граф резко отдернул руку почувствовав сильную боль в пальцах. Оказывается что он ухватил сигару за горящий конец. – Но добрый был человек, плохого про него ничего не скажу, – продолжала шамкать

Марта беззубым ртом. – Всех порченных им девок потом замуж выдал, и приданное им справил.

Помню как Иоганн Карлофф отказывался Матильду за себя брать. Говорил что он, как добрый католик, должен только на девственнице жениться. А Матильда, мало того что порченная, да ещё и на сносях с графским выблядком. Долго, помню, они торговались. Недели две а может и больше. Старый граф тогда этому Иоганну уйму деньжищ отвалил, так тот сразу четырёх коров купил. И ещё граф, ему ежегодно за содержание детей платил, Матильда то двойню родила. Да что и говорить, добрый был человек.

И батюшка ваш, граф Рудольф тоже хороший человек был, но другой: учёный, серьёзный. И супругу, матушку вашу, очень любил, ох как любил. И за девками почти не бегал, а байстрючат у него только двое случилось. У Шарлотты от него дочка родилась, а у Элизы Хазе – сыночек.

– Что-что! – граф медленно поднялся из-за стола, и круглыми, немигающими глазами уставился на старуху.

– Ох, Боже ты мой! – старая Марта прикрыла себе рот сухонькой морщинистой ладошкой. – Ох, что же это я, дура старая, языком то всё чешу. Мне бы помолчать про это. Эх старость, старость, голова то совсем пустая стала, – зашамкала она и перекрестилась.

– Дальше, – коротко потребовал хозяин кабинета. – Рассказывай всё что знаешь!

– Дя я вот и говорю, хороший он был человек. Матушку вашу очень любил, сестёр ваших. А уж когда вы, Ваше Сиятельство, родились, так вообще от счастья весь святился.

– Стоп! – граф подошёл вплотную к старухе. – Ответь-ка мне, Марта, следующее: Когда родились эти дети... ну... от других женщин, мой отец был уже женат на матери, или это произошло до свадьбы?

– Ну девка то родилась ещё задолго до его свадьбы. Почитай сразу после того как ваш папенька с военной службы уволились. А вот сыночек то, что у Эльзы Хазе родился.., – тут старуха замаялась.

– Ну чего замолчала?! – нетерпеливо произнёс граф. – Давай рассказывай.

– Да старая я уже, Ваше Сиятельство, старая, всего не упомяну. Голова то совсем дырявая стала.

– Ну уж нет, старая, теперь не увливай, – фон Траумберг нервно прошёлся по кабинету. – За язык тебя никто не тянул, а раз уж начала болтать так говори всё до конца. – В нетерпении он начал теребить свои усы.

– Эх, да что уж теперь, махнула рукой Марта. – Вот когда матушка то вас родила, батюшка ваш, граф Рудольф, на радостях три дня пили. А Эльза тогда в замке работала, молодая она была совсем. И вот пошла она к нему значит, постель перестилать, а батюшка ваш там юбку то ей и задрал. По пьяному делу это у него получилось. Эльза тогда сильно плакала, боялась что теперь её никто замуж не возьмёт. А уж потом у них и пошло и поехало, как по маслу. Сама к вашему папеньке бегала.

А батюшка ваш, с утра перво-наперво, проведает вашу матушку: после родов слаба она была очень. На вас полюбуется. А вы лежите себе в колыбельке, ну вылитый ангелочек, только глазёнками моргаете. А уж после вашей матушки прямоком к Элизке шёл, знать потребность у него такая была. А уж когда зачала она, батюшка ваш сразу из замка её удалил, денег дал и за кузнеца нашего Гельмута Хазе, замуж выдал.

– Так-так, то есть ты хочешь сказать что наш нынешний кузнец Вальтер Хазе – незаконный сын моего отца, и следовательно мой брат? – Медленно протянул граф, доставая вторую сигару из шкатулки. – Но что-то не сходится... Ты Марта путаешь, тогда мы с Хазе были бы погодками, но он на десять лет меня младше.

– Ничего я, ваша милость, не путаю, – в голосе старухи послышалась обида. – Вальтер, он законный, его Эльза уже потом, в браке родила. А того сыночка Клаусом назвали, только недолго он прожил. Один год и три месяца ему было когда помер. Ваш батюшка тогда сильно переживал и плакал даже, но старался чтобы жена ничего не заметила.

Только она всё равно заметила. Спросила – «чем вы так опечалены, мой друг?». А он отвечает, что мол, сильно его беспокоит судьба империи. Видит он неминуемую угрозу со стороны Бонапарта, который не потерпит существование в Европе никакой другой империи кроме собственной. И не знает он на кого наша Австрия сможет опереться. Англичане коварны и любят загребать жар чужими руками, а русский царь, пока молод и глуп. И ещё у него какой-то там Суворов давно умер, а нового нет. Вот, батюшка, про англичан то я знаю, это народ такой хитрый, что живёт далеко отсюда, на островах. А вот кто такой этот Суворов? – может быть ты, батюшка, мне объяснишь, дуре старой.

– Да неважно это, Марта, – нервно отмахнулся граф. – Суворов, это русский фельдмаршал, полководец такой был, очень талантливый, не проиграл ни одного сражения. Но не о том разговор, скажи лучше что случилось с той девочкой, которая раньше родилась?

– Ах эта... Каролиной её назвали. Вот сам ваш батюшка так и назвал, в честь своей матери и вашей, стало быть, бабки Каролины фон Траумберг, урождённой фон Вальдштеен.

– Ну так и что с ней случилось в дальнейшем? – многословие старухи начинало раздражать хозяина кабинета.

– Родилась она 20 апреля 1796 года, – наморщила лоб Марта. – Хорошая была девушка. Плохого про неё ничего не скажу, работающая, набожная. Она давно уже уехала из наших краёв. Замуж вышла за какого-то Фрица Вердера, кажется купеческого сына из Тироля. И он увёз её на свою родину. Помню, свадьба была очень хорошая, вся наша деревня гуляла. Ваш батюшка тоже приехал. Выпил несколько чарок, поцеловал невесту в лоб и подарил какие-то драгоценности. Помню серги там были и колье, кажется. Каролина была очень удивлена, что граф так расщедрился, ведь ей, бедняжке, никто так и не рассказал о том кто её отец, на самом деле. Ваш батюшка это строжайше запретил, очень он опасался что ваша матушка про всё узнает.

А свадьба та состоялась в мае 1813 года, только я запомнила четвёртого или пятого числа. Помню только что война уже шла. Ох старая я стала, голова то совсем пустая. А у жениха то её, говорили, обувной магазин и несколько лавок в каком-то Инсбруке были. Только что это за Инсбрук такой? Может хоть ты, батюшка, мне объяснишь?

– Да нечего тут объяснять, Марта. Просто город такой.

– Вот и я говорю, уехали они в этот Инсбрук, дети у них родились. Сначала девочка потом мальчик, а затем сразу двойня родилась- два мальчика. Отец ваш, граф Рудольф, справлялся о их житье-бытьё, через господина Ноймана, адвоката, да вскоре сам умер. Что стало со старшими детьми я не знаю. Но один из близнецов стал священником, хороший, говорят, человек, только до женского пола весьма охо-

чий. Лет двадцать тому назад, приезжал он сюда, искал родственников своей матери, и пару месяцев прожил в нашей деревне.

А второй попал в плохую компанию, Гансом его звали. Стал воровать да в карты играть по кабакам. Дружки ему кличку дали «Ползадницы», уж не знаю почему. Так и звали его все – Ганс Ползадницы. Убили его потом в пьяной драке. Его же дружки и зарезали, видимо награбленное не поделили, а может ещё что. Подобное нередко бывает в таких компаниях, ибо это всё пропащие люди. Об всём этом уж его брат рассказал, тот который священник.

– Ладно, Марта, это дела прошлые, – граф поспешно попытался изменить тему. – Я же хочу тебя расспросить о делах более важных. Тебе, несомненно известна легенда связанная с древним портретом. Ты очень давно живёшь в замке и должна помнить события произошедшие...

– Давно, ох давно живу, прав ты батюшка, – зашамкала старая Марта, будто не слыша слов хозяина. – Хороший человек был ваш отец, граф Рудольф, правильный и серьёзный. А вот о его братьях, то есть о дядьях ваших, я такого сказать не могу. Уж извини, батюшка, но оба они были прохвостами с детских лет. Генрих, дядя твой, паскудник был, каких не бывало. Ещё с детства, когда он за голыми девками подсматривал, во время купания.

А потом, как сейчас помню, в году 1799, он сюда приезжал, в ногах у твоего отца валялся и денег просил. Вроде бы он там казённые деньги потратил. Проиграл или на девок спустил, не знаю. Толька могли его под суд отдать и имущество описать если не возместит убыток. Ругались они с вашим батюшкой, очень сильно ругались. Батюшка ваш, даже по лицу своего братца ударил. Но денег дал. Только толку от этого никакого не было. В ноябре 1802 года, аккурат перед рождением вашей старшей сестры Элизабет, он опять заявился. И всё тоже самое, проворовался он где-то, и снова денег просил.

Тогда ещё больше они ругались, ваш батюшка гнать его стал, так он не ушёл... – Старуха внезапно закашлялась и замолчала.

– Ну, и что же ты замолчала, – устало спросил граф. Он уже понял что болтливая старуха совсем не проста, и с памятью у неё всё в порядке. Она чего-то от него добивается, и просто так не заговорит. Но тут всё прояснилось само-собой и очень просто.

– Так, батюшка, я же тебе почитай целый час тут рассказываю. Притомилась немного, и в горле совсем пересохло. Может быть, Ваша милость, мне, старой, хоть стаканчик шнабса поднесёт? – заохала хитрая старуха, тяжело и притворно вздыхая.

– Да-да, извини, Марта, – забеспокоился граф. – Плох тот хозяин что задаёт гостю вопросы на пустой желудок. Но шнабса нет, такого здесь не держим. Зато есть коньяк, думаю он тебе подойдёт. – С этими словами, хозяин кабинета достал бутылку и налив бокал, протянул его Марте. Старуха взяла его и опорожнила одним глотком.

– Уф, хорошо! – старая Марта вытерла губы ладонью. – Хорошая вещь, и сила в нём есть. Только приторный он какой-то, шнабс-то он попривычнее будет. Может быть у тебя, батюшка, и закусить чем, найдётся? – Усмехнувшись, граф открыл дверь и позвонил в колокольчик.

– Ганс! Ганс, где ты есть, бездельник! – позвал он слугу. Вскоре, заспанный Ганс поставил перед Мартой большое блюдо, на котором стояли тарелки с холодным цыплёнком, нарезанным хлебом и сыром. Старуха накинулась на угощение с неожиданным аппетитом, которому мог бы позавидовать и молодой человек со здоровым желудком. Набивая рот, старая Марта не забыла вновь наполнить графским коньяком свой бокал.

– Так вот, я и говорю, – продолжала она своё повествование. – Очень сильно они тогда поругались... – Глубоко вздохнув, граф прервал бесконечный рассказ старухи.

– Довольно, Марта, Бог с ним, с дядей Генрихом, – сказал он. – Я позвал тебя чтобы поговорить о более важном деле и... И, кстати, не довольно ли тебе уже, матушка? – не выдержал граф, увидев как старуха опорожнила уже третий бокал коньяка.

– Ну что вы, Ваша милость, Старая Марта свою норму знает, – старуха мерзко захихикала, и глаза её уже изрядно осоловели. – Так о каком деле вы хотели со мной поговорить? – Граф встал, и подойдя вплотную к старухе, пристально посмотрел в её покрасневшее лицо.

– Я хотел поговорить с тобой о НЁМ! – резко выговорил он. – О моём про/клятом родственнике Вильгельме фон Траумберге. О демоне что живёт в старинном портрете. Ты конечно уже слышала, что сегодня его изображение вновь появилось там? – Выпученные глаза старухи, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Беззубый рот раскрылся, издав полузадушенный хрип.

– Ой-ой, батюшка, страсти то какие ты говоришь, – перекрестившись, старуха сделала неуклюжую попытку подняться с кресла. – Ох, старая я совсем стала. Совсем ничего не помню. Да и засиделась я с тобой, батюшка, виданное ли дело чтобы слуги, так запросто с господами вместе сидели. Нехорошо это. Пойду я пожалуй. – Марта вновь сделала попытку подняться, но тяжёлая рука графа легла на её плечо и вдавила в кресло. Старуха охнула и замолчала.

– Хватит пустой болтовни, Марта! Ты единственная в замке, кто помнит его последнее пробуждение, и единственная во все округе, дважды пережившая пришествие этой неведомой сущности. Ты должна знать что это такое и... как нам от него защититься.

– Давно это было, Ваше Сиятельство, очень давно. Не помню я уже ничего, – зашамкала старуха, её голова на морщинистой шее затряслась как от нервного тика. – То ли было оно, ти ли нет, уже и неупомню, одно слово- старость не радость.

– А ну не лги мне, старая! – стёкла огромного книжного шкафа зазвенели от окрика графа. – Расскажи мне всё что знаешь, что видела во время прошлого его пробуждения. Что мой отец делал тогда? Как справиться с этим чудовищем? Всё рассказывай, а не то я тебя в богадельню сдам!

– Ох, батюшка, страшно, страшно мне вспоминать, уж очень ужасные дела тут творились, – запричитала Марта, делая последнюю попытку уйти от этой темы. – Стоит ли и вспоминать страсти такие?

– Рассказывай! – потребовал граф, уже более мягким тоном. – Ты же слышала что он вновь пробудился, вот мы и должны найти способ его остановить. А лучше всего, навсегда упокоить.

– Как же, упокоите вы его! – в голосе старухи послышалась насмешка. – Нет, ваша милость, не в вашей власти его упокоить. И не два а три раза на моём веку он приходил, – добавила она с тяжёлым вздохом, сцепив морщинистые, узловатые пальцы.

– Как, целых три раза?! – удивился граф. – Этого я не знал.

– Про самый первый раз я ничего не помню, – продолжала старуха. – В то время мне и четырёх годков не было. Потом уж, после, из разговоров родителей и своей бабки, я узнала что ОН убил девять человек. А во второй раз, демон пробудился незадолго до смерти старого графа Дитриха и увольнением со службы вашего батюшки. Это случилось в 1794 году, мне тогда было около двадцати.

Лето тогда стояло жаркое, мы с вашим дедушкой уже не первый год как, во всю, грешили. Первым о его приходе стал кричать Пётр служивший кучером. Я уж не знаю как он оказался в том крыле замка, ведь никаких дел у него там точно быть не могло. Но именно он первым увидел что мертвец занял своё место на портрете.

Страшно он перепугался тогда и поднял крик. Дедушка ваш назвал его дураком, сказал что только такой дурень как он, может верить в детские страшилки. Но это он при слугах так себя держал. Всё бодрился и не хотел чтобы люди его страх видели. А когда мы с ним наедине остались, так прямо затрясся весь, побледнел. Всё твердил что проклятый мертвец теперь за ним пришёл.

Я тогда ещё не знала что к чему, стала его успокаивать как могла. А он, как заорёт на меня: – «Дура! Ничего ты не понимаешь! Только ноги задирать умеешь! Это сама смерть за мной пришла. Упырь проснулся! Носферату! Мой отец умер от сердечного приступа, столкнувшись с ним ночью, в галерее на втором этаже. Потом племянника моего загрыз, всё горло ему разорвал и кровь выпил. А ещё раньше, бабушку мою Элеонору Шварценберг убил, и после смерти саму вампиршей сделал. Так что, ей несчастной, пришлось потом осиновый кол в сердце вбивать. А теперь, видимо, по мою душу пришёл. Понимаешь, ты, дура безмозглая, что нет от него спасения! Это проклятье нашего рода».

– Как же так? – в задумчивости граф обошёл вокруг письменного стола. – Ведь по официальной версии принятой в нашей семье, мой прадед- граф Альфред, скончался от апоплексического удара находясь в библиотеке. Неужели и здесь виноват вампир?

– Вот этого не знаю, Ваша милость. Но уж очень ваш дедушка был напуган. На утро велел он готовить экипаж, хотел в аббатство ехать, чтобы какого-то известного священника оттуда привести и замок освятить. И ещё он хотел побольше святой воды там раздобыть. А утром Петра нашли мёртвым, он так и застыл сидя на козлах. Лицо у него было страшным, рот открыт, глаза выпучены, как будто он увидел самого дьявола. И ещё, говорили что у Петра было прокушено горло. Прислуга, конечно, вся была в ужасе, многие сразу сбежали из замка, другие потом. В замке оставалось всего человек семь или восемь, да и те, так дрожали от страха что готовы были бежать куда угодно.

Недалеко от нашего замка, стоял цыганский табор. Так те цыгане, через два дня, пятерых своих недосчитались. Поговаривали что ОН их цыганское племя особенно не любит. Ну цыгане покойников своих похоронили, быстро шатры свои собрали и укатили прочь.

Наши деревенские, потом тела тех пятерых откопали, и каждому осиновый кол в сердце вбили. Это значит для того, чтобы они из могил не могли вставать. Моя тогдашняя подруга Милица ходила на это смотреть.

Рассказывала что один из покойников – молодой красавец-цыган в красной рубахе, перед тем как ему забили в грудь кол, вдруг ожил и открыл глаза. Открыл глаза и страшно так на всех посмотрел. Народ, в ужасе, от него шархнул, и начал разбегаться. Но потом несколько смельчаков вернулись и доделали дело. А цыгану тому не только кол в сердце вбили, но и отрубили лопатой голову. Вот такие тогда дела творились, батюшка. – Вздохнув Марта перекрестилась и замолчала.

– И что было дальше? – нетерпеливо спросил хозяин кабинета. Между тем, старуха, пользуясь возникшей паузой, налила и осушила ещё один бокал графского коньяка.

– А дальше, ваша милость, был сущий ужас. Люди запирались в своих домах ещё засветло, сидели за плотно занавешенными окнами и тряслись от страха. Все окна и двери домов кропили святой водой и развешивали повсюду чеснок. Знающие люди говорят, чеснока он боится.

Ещё один пожилой румын сюда приезжал. Старый граф Дитрих тогда повсюду людей искал что могли с этой напастью справиться. И хорошие деньги им платил. Так тот румын учил всех как домашнюю скотину от упырей защитить. Плёл он для этого какие-то длиннющие верёвки, и заговоры над ними читал. Говорил что если эти верёвки вокруг стойла, или там хлева обвить, то никакая нечисть войти не сможет. Ещё, помню про зубцы от бороны что-то говорил. Вроде тоже помогают. Только я думаю обычным мошенником тот румын был.

Также, устроили два крестных хода, в которых участвовало всё население нашей деревни. Многие люди из других деревень тоже присоединились. Длилось это бедствие больше двух месяцев, и унесло жизни шестнадцати человек. И это ещё не считая тех пяти цыган, убитых им в самом начале, и двух разносчиков товара исчезнувших без следа. Дедушка ваш по всему замку чеснока и распятий повесил, святой водой все закоулки окропил, да ещё, в разных местах, какие-то тайные знаки начертил.

Но в этих смертях не только восставший упырь был виноват. Потом ещё страшнее вещи стали происходить: Некоторые из мертвецов, которых уже похоронили на кладбище, стали по ночам приходить к своим домам. Только это уже не люди были а упыри, вурдалаки. Ночью приходили они, становились под окнами, стучали в стёкла и просили своих родных впустить их.

Жалобно так просили. Если те им не отвечали то всё заканчивалось хорошо. Под утро мертвецы сами уходили в свои могилы. Но вот один раз, Михаэль Вельте, местный крестьянин, с дуру впустил так свою жену, которую за три дня до этого, нашли мёртвой. Говорят, любил он её очень, вот за это и поплатился. Порешила она и самого Михаэля и двух малолетних детей, и всю кровь из них выпила.

И вот после этого случая решено было со всеми покойниками поступать так же как с теми цыганами. Протыкать их тела кольями, а некоторым мертвецам ещё и ноги связывали. Ну а спустя два месяца и четыре дня, убийства прекратились. Видно досыта этот дьявол христианской крови напился. Вот и угомонился наконец. И с портрета вашего он исчез.

– Значит, теперь он пришёл уже в четвёртый раз, за твою жизнь? – спросил граф после недолгого молчания. Старая Марта, между тем, снова осушила бокал.

– Я не боюсь его, Ваша милость, – ответила она, поморщившись. – Моя старая кровь его вряд ли привлечёт. Да и глупо в моём возрасте чего либо бояться. А вот ты, батюшка, напрасно дочь свою не отправил куда подальше. Ох напрасно! Смотри, загинет девка! – Граф только тяжело вздохнул.

– И что же, неужели никто с этим вампиром-носферату, не пытался покончить? – Задал вопрос граф, желая срочно сменить тему. То что дочь, наотрез, отказалась покидать замок, и теперь её жизнь находится в большой опасности, заставляла сердце графа буквально трепетать. – Неужели все просто прятались по своим домам, развешивали чеснок и ждали когда это чудовище насытится?

– А что им оставалось делать? С НИМ нельзя бороться обычному человеку, – заявила старая Марта. – Это могут делать только специальные люди, особо избранные и получившие благословение церкви. А без церковного благословения тут никак нельзя. Пустое дело. Вот только и оно не всегда помогает. Да и люди эти избранные

часто не могут ничего сделать. Потому, как зло идущее от неуспокоенных мертвецов очень страшное и древнее.

– А как быть с теми ожившими покойниками которые по ночам приходили пить кровь своих родных. Как я понимаю они стали вампирами после того как ОН их убил. Их что тоже нельзя уничтожить?

– Вот их-то убить, как раз, вполне возможно, – сказала Марта. – Страшны они только ночью, а днём лежат себе неподвижно в своих могилах и никого не трогают. Так, что при свете дня с ними и ребёнок справится. Совсем другое дело ОН. Люди сказывали что лежит на нём некое проклятье, и пока оно не исполнится, убить его невозможно.

– Ну а что было в последний его приход, при моём отце? – понизив голос спросил граф. Казалось, всем своим видом он излучал предельное внимание.

– Ох, – Марта вздохнула и провела своей сухой, морщинистой ладонью по глазам. – Всё тоже, ваша милость – ужас и смерть. В тот раз, первой его увидела Агнешка. Глупая она была, не верила ни во что. Даже смеялась над другими девушками, когда они чеснок вешали возле кровати, или страшные легенды рассказывали. Говорила что это всё глупости и детские сказки.

Только стала она внезапно слабеть. Ходила бледная вся, глаза у неё запали и аппетита лишилась напрочь. Мне она как-то пожаловалась что видит очень странные сны которые её сильно пугают. А о чём эти сны она не говорила. И вот на третий день после того как он появился на портрете, уже под утро, лежала Агнешка на своей кушетке и сильно стонала.

Девушки проснулись и хотели её разбудить, думали что ей кошмар снится. Но разбудить её не удалось, она лишь ещё сильнее застонала. И видят девушки что ворот Агнешкиной ночной рубашки перепачкан кровью. В испуге побежали они звать кастеляншу Магду. А та была умная женщина, сразу поняла что к чему сняла со стены икону Святого Георгия и кинулась в спальню девушек. Я тоже там была и всё видела. Заходим мы с двумя девушками в спальню, и видим- Агнешка по прежнему лежит и стонет, рука у неё свесилась вниз с кровати, а крови на её рубашке кажется ещё больше стало.

И тут входит Магда. Высоко подняв икону она подходит к Агнешкиной кровати и при этом громко читает молитву. Слов я не поняла, так- как из славянских языков только чешский знаю, а Магда она ведь из русин была. И видим... Боже мой! Прямо над телом несчастной девушки будто из воздуха возник человек. Он лежал прямо на Агнешке и пил её кровь из шеи. А как икону то поднесли, он аж передёрнулся весь, клыки свои оторвал от Агнешкиной шеи, глазищи горят словно пламя, а по подбородку кровь течёт.

Лицо у него такое страшное, и как бы смеющееся, и всё же не человек это был а что-то вроде призрака. Потому как сквозь него мы окно видели и вазу с цветами что на подоконнике стояла. Одним словом- демон это, нежить проклятая Богом.

– То есть ты хочешь сказать что он был, как бы, прозрачным. И сквозь него были видны другие предметы? – уточнил граф.

– Вот-вот, ваша милость, – кивнула старуха. Она, всё же, до конца прикончила бутылку с коньяком и теперь была сильно навеселе.

– А как он выглядел? Внешность ты его запомнила? – граф, справедливо опасаясь что пьяная старуха быстро отключится, и спешил вытянуть из неё как можно больше сведений.

– Да что ты, батюшка, мне ж его облик сатанинский словно калёным железом в мозгу выжгло. До самой смерти помнить буду. Молодой он ещё, волосы длинные

и светлые, вьются кудрями. Одет в зелёный старинный кафтан, шитый золотом. Только лицо у него уже не человеческое. Мёртвое лицо, глядит на тебя, а сам то ли смеётся, то ли съест тебя хочет, слащавое такое и страшное. Ну все девки, понятное дело, завизжали и прочь бежать. Одна так и вовсе в обморок грохнулась. Я сама, признаться, со страху чуть было Богу душу не отдала. Вот так он и появился, в прошлый раз.

– Ну а дальше... дальше то что было? – нетерпеливо спросил граф.

– Дальше? – Марта неодобрительно посмотрела на опустевшую бутылку. – Ну Агнешку еле-еле откачали, привели в себя, только у неё сразу истерика случилась. Дрожит она как осиновый лист и кричит - " Не пускайте его ко мне! Не пускайте дьявола в зелёном! Зелёный дьявол, своими клыками, из меня душу тянет!". Так с этим криком Агнешка и померла. Слуги, все в ужасе, начали разбегаться из замка, кто куда, словно тараканы. Батюшка ваш, он тогда в Носферату никакого не верил, да я думаю, уж простите Ваша милость, он и в Бога не верил, объяснял всё кровохарканием. Якобы Агнешка болела чахоткой, или как вы господа говорите, – туберкулёзом. Отсюда и кровохаркание и кровавые следы на её рубашке.

Но тогда ещё в замке жили слуги помнящие страшные времена ЕГО прежнего пробуждения. Помню как кастелянша Магда и дядька ваш, хромой Петер-солдат, о чём-то долго говорили с вашим батюшкой, запершись в этом самом кабинете. А утром он отправил вас с сёстрами и матушкой в столицу.

– Да я помню день отъезда, – кивнул головой граф. – И дядьку Петера помню, старого солдата. Увы, я больше его не видел, – добавил он с глубоким вздохом. – А когда мы вернулись всё здесь так изменилось...

– Вовремя, вовремя вас батюшка уснул, – продолжала Марта. – На следующий день ещё одну девушку нашли мёртвой. Но отец ваш всё ещё не верил, твердил про эпидемию какую-то, А уж как принесли нашего егеря Зденека, с прокушенным горлом, так и он сомневаться стал. Слуг начал допрашивать, что в 1794 году в замке служили, и меня в их числе. Ведь старый граф Дитрих ничего не успел рассказать своему сыну. Он умер когда ваш батюшка ещё на военной службе были.

– И что же дальше делал мой отец? – спросил граф закуривая очередную сигару и выдыхая ароматный дым.

– Да, по началу, также как и ваш дед. Окропил всё святой водой, распятий повесил, но думаю это сделать его люди упростили, которые ещё в замке оставались. Пригрозили ему что иначе все уйдут. А сам он всё ещё не верил, и то правда, это тебе не в русалку какую поверить, а в ожившего мертвеца что кровь сосёт.

Затем, хотел ваш папенька сжечь тот чёртов портрет из-за которого, как он думал, слуги дрожат от страха. Да, слава Богу, Магда отговорила его от такого поступка. А чеснок то слуги, и без его позволения везде повесили. После этого, пять дней прошли без всяких происшествий. Люди начали думать что всё уже закончилось, но не тут то было. В день Святой Вальпургии пропал мальчишка Штефан одиннадцати лет, что прислуживал на кухне. Стали искать и нашли несчастного поварёнка на крыше.

Выглядел он ужасно. Раньше там был сломанный флагшток, так вот тело малыша Штефана было буквально наколото на него. Флагшток пронзал его насквозь, как вертел каплуна.

– Пронзал насквозь?! – в ужасе переспросил граф, перейдя на шёпот.

– Да обломанный металлический шест пронзал бедного ребёнка насквозь, через... извините, Ваше Сиятельство, задний проход и выходил из горла. Ужасное зрелище. Люди были настолько поражены страшной смертью Штефана, что начали

роптать на вашего батюшку. Начали поговаривать что весь ваш род проклят, и все вы продали душу дьяволу и проливаете христианскую кровь по его приказу.

– Вот негодяи! Трусливые суеверные ублюдки! – в сердцах граф ударил по столу кулаком. – Что ни случись, у них всегда и во всём виноваты господа.

– Среди жителей деревни уже раздавались призывы сжечь ваш замок, как гнездо Дьявола, – продолжала Марта, не обращая внимания на вспышку хозяйского гнева.

– Вот я и говорю – трусливые негодяи! – повторил граф.

– А около полуночи того дня, когда нашли несчастного Штефана, прибежала служанка Генриетта и с выпученными от ужаса глазами, прокричала что, только что, в липовой аллее, недалеко от замка она собственными глазами видела Агнешку. Ту самую Агнешку которую восемь дней тому назад похоронили на деревенском кладбище.

По её словам, Агнешка, как ни в чём не бывало, шла одетая в белое платье, то самое в котором её положили в гроб. Она медленно шла по сумеречной аллее в сторону замка и вокруг неё клубился холодный туман. Но Генриетте никто не поверил, кое-кто даже стал над ней насмехаться. Но не прошло и десяти минут как прибежал твой дядька, хромой Петер, он тогда выполнял обязанности привратника, так как прежний поспешно уволился. Выглядел он неважно, как будто чёрта увидел, весь взъерошенный, и усы, словно щётка, торчком стоят. От страха он даже хромать перестал. И вот Петер точно всем подтвердил, что за воротами ведущими в липовую алею действительно стоит мёртвая Агнешка. Смеётся и дурным, не человеческим голосом кричит чтобы её впустили.

Слуги тогда сбились в кучу и дрожали как овцы перед забоем, а папенька ваш ни чуть не растерялся. Храбрый он был человек, царство ему небесное! Взял с собой двух парней, из тех что не слишком пугливы и в придачу вашего дядьку, да и направился с ними через двор к воротам. А когда назад вернулся на него и смотреть было страшно. Лицо всё судорогами подёргивается, в волосах седина появилась, даже заикаться стал. Я думаю, что только увидев собственными глазами мёртвую Агнешку, он поверил в вурдалаков по-настоящему. Он словно бы на десять лет постарел, так это на него подействовало.

– Да я помню, – хмуро кивнул граф. – Мой отец был прогрессивный человек, верил во всемогущество науки и народного просвещения. Встреча же с тем, что как он считал, не могло существовать в принципе, сильно подорвало его здоровье.

– Вот-вот! – закивала головой старая Марта. – Я и говорю – совсем плох стал ваш батюшка. Среди прислуги пошли разговоры о том что он совсем умом тронулся. Сам с собой разговаривать начал. Из аббатства к нему всякие монахи приезжали, и вместе с ними ваш батюшка разные обряды устраивал, чтобы, значит, нечистую силу из замка изгнать.

А однажды, приехал из самой Вены, очень странный человек. Весь высокий такой, и худой. Говорили, что он самый большой и главный профессор по всякой нечести, и особенно по вурдалакам. А звали его кажется Йоганом Ванстратеном¹. Ваш отец специально ему письмо написал и в замок пригласил.

А, между тем, возле деревни снова видели Агнешку. На этот раз убила она молодого пастуха, так всё горло ему и разорвала. Чистый ужас, смотреть на это было.

1. Марта имеет в виду Иоганна Ван дер Страатена (1776 – 1858). Известного голландского мистика и исследователя феномена вампиризма. Очень возможно, что именно он, а не Арминус Вамбери явился прообразом профес-

сора Ван Хельсинга из знаменитого романа Брема (Абрахама) Стокера «Дракула».

Отец ваш всё повторял – «Господи! Господи! Как же может такое быть, чтобы мёртвые по земле ходили?» Вот собрал он пару десятков мужчин, из своих слуг и жителей деревни, и отправился с ними на кладбище. И этот Ванстратен там тоже был. Раскопали они могилу Агнешки, смотрят, а она пустая, гроб в щепки разломан, погребальное покрывало всё изодранно, а тела Агнешкиного там нет. И тут такой страх на всех напал, что непреведи Боже! Чуть было не кинулись все бежать с кладбища.

Тот профессор Ванстратен, один только утихомирить их смог, накричал, пристыдил, ну они слегка успокоились. Обломки гроба сожгли, на всякий случай, а могилу известью засыпали. На этом всё и закончилось. А на следующий же вечер, сгубила Агнешка семилетнего мальчонку Яромира.

Стояли уже сумерки, мальчонка-то во дворе играл, а мать ужин готовила да всё на двор поглядывала. И вдруг, видит она как вокруг её сына сгустился, то ли белый туман, то ли дым какой-то, и стал малыш плакать. Выскочила она во двор и в ужасе видит, что никакой это не туман, а мёртвая Агнешка, одетая в своё белое погребальное платье, вцепилась руками в её сына и кровь из его горла пьёт.

Закричала мать, что было силы, да только поздно уже было. Мёртвая упириха как посмотрела на неё своими страшными глазами, так у той и ноги отнялись. А Агнешка закончила своё мерзкое дело, отшвырнула обескровленное тельце ребёнка, и тут же исчезла, словно в воздухе растаяла.

Потом ещё несколько человек умерло, а в двадцатых числах июня, так сразу двое: парень и девка. Видимо любовниками они были, уединились для амурных дел за это и поплатились. Нашли их в конце липовой аллеи, у девки горло прокушено, а у парня и того хуже. Всё тело его было разорвано а сам он насажен на древесный сук, так что и кишки на землю вывалились. И опять рядом кто-то видел «Зелёного дьявола».

Ох, ваша милость! Как во всей округе народ был перепуган... Не приведи Господи! Многие свои дома позаколачивали и уехали в Крумлов, или куда-нибудь ещё дальше. А в самом начале июля, нашли мёртвым вашего дядьку – хромого Петера. Сидел он в кресле, в своей комнатёнке, как и все прочие, с прокушенным горлом, только вот никакого застывшего ужаса на его лице не было. Наоборот, вроде как умиротворение и блаженство на нём было написано.

Тогда этот Ванстратен, заперся в зале где висит «чёртов портрет», и стал какой-то обряд готовить. Один из слуг, кто посмелее, подсмотрел в замочную скважину, а потом всем рассказал. Начертил он значит, на полу мелом большой круг, а вокруг знаки какие-то, звёзды пятиконечные нарисовал. Уйму свечей зажженных поставил. И вот заперся он значит в зале, да не один а с батюшкой вашим и кастеляншей Магдой, и стали они по очереди разные молитвы читать. А в полночь разразилась страшная гроза, в чёрном небе сверкали молнии, от грохота сотрясаясь весь замок, да и, казалось, что вся земля трясётся.

Ветер превратился в ураган и сгибал до земли деревья в парке. За всю свою жизнь я, ваша милость, не видела такой страшной грозы. Перепуганные слуги прятались в своих комнатах не смея от туда высунуть нос. А на утро ОН ушёл. На проклятом портрете ЕГО уже не было. Видимо, этот Ванстратен знал какие-то очень сильные молитвы, а может быть ему Магда помогла, только они не просто ЕГО прогнали, но и связали на целых пятьдесят лет.

Где теперь этот Ванстратен? – уж поди умер давно, – вздохнула старуха. – И кто нынче нам поможет? В деревне нашей, внучка Магды живёт, её кстати тоже Магдой зовут, так люди говорят, что она тоже, по этой части многое знает.

– Так мой дядька Петер был последней жертвой вампира? – спросил граф. – Что ж, жаль старого вояку. Он был бесконечно предан нашей семье. Ох, как мы с ним когда-то играли в рыцарей! – граф откинувшись в кресле, унёсся в настальгические воспоминания.

– Да-да-да, – скороговоркой прошамкала Марта. – Чуть было он вашего батюшку не загрыз. Бледный он был, страшный, усы топорщатся, в лице уже, почитай, ничего человеческого не осталось. Рычал он страшно, когда в парке на отца вашего бросился. Ещё бы немного и горло ему разорвал. Кровь ему была очень нужна.

– Что-что? – хозяин кабинета весь подался вперёд. – Так Петер превратился в упыря?! Ну и дела!!!

– Тогда никто и не заметил что он из могилы вылез и за деревьями прячется. Хорошо что тот Ванстратен рядом оказался, он и убил Петера серебряной пулей из своего пистолета. Прямо в лоб ему попал, а потом ещё кол вбил в сердце. – Марта замолчала и, поджав губы, посмотрела на пустую бутылку. Граф тоже молчал, пораженный невероятным рассказом старухи. – Ох, батюшка, зря ты дочку то свою не отослал куда-подальше, – вновь подала голос Марта. – Ох, зря!

– Да что ты, старая, заладила, я сам что ли не понимаю! – вспыхнул её собеседник, хлопнув ладонью по столу. Но Марта не обратила на это внимание, задумчиво рассматривая початую бутылку.

– На этот раз ОН не просто так пришёл, – вздохнула она.

– Ты о чём? – утомлённо переспросил граф.

– Цель у него есть. Страшная цель. Магда умная женщина была, много знала и могла многое. Некоторые поговаривали что она ведьма, только неправда это. Никому она, ни разу, ничего дурного не сделала. А что гадать умела и заговоры всякие знала, так уж мы бабы почитай все такие.

– Да о чём ты бормочешь? Какие заговоры? – отмахнулся раздраженно, граф. – Ладно, Марта, можешь идти к себе, и спасибо за рассказ. – Но, на этот раз, старуха вовсе не спешила уходить.

– Вы уж погодите, Ваша милость, я про Магду то не просто так вспомнила. Ох и умная была женщина, не то что я, дура-дурой, хоть и старая уже. В прошлый то раз они с вашим батюшкой, и этим Ванстратеном, всё думали как «Зелёного дьявола» можно извести. И Магда по их просьбе гадала. Дар такой был ей свыше ниспослан, все её гадания обязательно сбывались.

Но в этот раз что-то там не заладилось, и на картах она гадала, и на гуще кофейной, на зеркалах, даже на петушиных внутренностях. Но ничего вразумительного это гадания не дали. Словно какая могучая сила всякий раз на пути вставала. Тогда тот самый Ванстратен сказал, что ради благого дела можно, слегка согрешить и обратиться к чёрной магии. И что он знает очень сильные заклинания для этого. Магда сказала что тоже их знает, но использовать подобное- страшный грех и недостойно христианина. А она к тому же ещё и православной веры. Но ваш батюшка и Ванстратен этот, всё же уговорили её. Ванстратен сказал что он имеет духовный сан и, если что возьмёт на себя этот грех. А в былые времена Святые люди могли и чёрта заставить служить Божьему делу.

Ну, короче стали они вызывать души мёртвых. Ох, батюшка, грех то какой они на себя взяли, – заохала и завздыхала старуха.

– Какие души, Марта? О чём ты говоришь? – граф чувствовал себя сильно уставшим. Он собирался уже выпроводить старуху и лечь спать, а вот она, кажется собиралась и дальше донимать его своими бесконечными рассказами.

– Да разные, батюшка, души то. И Марии Антуанетты – которой голову отрубили. И мужа её, короля Людовика. Ещё кого-то о которых я и не слышала никогда: графа Сен-Жермена и Калиостру какую-то...

– Калиостро, – поправил граф. Он мужчина. Настоящее его имя Иосиф Бальзамо. Аферист и проходимец.

– Да, батюшка, может быть... Потом душу какой-то девушки, что «Зелёный дьявол» из ревности убил, когда ещё был человеком. И напоследок вызвали душу некого румынского, то ли князя, то ли короля, по имени Дракон. Вот с этим они долго беседовали.

– Наверное ты имеешь в виду герцога Влада Дракулу? – переспросил граф. – И что же рассказали им все эти души? Неужели ты, старая, думаешь что я поверю во всю эту чушь, – граф почувствовал сильное раздражение. В конце концов, что если хитрая старуха просто пытается, таким образом, выклянчить у него ещё одну бутылку шнапса? А для этого и рассказывает все эти сказки, – сначала о вампирах, а теперь о вызове душ умерших? Что ж подобное объяснение показалось ему наиболее логичным.

– Зря ты не веришь, батюшка, – продолжала Марта, и в её голосе зазвучала настойчивость. – Ведь всякий раз всё едино выходило. Нельзя его убить пока время его не придёт. Все проклятья что лежат на нём должны исполниться. А пока этого не случилось, так и будет он приходить в наш мир и кровь пить. Вот почему, ни Ванстратен этот, ни Магда не смогли его убить. Время ещё его не пришло. А исполнится это проклятие, когда он встретит девушку, с которой переплетены их судьбы. И когда же он встретит эту девушку то возможны будут два исхода. Или он выпьет её кровь, сделает подобно себе проклятой носферату и погубив бессмертную душу несчастной, утащит за собой в ад. Или эта девушка, выстояв против его дьявольских чар и сатанинских прельщений, сама прикончит его навсегда.

И при любом из этих исходов он навеки покинет наши края.

– Ну конечно! Опять, та же старая как мир романтическая история. Либо он её погубит, либо она. Снова —«Ищите женщину». Как же тут без роковой красавицы.

– Напрасно вы так, Ваша милость. Вот батюшка ваш верил в это предсказание. А Магда умная была женщина. Вот раз, помню, предсказала она нашему конюху Мареку...

– Достаточно, Марта! – резко прервал её граф. – Ты можешь идти.

– Да я же тебе, батюшка, самого главного ещё не сказала, – сокрушенно вздохнула старуха. – Девушка эта должна быть родом из этих мест. В её жилах должна течь кровь, как «Зелёного дьявола» так и кровь тех кто его проклял. Она должна родиться под созвездием льва и в год красного дракона. А свершиться это предсказание должно до достижения девушкой девятнадцатилетнего возраста. Я, как сейчас, помню полученное Магдой пророчество. Она произнесла его после беседы с душой того румынского владыки, я запомнила его дословно. – «Зеленоглазая дева, рождённая под знаком льва, и в год красного дракона, убьёт демона ночи, оружием герберширеев. Свершит она это, в день своего девятнадцатилетия. Иначе дьявол, завладев её душой и телом, обречёт на вечное проклятье и увлечёт за собой во ад. Весь род девы будет проклят и расточён по семи ветрам». – Что-то, батюшка, ты побледнел сильно. – Старуха окинула хозяина кабинета, лукавым взглядом. – Вы, Ваша милость, случайно не знаете в наших краях такую девушку? Чтобы была зеле-

ноглазая, возрастом до девятнадцати лет, рожденная в год дракона и под знаком льва. Да ещё чтобы в ней текла ваша кровь, фон Траумбергов?

– Я не понимаю к чему ты клонишь? – пробормотал граф, внутренне холодея от ужаса. Кажется он догадался о ком говорила старуха. – Я вообще не разбираюсь в этой астрологической чепухе.

– Вот-вот. Всё правильно ты, батюшка, понял, оттого и побледнел так, – кивнула Марта. – Дочь это твоя, Анна Мария, прекрасный наш ангелочек. Это ей, через две недели, девятнадцать годочков исполнится, и это за ней проклятый демон пришёл. По её, голубушки, душу. Давно я это поняла, с самого рождения нашей крошки, – и старуха смахнула слезу с морщинистой щеки. В кабинете повисла гнетущая тишина. – Ох-ох-ох, – тяжело поднялась с кресла Марта, захрустев своими старыми костями. – Я уж пойду, батюшка, вроде всё тебе рассказала, да и негоже господам с простыми людьми так долго сидеть, не ровня, чай, – с этими словами старуха зашаркала прочь из кабинета.

Глава 5

Первая жертва «Зелёного дьявола». «Бойся мертвецов ходящих в ночи». Вечер поэзии

Катарина стонала и металась во сне. Её густые, каштановые волосы в беспорядке рассыпались по подушке а мышцы лица подергивались судорогой. Девушке снился, наверное, самый ужасный кошмар из всех что она видела в своих сновидениях.

Она видела себя в раннем детстве, сидящей на коленях у матери, в их родном деревенском доме. Рядом сидели: её отец, старший брат Ганс, а также всякие дяди и тётки что приехали на её крестины. Все они смотрят на неё, улыбаются ей, что-то там ей гукают, и радостно переговариваются между собой. Она тоже всем улыбалась и бессвязно лепетала. Их изба ярко освещена множеством свечей, к тому же жарко пылает камин, всё здесь наполнено светом и любовью.

Но тут она замечает настежь распахнутую дверь во двор, за которой простирается непроглядная ночная темнота. Эта открытая дверь является, как-бы единственным чёрным пятном в море света, откуда в избу тянет сыростью и холодом из зловещей ночной темноты. Катарина ощущает как холодок ужаса проникает ей под кожу. Там за чёрным провалом распахнутой двери, затаился кто-то очень страшный, тот кто жаждет принести в их дом ужасное, смертельное зло.

Она начинает хныкать, пытаясь обратить внимание родителей на открытую дверь. Но взрослые, словно бы, ничего не замечая, по прежнему весело смеются и разговаривают.

А она уже видит, что там, в густой темноте двора, полыхают дьявольским огнём чьи-то налитые кровью глаза. Там приготовилось к нападению мерзкое чудовище, с огромными и острыми когтями и клыками. Возможно даже, это сам Дьявол, извечный враг рода человеческого. Чудовище, несомненно, выбирает момент для нападения, чтобы ворваться в их мирный, уютный дом и всех растерзать. И поняв это она начинает кричать, кричать во всё горло, так громко, как только могут себе позволить её новорожденные лёгкие. Она кричит, просит, умоляет этих глупых взрослых, чтобы они немедленно закрыли дверь. Закрыли и заперли на все засовы, а хорошо бы ещё и подпёрли чем-нибудь изнутри. Но они только смеются и умиляются тому, какая у них резвая и голосистая малышка.

А она всё кричит, кричит и кричит надрываясь изо всех сил, но только, вот беда, говорить то она ещё не умеет. А Дьявол всё ближе, он уже совсем близко. Вот в дверном проёме возникла его отвратительная, безобразная пасть. Вот ужасная лапа с длиннющими, острыми как бритва, когтями, уже тянется из темноты, всё удлиняясь и удлиняясь. Она надывается в своём последнем крике и... просыпается.

В комнате стоит тишина, тихо сопят Клавдия и Герти. В сумраке белеют связки чеснока развешенные на стене. Всё как обычно, как все эти три года. Очень хочется закрыть глаза, но по какой-то непонятной причине она не может этого сделать. Просто лежит и смотрит в темноту. Так проходит много времени.

Постепенно, её взгляд останавливается на сгустившейся в правом углу, у окна, тени. Почему-то она становится всё плотнее и плотнее. Катарине это кажется очень интересным. Широко открыв глаза она наблюдает за необычным явлением. Постепенно тень, словно бы, начинает жить собственной жизнью. Вот она отделилась

от стены и начала двигаться, всё более приобретая человеческую форму – «Может быть это ОН» – пронеслось в голове у Катарини, но эта мысль ни сколько её не напугала.

И тут она действительно увидела ЕГО. Он просто выплыл из сумрака, точнее сгустился из него. Молочно-белая кожа, густые локоны золотистых волос, длиннополый зелёный кафтан расшитый золотыми шнурами и мёртвые неподвижные глаза. И ещё эта улыбка... Такую улыбку, Катарина видела однажды на ярмарке, где заезжие итальянские артисты давали кукольное представление. Она была такая же как у кукол того мерзкого Арлекино – холодная, злобная и безжизненная.

Медленно, будто плывя по воздуху, он стал приближаться, надвигаясь на неё. Его протянутые к ней руки были очень длинными, с белыми тонкими пальцами заканчивающимися острыми ногтями. Парализованная ужасом, Катарина, почему-то, обратила особенное внимание на роскошные кружевные манжеты выглядывающие из рукавов. Она пыталась закричать, разбудить своих подруг, позвать на помощь. Но вместо крика, из сведённой судорогой глотки, вырвался, едва слышимый, стон.

Мёртвые глаза его, внезапно вспыхнули, ожили, заискрились лукавством, сладострастием и презрением. Его руки стали проделывать неестественно плавные, манящие движения. Он манил её, звал за собой. И она, не осознавая что делает, поднялась с кровати и пошла за ним. Вообще-то, двигалось только тело, а её разум, бессмысленно, как в недавнем сне, всё ещё пытался кричать и звать на помощь.

Сама-собой открылась дверь ведущая в коридор, и он проплыл через неё продолжая манить за собой Катарину. Подобно сомнамбуле, лишённой собственной воли, девушка следовала за ним. Обе её соседки, тихо посапывая, спали глубоким и сладким сном.

– Не бойся меня, Катарина, – раздался в голове девушки, тихий и ласковый голос, звучавший, как-будто, с неуловимым акцентом. – Мне просто нужна твоя кровь. Боль пройдёт быстро, а потом мы будем вместе. – Холодные как лёд, сильные пальцы взяли её за подбородок, в нос ударило смрадное дыхание ожившего мертвеца. Умирая от ужаса, она почувствовала острую боль в шее, а затем провалилась в темноту.

* * *

– Струэнзе, Струэнзе... Так и предполагал, что с вами будут одни проблемы, – я с жалостью смотрел на моего бедного Алоиса изнемогавшего под тяжестью двух здоровенных чемоданов. Наконец, моему денщику удалось затащить их в купе. – Ну скажите пожалуйста, где, находясь в плену, вы смогли раздобыть столько барахла? – кивнул я на чемоданы.

—Ну что вы, что вы, барон, – вечно улыбающаяся физиономия датчанина блеснула на меня очками. – Стал бы я обременять вашего человека каким-то барахлом. Эти чемоданы путешествуют со мной с самого начала войны.

– И что-же такого ценного вы в них храните?

– Так... самый минимум необходимых вещей. А всё остальное, это книги, тетради с моими заметками, блокноты.

– Пишите? И о чём же, позвольте полюбопытствовать.

– Да так..., – Струэнзе, в смущении, замялся. – В общем всякую мелочь, – путевые наблюдения, заметки, иногда стихи. – Я удовлетворённо кивнул головой. Мои первоначальные предположения подтвердились.

– Знаете, дорогой Олав Христиан, с самой первой нашей встречи, я ничуть не сомневался в том что вы пишете стихи.

– Знаете, дорогой Людвиг Франц Теобранд, военная карьера меня никогда не прельщала. Её за меня выбрал мой отец. А я, по натуре, исследователь. Меня всегда манила не воинская слава а седая история, загадки древности, какие-нибудь страшные тайны. А палить из пушек, и разрывать в клочья людей, это всё не по мне. Я, вот, мечтаю написать роман или поэму... Что-нибудь из славной истории датских викингов.

– Что ж, превосходно, Струэнзе, – произнёс я, нарочито равнодушным тоном. – Я только беспокоюсь за своего денщика, ведь теперь, кроме моих чемоданов ему придётся таскать и эти два ваших чудовищных мастодонта. Как бы ему при двойной нагрузке не сломать спину.

– Ай, да бросьте, барон. Насколько я успел заметить, ваш Алоис, на редкость крепкий парень.

– Кстати, а где ваш денщик? Неужели геройски погиб за короля и Данию? – спросил я с издёвкой.

– Ну уж нет! – Струэнзе, от души рассмеялся. – Старый прохвост Расмус, предпочёл геройски отступить вместе с нашей армией, всем моим гардеробом и деньгами. Оставил в палатке только эти чемоданы видимо сочтя их незаслуживающими спасения.

– И бросил своего офицера?! Да... дисциплинка у вас, в доблестной датской армии. Осмелюсь предположить, ему просто осточертело таскать ваши чемоданы, с набросками великих произведений.

– Да что вы привязались к моим чемоданам, – возмутился датчанин. – Ну стоят себе и стоят.

– Не обижайтесь, Олав, не стоит, – сказал я примирительно. – Ехать нам долго, заняться нечем. Так что если вы вскроете один из этих чемоданов и прочтёте что-нибудь, что посчитаете нужным, из своих творений, то найдёте во мне самого благодарного слушателя... – Струэнзе впился в меня, сквозь стёкла очков, своими голубыми глазами, а потом погрозил пальцем.

– Ну уж нет, Людвиг, вы опять хотите меня высмеять, я это чувствую.

– Ну что вы, и в мыслях не было. Струэнзе, хватит ломаться как девушка. Я уверен что вам самому очень хочется мне что-нибудь прочитать.

Усмехнувшись, мой попутчик полез в один из своих необъятных чемоданов и порывшись в нём, достал толстую тетрадь в чёрной обложке.

– Вот... Тут... Так-сказать, – замялся он. – В общем, это мои наброски к будущей поэме. Я так и решил её назвать... «Великая северная поэма». – В этот момент наш поезд наконец тронулся, и от сильного толчка, Струэнзе выронил свою тетрадь. Раскрывшись она упала мне под ноги, и я увидел что тетрадь, вся полностью, от корки до корки, исписана мелким, убористым почерком. Так-что чтением мы были обеспечены на всю поездку. Подобрал свою тетрадь и откашлявшись, Струэнзе, наконец начал читать¹.

Вырванный с корнем, Ясень Иггдрасиль²,
В огненный омут рухнул, повержен.
Хеймдалль³ трубит в рог, созывая,
Войнов что спят в «Чертогах павших»⁴.
Пусть же герои оставят навеки,

Бражные лавы и игры валькирий.
В день Рагнарека⁵, Распрей властитель⁶,
В бой нас ведёт на полчища мрака.
Нету надежды, и нету иллюзий,
Нет утешенья – религии трусов.
Есть лишь день смерти, день Гибели мира,
Где средь богов, наши строятся рати.
Спины друг-другу братья закроют,
Прадеды там и правнуки вместе.
Клином стальным и непобедимым,
Встанут герои эпох позабытых.
В звонкой дали крикнет гусь одинокий,
Скачет там Один или Майтрейя⁷.
Тор⁸ или Индра⁹, свой пробует молот,
Век волков гибнет, и с ним Кали Юга.¹⁰

1. Здесь и далее стихи автора.

2. Ясень Иггдрасиль – мировое древо в религии древних скандинавов, которое держит на себе все миры. В день гибели мира оно будет вырвано с корнем и обрушено в огненную бездну.

3. Хеймдалль – в скандинавской мифологии -бог из рода Асов. Охраняет мост Биврёст (радугу) ведущий в страну богов Асгард. Затрубив в свой рог Гьяллархорн он возвестит день последней битвы и конца мира.

4. Чертоги павших – иначе Вальгалла. Палаты верховного бога древних скандинавов Одина. Здесь Один принимает души погибших героев, и пирует вместе с ними.

5. Рагнарёк (Гибель Богов) – конец света в скандинавской мифологии.

6. Властитель распрей – одно из многочисленных, имён Одина

7. Майтрейя – в буддийской мифологии – Грядущий Будда.

8. Тор – бог – громовержец, сын Одина, в скандинавской мифологии. Изображался в виде рыжеволосого великана с молотом в руке.

9. Индра – бог – громовержец в веддическом пантеоне древних ариев. Бог грозы и войны, поражающий своих врагов, дубиной грома – ваджрой.

10. Кали Юга – Железный век. В индийской мифологической космогонии эпоха следующая за Сатья Югой (золотым веком), Трета Югой (серебряным веком) и Двапара Югой (бронзовым веком). Кали Юга завершает цивилизационный цикл и характеризуется всеобщем одичанием и падением нравов. В этом она сильно напоминает т. н. «Век волков» в скандинавской мифологической традиции.

Закончив читать он закрыл тетрадь и выжидательно посмотрел на меня. Выглядел он очень напряженным, видимо был готив к чему угодно – от язвительных насмешек до восторженного одобрения. А я, в растерянности не знал что сказать. Выдержав, мучительную для попутчика паузу, я, затем похвалил его творение.

– Ну что ж... Местами стихи, конечно ещё сыроваты. Но в целом, очень и очень неплохо. Проникновенно. В любом случае у вас несомненно наличествует поэтический талант.

– Да? Вы находите? – Струэнзе улыбнулся, нервно потирая руки.

– Эти стихи очень необычны, написаны, непонятно в каком стиле, но тем не менее, они полны некой первобытной силой и непосредственностью. Думаю что они могли-бы стать частью чего-то более грандиозного.

– Вот-вот, именно так, Людвиг, – глаза датчанина загорелись. – Я хочу создать поэму о легендарной истории северных народов.

– Северную Илиаду? – спросил я с усмешкой. Но Струэнзе тут же взорвался. Темперамент у парня явно был не скандинавский, ему бы корсиканцем родиться.

– Не надо иронизировать, Людвиг. Я не претендую на лавры Гомера, но ответьте мне на один вопрос. Почему мы, северные народы, обладая таким огромным количеством древних легенд, саг, мифов, не имеем достойного эпического произведения, уровня той же Илиады или Энеиды Вергилия?

– А разве у нас нет таких произведений? – я искренне удивился. – А как же «Песня о Нибелунгах», «Старшая Эдда» Снорри Стурлуссона, «Беовульф», наконец?

– О!.. Вижу вы прекрасно разбираетесь в северогерманской древней поэзии, – произнёс он, пораженный моей начитанностью. – Но все эти произведения, так сказать, местного значения. Они известны лишь специалистам и энтузиастам-любителям. В среде романских и славянских народов о них почти никто не знает. К тому же, написанные в раннем средневековье они нуждаются в серьёзной литературной обработке, прежде чем получают мировую известность.

– А вы значит, решили создать поэму мировой известности, которая прославит наши северные легенды? Что ж прекрасно! Вместо Зевса будет Один, вместо Ахиллеса – Сигурд.

– Вот вы опять иронизируете, Людвиг. Между прочим, среди наших легенд полно совершенно оригинальных. Кстати, я отправил несколько своих стихотворений Эрику Верлауфу¹. Известному в Дании собирателю фольклора.

– И что же вам ответил Верлауф?

– А.., – Струэнзе огорчённо махнул рукой. – Он мне написал что не собирается давать художественную оценку моим сочинениям. Лично его интересуют только подлинные древние тексты а не их современная интерпретация. – Затем он опять схватил свою тетрадь и стал перелистывать. – Так... Сейчас я вам прочитаю ещё кое-что. Так... Так... А вот оно. Вот это я думаю поставить в начале поэмы. Я назвал его «Молитвой викинга»

– Олав, Олав, – взмолился я. – На сегодня достаточно поэзии, друг мой, пора подкрепить свои силы.

В дверь постучали и на пороге купе появился Алоис, держа поднос уставленный бутылками и тарелками с закуской. Но датчанин уже вошёл в раж, и только отмахнулся.

– Ну уж нет, барон, вы сами меня попросили, так что теперь сидите и слушайте. Вечер поэзии продолжается.

Услышь нас, Водитель ратей,
Отец богов нам внемли.
Небесного свода создатель,
Ветров, хладных волн и земли.

Дай в брани, мечам нашим, ярость,
Сердцам нашим дай огня.
Борту корабельному крепость,

И крепость хребту коня.

**Внемли нам, Зачинщик распрей,
Где сталь крушит вражий строй.
Где смерти росой красной,
Пленяешь взор грозный свой.**

**Там где, о щитов ограду,
Ударят мечи, звеня.
Победу нам дай в награду,
Всё прочее возьмём без тебя.**

**Когда же, изрублены в сече,
В крови мы на землю падём.
Прими наши души, при встрече,
В Вальгалле за бражным столом.**

1. Эрик-Христиан Верлауф (1781—1871). Датский историк и этнограф, изучал народные песни и исландские памятники древности.

– Браво! Браво! – раздалось позади меня. – У распахнутой двери купе стоял подвыпивший прусский офицер с щёгольскими, закрученными кверху усиками и хлопал в ладоши. Позади него стоял ещё один пруссак, по видимому, денщик, и держал поднос с начатой бутылкой коньяка и несколькими бокалами.

* * *

В молчании граф мерил шагами пространство своего кабинета. Стоявший у входа маленький человечек докладывал ему своим монотонным и нудным голоском, то и дело вытирая вспотевшую лысину.

– Сегодня, Ваше Сиятельство, ещё двое слуг потребывал расчёта. Я ничего не могу поделывать, народ бежит. Случай с Катариной окончательно лишил всех присутствия духа. – Человечек, снова вытер платком вспотевший лоб, откашлялся и затем продолжил, с горькой усмешкой. – И ведь всё выходит именно так, как в этих чёртовых легендах. Катарина его первая увидела, и на следующую ночь с ней произошло такое.

– Хорошо, Фриц, я понял. Ещё что-нибудь? – Человечек замялся и снова промокнул лысину платочком.

– В округе не спокойно, разговоры всякие идут...

– Фриц, говори конкретней, – резко одёрнул его граф. – Что за слухи, кто их ведёт? Терпеть не могу недомолвок.

– Ну, насколько мне известно, там, так сказать, мутит воду местный пастор, отец Пауль. В своей последней проповеди он так и заявил, что мол, из-за проклятия Траумбергов не должны страдать невинные люди.

– Фриц, отцу Паулю нет и тридцати лет. Что он вообще может знать о здешних событиях произошедших полвека тому назад? Он всего четыре года служит в нашем приходе.

– Да, но жив ещё старый пастор – отец Бернардо. Ему сейчас уже семьдесят четыре года, он хотя уже не служит но вполне ещё бодр.

– Да я хорошо его знаю, – кивнул граф.

– Так вот наш молодой пастор, отец Пауль, постоянно с ним встречается, консультируется по разным вопросам. А ведь, отец Бернардо появился в нашем приходе всего через два года после... тех событий. Выслушивая исповеди прихожан он, конечно же, смог составить полную картину того что здесь произошло.

– Ну и что из этого? – Так, вчера вечером они опять встречались. Видите ли, Ваше Сиятельство, у отца Бернардо служит горничной девица Клара. Ну у нас с ней... впрочем это не важно.

– Понятно, – граф усмехнулся. – Значит ты в курсе всего о чём говорят в доме старого пастора. – Фриц слегка покраснел и замялся, но потом, в очередной раз вытерев лысину, продолжил.

– Вчера к вечеру отец Бернардо вызвал к себе отца Пауля. Они закрылись в кабинете и долго о чём-то говорили. Клара, как не старалась, расслышать смогла совсем немного. Они говорили о проклятье, о каком-то пророчестве Магды, ещё о чём-то. Потом отец Бернардо заявил что, на этот раз, нельзя допустить чтобы умерло столько людей как в прошлый раз. А отец Пауль во всём соглашался с ним, а прощаясь, сказал такую фразу – «Жаль несчастную девушку, но если ничего другого не остаётся, придётся действовать более решительно».

– Негодяй! – граф так сильно вцепился руками в подоконник, что побелели костяшки пальцев. В этот момент в дверь постучали, и в кабинет вошёл мужчина средних лет, в строгом но не очень модном костюме с коротко подстриженной бородкой и в пенсне.

– Хорошо, Фриц, можешь идти, – граф поспешно отпустил своего дворецкого. После того как тот вышел, он повернулся к своему гостю.

– Ну что скажете, доктор, как находите свою пациентку? – Но мужчина прибывал в глубокой задумчивости и кажется не сразу услышал заданный ему вопрос. Потом, словно очнувшись, ответил.

– Я осмотрел госпожу Анну-Марию, Ваше Сиятельство. С нею всё нормально, уверяю вас.

– Но она так бледна, и... эти тени под глазами, – недоверчиво произнёс хозяин кабинета. – Она почти ничего не ела несколько дней.

– Она абсолютно здорова, – продолжал настаивать его собеседник. – Здоровая молодая девушка. Разве-что, имело место небольшое нервное расстройство, но это, в общем-то, пустяки.

– А как та, вторая девушка? – поинтересовался граф, устраиваясь в кресле. Небрежно махнув рукой он указал собеседнику на соседнее кресло.

– Вы имеете в виду ту служанку. Ну что ж... Здесь всё гораздо хуже, намного хуже. Думаю нам не стоит пытаться на её счёт благополучных надежд.

– Но что с ней? – достав сигару из коробки, граф закурил. – Чем она больна? Вы можете поставить диагноз?

– Ну, точно пока сказать не могу, – развёл руками мужчина. – Совершенно очевидно что девушка пережила очень сильное душевное потрясение. Бедняжка очень слаба, постоянно впадает в забытье, и у неё наличествуют все симптомы сильной кровопотери.

– Кровопотери? – резко переспросил граф. – Но каким образом? У неё же нет никаких сильных повреждений? Мне говорили, всего лишь пара царапин на шее. Вы что доктор, уже успели наслушаться местных сказок?

– Каких сказок? Не понимаю о чём вы? – удивился доктор.

– Так не о чём, неважно. Значит похоже на кровопотерю?

– Вот это то и удивительно, – вздохнул доктор. – У неё действительно есть небольшие ранки на шее, но они никак не могли стать причиной сильной кровопотери. Может быть какая-нибудь инфекция? – он снова развёл руками. – Девушка лежит в забытьи уже сутки. И она периодически бредит, и вот этот её бред меня очень беспокоит.

– Это ещё почему? – удивился граф. – Люди часто бредают находясь в бесспамятстве, что же тут удивительного?

– В бреду она упоминала какого-то «Зелёного дьявола». – Граф вздрогнул услышав это имя, но быстро взял себя в руки. – И постоянно просила закрыть некую дверь, говоря что за ней прячется сам Сатана, ну и тому подобное. Но самое интересное здесь то, что она говорила на разных иностранных языках: сначала на старорумынском потом на венгерском, итальянском, точнее на пьемонтском наречии. А затем ещё на двух каких-то языках, совершенно незнакомых мне. – Мужчина взял сигару, предложенную ему хозяином кабинета, и затем продолжил. – А я, между прочим, знаю все европейские языки, и ещё турецкий с персидским.

Насколько мне известно, эта девушка, до её болезни, говорила только на немецком и богемском, то-есть чешском, языках. Да и себя она в бреду называла разными именами: Матильдой, Феофанией, Умарундой, – он усмехнулся. – Вы когда-нибудь слышали такие имена как Умарунда или Индасурата? Уверен что нигде и никогда.

А два часа назад она начала всё время повторять одну фразу на старосербском. Фраза звучит очень зловеще «Бойся мертвецов ходящих в ночи» – Внезапно доктор замолчал и схватился за голову. – Боже мой... Боже мой... Как же я сразу об этом не догадался. Но если это так... то это ужасно. Ужасно! – Доктор обжёг себе ухо сигарой, но даже не почувствовал боли.

– Что вы там шепчите, Войцеховский, скажите, девушка поправится? – Спросил граф, но его собеседник, погруженный в свои мысли, не расслышал вопроса. Сжимая руками голову он что-то про себя шептал, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Да что с вами? Я спросил, девушка поправится? – вновь спросил граф, повысив голос. Доктор, тяжело вздохнув, посмотрел на него.

– Что? А... Нет-нет. Не поправится, – произнёс он скороговоркой. – Процесс превращения начался и его уже не остановить. Не думал что вновь столкнусь с подобным, – пробормотал он себе под нос. – Хозяин кабинета с удивлением посмотрел на него.

– Что? Что вы сказали? Какое ещё превращение?

– А? Нет... Превращение? Нет, я сказал отравление. В организм девушки попала какая-то инфекция и процесс отравления зашёл слишком далеко. Я бессилен помочь бедной девушке.

– Жаль. Бедная, бедная, Катарина, – вздохнул граф. – И всё же, господин Войцеховский, если в замке произошла вспышка инфекции, надо принять меры. Очень хорошо, доктор что вы оказались здесь.

– Да- да, конечно, – доктор поднялся с кресла. – С вашего позволения я вернусь к постели больной. – И уже взявшись за ручку двери он произнёс. – Удивительно это всё, Ваше сиятельство. Вот мы с вами образованные люди, и в силу этого, боимся назвать истинную причину происходящего здесь. Мы не в силах произнести это вслух. А ваши слуги, – доктор грустно усмехнулся. – Кажется, прекрасно всё поняли. Вон, посмотрите, чесноку везде повесили, прямо как в глухой румынской деревушке.

Через пять минут после того как ушёл доктор, в кабинет заглянул Фриц.

– Господин, пришёл Адольф Клюге, владелец нотариальной конторы «Клюге и сыновья», он очень просит его принять.

Вошедший, был невысокий лысый мужчина с моноклем в правом глазу. Он держал в руках большой конверт из плотной коричневой бумаги и заметно волновался.

– Ваше Сиятельство, я счёл своим долгом лично прибыть к вам, чтобы принести свои самые нижайшие извинения.

– Извинения? Что случилось, господин Клюге, я не понимаю, – удивился граф. – За что вы собираетесь извиняться?

– Произошло чудовищное недоразумение. За все сто двадцать два года, что существует наша контора, такое произошло первый раз. Мы обнаружили это письмо, адресованное вам. И к нашему ужасу, выяснили что должны были передать его, ещё полтора года назад. – Глядя на помрачневшее лицо фон Траумберга и его насупленные брови, господин Клюге поспешно добавил. – Я понимаю, Ваше Сиятельство, что это абсолютно непозволительная оплошность, и что она бросает тень на нашу фирму. Но, прошу вас, посмотрите на дату! Это письмо было оставлено в нашей конторе почти пятьдесят лет назад! Ещё при моём дедушке, царствие ему небесное. Немудрено что о нём забыли. – С этими словами нотариус положил перед графом конверт.

* * *

Пруссак криво улыбался и был, что называется, уже изрядно навеселе. Весь он был какой-то лощёный, подтянутый, и гусарский мундир на нём смотрелся очень эффектно.

– Разрешите представиться, господа, Вальтер фон Гертвиг, – кавалерист картинно щёлкнул каблуками. – Женюсь, господа, вот такие дела. Увы, наступил конец моей холостяцкой жизни. Еду к невесте в Дрезден, а весь поезд забит скучными бюргерами и их унылыми жёнами. Нескчем даже выпить. Вот взял Ганса и пытаюсь отыскать здесь какого-нибудь брата – офицера. А тут сразу двое, да ещё и любителей поэзии.

Тут взгляд пруссака скользнул по эполетам Струэнзе. От удивления он открыл рот а его рука потянулась к револьверу. Дат... Мой датский спутник уже начал создавать проблемы.

– Датчанин?! Но, чёрт возьми! Что это значит, господин капитан?! Вы путешествуете в компании вражеского офицера?! – голос Гертвига зазвучал угрожающе. Кажется пруссак посчитал своим долгом прояснить эту ситуацию. – Вы ещё и выпиваете с ним! Вон – почти целую бутылку распили, а ведь он враг. У нас, господин артиллерист, между прочим, война с ними идёт. Хороши союзнички, ничего не скажешь. Не зря наш король Вильгельм и Его Превосходительство, господин Бисмарк не доверяют вашему императору.

– Успокойтесь, господин Гертвиг, – негодование пруссака меня изрядно позабавило. – Не стоит везде видеть лишь врагов и изменников. Я, барон Людвиг фон Хагендорф, и как и вы, тоже еду к своей невесте. А, сидящего перед вами господина зовут Олав Христиан фон Струэнзе. Он уже не враг а военнопленный, везу его, так сказать, в качестве трофея, продемонстрировать своей невесте. – Пруссак от удивления закашлял и покрутил головой. Подкрутив свои щёгольские усики он усмехнулся.

– Значит как трофей! Чёрт возьми, а ведь неплохая идея, господин барон. Жаль что а сам до этого не додумался. Я ведь тоже взял в плен несколько датчан, – Гертвиг пристально взглянул на Струэнзе. – Правда ещё больше прикончил, – добавил он со злобной усмешкой. Повернувшись к своему денщику он взял с подноса бутылку и поставил её на стол. – Ступай в наше купе, Ганс, и приготовь мне постель.

* * *

Мой славный Алоис, бесшумный и незаметный, подобно заправскому официанту, поставил на столик, между нами, новую бутылку коньяка, и так же незаметно исчез. Пруссак и датчанин, между тем, ожесточенно продолжали свой бесконечный спор.

– Да, Пруссия действительно стремится играть первую скрипку в объединении Германии. Радуйтесь, господин Струэнзе тому что мы заберём у вас только две провинции. А ведь могли бы захватить всё ваше королевство. Мы, без особого труда, сделали бы это ещё в сорок восьмом году. И я не понимаю зачем русский царь Николай I, тогда вступился за вас, – горячился пруссак. Не понимаю какое дело царю до вашего королевства?

– Нет, вы, Гартвиг, ещё увидите, что такая агрессивная политика Пруссии выйдет ей боком. Думаете Великобритания и Франция будут молча смотреть как в Европе поднимает голову ещё один военный монстр?

– Чепуха! Объединить все германские земли в одну мощную, стальную империю, это историческая задача Пруссии. Её священная миссия, если хотите. А вы, барон, вероятно предпочли бы, чтобы роль объединителя Германии взяла на себя Австрия? – усмехнулся Гертвиг.

– А почему-бы и нет? – ехидный тон прусского кавалериста привёл меня в негодование. – По-моему это вполне естественно. Австрийская империя является самым большим из немецких государств, и так-сказать, самым культурно развитым. Так кому же как ни нам выполнять эту историческую миссию.

– Совершенная чепуха! – нагло заявил Гертвиг. – Вашу Австрию, словно черви разъедают инородцы. Вас тевтонов в империи менее половины, все остальные это инородцы: венгры, славяне, евреи, итальянцы.

– Что же плохого в культурном многообразии? – спросил я. – Разные народы могут прекрасно сосуществовать в пределах одного государства, взаимно дополняя друг-друга.

– Нет! К чёрту инородцев! – яростно выкрикнул пруссак. – Немецкие земли должны объединяться вокруг исконно германских, монолитных территорий, а вовсе не вашего культурного многообразия напоминающего лоскутное одеяло. Нет, господин барон, будущая Германская империя будет строиться вокруг прочного как алмаз ядра. И этим ядром конечно же может стать только Пруссия как истинная хранительница германского духа. – К моему удивлению и досаде, наглого пруссака вдруг поддержал Струэнзе.

– Знаете, Людвиг, а мне кажется что господин Гертвиг прав, – вдруг заявил он. – Если объединение немецких государств произойдёт под эгидой Австрии, то будущая империя будет напоминать тот же рыхлый, бессмысленный, и наполненный внутренними противоречиями, винегрет, чем являлась, почившая в 1806 году Священная Римская Империя.

– Вот именно, ваш Струэнзе прав, – пруссак стукнул по столу кулаком та что зазвенели бокалы. – Прислушайтесь, барон, к тому что говорит ваш «трофей». Нам больше не нужно лоскутное одеяло.

– Но все империи многонациональны, – возразил я.

– И потому недолговечны, – категорически отрезал лощёный пруссак. – Многонациональность, дорогой барон – страшное проклятие для любой империи, и государства вообще. Это основная причина их гибели. Молчите? Вот-вот, потому что вам нечего возразить. Вспомните Древний Рим. Когда римляне были едины, им никто не мог противостоять. Их непобедимые легионы из отважных парней с красными щитами, громили всех своих врагов, проявляя на полях сражений чудеса храбрости. Они завоевали почти весь цивилизованный мир того времени.

И что же было дальше? А дальше они стали давать римское гражданство представителям покоренных народов. Допустили их в свои легионы, стали заимствовать их религии, их стремление к роскоши и их варварские формы разврата. И вот, спустя непродолжительное время, из героического, победоносного народа, народа-завоевателя, народа-господина они превратились в тупой скот, жаждущий только хлеба и зрелищ.

– Послушайте, господин Гертвиг, всё-таки, Римская империя просуществовала почти пятьсот лет. По вашему это мало? – Пруссак неопределённо пожал плечами думая что-бы возразить. Но ему на помощь снова пришёл неугомонный Струэнзе.

– Мало! Конечно мало! К тому же, можно считать что реально она прекратила своё существование на столетие раньше официальной даты её гибели: Сразу после битвы при Адрианополе в 378 году. Тогда, как вы помните, погиб весь цвет римской армии, тридцать пять трибунов и сам император Валент. Последующие же за этим сто лет, представляли собой лишь предсмертную агонию великого государства. Так что их Бисмарк совершенно прав стремясь объединить в империю исключительно немецкие государства.

– Конечно Бисмарк прав! – воскликнув, изрядно набравшийся, прусский кавалерист. – Империя состоящая из народов близких по происхождению, языку и культуре, будет не в пример прочнее. Германская железная империя просуществует тысячу лет! – выкрикнул он пьяным голосом. – Мы объединим не только немецкие земли, но и весь германский мир.

Дорогой господин Струэнзе, я надеюсь вы не будете против если мы в нашу железную империю затолкаем и вашу Данию! – ехидно спросил он подливая датчанину в бокал коньяк.

– Конечно против! – покрасневший Струэнзе начал протирать очки. – Мы неплохо чувствуем себя в нашем маленьком королевстве.

– Тогда вас никто и спрашивать не будет. Великие империи создаются железом и кровью. Кого интересует мнение слабого. Решено! Вы будете всего лишь одной из провинций Великого Рейха, также как Саксония, Бавария, Тюрингия Голландия, Норвегия, и... всякая там... всякая... неважно. Затем мы присоединим все немецкие земли входящую в вашу Австрию. А земли населённые инородцами просто превратим в колонии, как британцы Индию, нечего церемониться с этой швалью.

Я верю, господа, что так и произойдёт, Великий Рейх будет создан в недалёком будущем. Дремавшие так долго, силы немецкого народа наконец пробудились. Мы не потерпим то что английские торгаши и эти чёртовы лягушатники лишили наш великий народ колоний. Нет, мы потребуем передела мира. Мы тоже хотим получить свой кусок, и в Африке и в Азии. По этому им придётся потесниться.

Но для этого нашему немецкому народу будет нужен вождь. К сожалению, вряд ли им будет Бисмарк. Увы, но даже великие люди – смертны! Наше грандиозное пробуждение произойдёт позднее. И совсем не обязательно что он, то есть вождь будет из королевской семьи. Гогенцоллерны слишком связаны всякими условностями и родственными отношениями с другими правящими домами. Нет! Подлинно национальный, харизматичный лидер может прийти, подобно Зигфриду или Арминию, из самых мистических глубин германской расы. – Гертвиг закашлялся и налил бокал, тут же осушил его. – Вы кажется, господа, когда я вошёл, читали стихи. Позвольте и мне прочесть вам кое-что.

Германия! Склоняю взор!
Приют арийцев гения, и ярости Вотана¹.
Пусть зазвонят тевтонские мечи,
От Эрина холмов до гор Ирана.

Блестает сталь, нас Фюрер в бой ведёт,
Мы знаменем своим укутали пол мира.
И наш орёл Германский воспарит,
От Юкатана до вершин Памира.

Прочтя эти строки пруссак распрощался с нами и, шатающейся походкой отправился спать.

– Отвратительно, – сказал я вслух, погруженный в собственные мысли.

– Почему? Стихи грубоваты но совсем не плохи, – пожал плечами Струэнзе. Правда первую строчку он безбожно украл у Байрона, но там, кажется, говорилось про Албанию.

– Да я не про стихи. Отвратительно то, что он говорил здесь. После ухода этого чортого пруссака, кажется, даже воздух стал чище. Его слова будто-бы сочились кровью.

1. Вотан – так германские племена, живущие за пределами Скандинавии, называли верховного бога Одина.

– Позволю себе заметить что это ваш союзник, барон, а не мой. Может быть вам пора признать что армия Франца-Иосифа воевала не на той стороне. Единая Германия при гегемонии Пруссии неминуемо станет агрессивным, милитаристским и реакционным государством. В этом вопросе я всецело на стороне вашего барона Бигелебена¹. А вообще, я читал что в Германском союзе большие надежды возлагают на, только что взошедшего на Баварский престол, Людвига II.

– Не смешите меня, любезный Олав Христиан, Людвиг Баварский безнадежный эстет и романтик, безумно влюбленный в музыку Вагнера. Но как политик он пустое место. Увы, но мой баварский тезка совершенно не создан для великих дел. Так что, Струэнзе, – сказал я поднимая бокал. – Если это не суждено ни Австрии ни Баварии, то пусть хоть маленькая Саксония объединит вокруг себя Германию. Только бы не пруссаки. К чёрту Пруссию!

– К чёрту Пруссию! – тут же подхватил тост датчанин. Мы подняли бокалы и выпили. Настроение значительно улучшилось.

* * *

Вообще-то Струэнзе мне здорово надоел за время поездки. Сначала он читал свои стихи из толстой чёрной тетради. После Дрездена она закончилась, и я было уже вздохнул с облегчением. Но чёртов датчанин достал другую, в синем переплёте, содержащую его путевые заметки, и опять же изрядное количество стихов.

Во время остановки в Праге, я послал Алоиса за газетами. Но ими тут же завладел неугомонный Струэнзе, что с жадностью начал их просматривать. Видимо новости его не порадовали. Вычитав о том, что в его датском отечестве Блуме² сменил Монреда на посту главы кабинета министров, он задумался и замолчал.

Впрочем молчание его должно было продлиться совсем не долго. Опасаясь того что он попытается вызвать меня на политический диспут, я спросил, воспользовавшись возникшей паузой.

– Скажите, любезный господин Струэнзе, среди литературы хранящейся в ваших огромных чемоданах, есть что-нибудь написанное не вами?

– А в чём дело?

– Да так, хочется почитать что-нибудь новенькое. А все взятые с собой книги я уже давно прочитал. Некоторые по несколько раз. – Раскрыв чемодан, мой попутчик долгое время в нём копался, что-то перебирая и откладывая. Потом протянул мне книгу в зелёном переплёте.

– Вот рекомендую – Стен Блихер³. Читали?

– Не приходилось, – признался я.

– Думаю вам понравится. Прекрасное описание природы, знание народной души, хорошее чувство юмора. Особенно рекомендую «Ютландские рассказы о разбойниках».

1. Людвиг Максимилиан фон Бигелебен (1812—1872), барон, австрийский государственный деятель. Решительный враг Пруссии и, в то же время, сторонник Великой Германии. Был вторым уполномоченным Австрии на Лондонской конференции по Шлезвикскому вопросу.

2. Христиан-Альбрехт Блуме (1794—1866), датский политический деятель. С 1851г. министр иностранных дел, в 1852г. премьер-министр. В 1864г. вновь становится главой кабинета, на этом посту сменил Монрада, и подписал Венский мирный договор.

3. Стен Стенсен Блихер (1789—1846), известный датский писатель. Основные произведения: " Путешествие по Ютландии за шесть дней», трагедия» Иоанна Грей», " Предания Альгедена», «Рождественские каникулы», «Пастор из Вейльбю» и проч.

Поблагодарив Струэнзе я углубился в чтение. Мой спутник, вздохнув, сделал тоже самое выбрав для этого книгу стихов Роберта Броунинга¹. В нашем купе, наконец-то, наступила благословенная тишина. Спустя полтора часа Струэнзе отложил книгу и наполнил свой бокал.

– Послушайте, Людвиг, – произнес он. – Не пора-ли вам уже рассказать, куда мы едем? Зачем? Почему так быстро собрались? Я, как ваш верный спутник, должен знать цель нашего вояжа.

– Дорогой Олав Христиан, я понятия не имею зачем вы увязались за мной. Наверное для того чтобы развеять унылую тоску вашего пленения, и не быть окончательно съеденным комарами. Разве не так? – Струэнзе усмехнулся и осушил бокал.

– Ну а вы, мой друг? Ведь я чувствую как вас гложет некая забота. Может быть всё же поделитесь?

– Ну что вам сказать, мой настырный, пленённый друг, боюсь вы всё равно не отвяжитесь. Так вот, у меня была невеста... Вернее это я думал что она у меня есть. Я знал её с детства. Наши отцы были старинными приятелями, и дружили до самой смерти моего батюшки, произошедшей два года назад. Но когда, пару недель назад, я попросил её руки то получил резкий отказ.

Граф Вильгельм фон Траумберг, отец моей невесты, бывший ландмаршал Богемского ландтага и пожизненный член Палаты Господ в Рейхсрате. Он излишне щепетилен в вопросе замужества своей дочери и выборе будущих родственников. Граф вообразил, уж не знаю почему, что жених из рода фон Хагнedorфов не подходящая партия для его дочери. Вообразил себе что наш род недостаточно знатен чтобы породниться с Траумбергами.

Большей чуши я не слышал. Он наверное забыл, что ещё воюя под знамёнами Анри Дампиера², против Бетлена Габора³ в Трансильвании в 1604 году, наши предки были в абсолютно равном положении. А во время тридцатилетней войны, сражаясь в армии Валленштейна, мой предок, Теобранд фон Хагендорф, спас жизнь его родственнику, в битве при Нордлингене. Не думаю что он всё это забыл! Скорее предпочёл забыть! А потом он заявил что Анна-Мария уже сосватана за князя Виндишгреца, его старого друга. И эта партия гораздо более подходящая для его дочери.

– Виндишгрец? Тот самый, палач Праги? – на лице Струэнзе отразилось глубокое недоумение. – Но он ведь совсем глубокий старик.

– Он не старик, вы ошибаетесь Олав, он уже два года как покойник. Это во-первых. Во-вторых, Альфред фон Виндишгрец, никакой не палач. Он просто выполнял свой долг. Надеюсь вам, как офицеру и дворянину, не надо объяснять что такое долг. Пражская чернь убила его жену и старшего сына. Так что этот факт вполне оправдывает некоторую его... излишнюю жёсткость. И наконец, в-третьих, речь идёт о его младшем сыне – молодом князе Виндишгреце.

1. Роберт Броунинг (1812—1889), один из самых выдающихся английских поэтов XIX века. Основные произведения: «Парацельсий» -1835г. «Иван Иванович» – 1878г. «Сорделло», «Паулина» -1833г.

2. Анри-Дюваль граф Дампиер (1580—1629), австрийский фельдмаршал. В 1604году он разгромил армию Бетлен Габора вторгнувшуюся в Трансильванию.

3. Бетлен Габор (1580—1629) венгерский и трансильванский политический деятель и полководец. Боролся с князем Гавриилом Батори. В 1613г. он, с помощью турок завладел Трансильванией. Поддерживал чехов в борьбе против Фердинанда II. В 1620 году на сейме в Пресбурге он был выбран королём Венгрии. Но в 1621г. по Никольсбургскому мирному договору с Австрией, вынужден был отказаться от венгерской короны. За отказ ему было передано семь верхне-венгерских комитатов. Вступил в протестантскую антигабсбургскую коалицию с Англией, Данией, Голландией и немецкими землями. Попытался завладеть польским престолом но в 1629г. умер.

– Ах вот оно что... ну тогда понятно. И что же сделали вы?

– Не будь он отцом Анны-Мари, я бы наверняка вызвал его на дуэль. Короче говоря мы расстались врагами. Скрипя сердце я уже считал Анну-Марию потерянной для себя, и тут получаю от графа это письмо. Я не знаю что там произошло, но он написал мне что больше не собирается чинить препятствий нашему браку с его дочерью. Более того, он просит меня приехать как можно быстрее. Всё это очень странно, Струэнзе.

– Ну, поздравляю вас, мой друг. Значит ваша проблема разрешилась наилучшим образом, – сказал датчанин вновь берясь за свои тетради.

– Да, но он ничего не говорит о причине заставившей его переменить своё решение. И ещё. Он пишет о том что его дочери грозит какая-то опасность. Теперь понимаете почему я не мог медлить.

1.Вартенслебен Вильгельм-Людвиг (1728—1796) – австрийский фельдцейхмейстер. Участник семилетней и турецкой воин. Затем участвовал в войне с Францией. Ему удалось одержать победы при Амберге, Вюрцбурге, и Эммендингене. В последнем сражении он был смертельно ранен и вскоре умер

– Но зачем вам вмешиваться в чужие дела? Тем более в дела подданных враждебного государства? – спросил я его.

– Война это временное явление, Людвиг, а вы были таким же солдатом как и я. Поэтому было-бы глупо считать вас своим врагом. К тому же, я всегда готов помочь в благородном деле. Короче говоря, вы можете на меня полностью положиться, фон Хагендорф.

– Благодарю вас, Олав Христиан, я ни на секунду не сомневался в вашем благородстве. – С этими словами я пожал датчанину руку.

– Ну вот теперь целых два отважных Ланселота отправляются спасти прекрасную девушку, – воодушевился Струэнзе.

Глава 6

Странный случай произошедший на Крумловском вокзале. История рассказанная пьяницей Гансом. Ночёвка в деревне без названия

Неприятности начались сразу по прибытии нашего поезда на Крумловский вокзал. Уже вечерело. Бедняга Алоис, выгружая наши вещи из вагона, уронил себе на ногу тяжеленный чемодан датчанина. Очень хорошо что сам Струэнзе был ещё в купе и не мог слышать омерзительную фразу про датского содомита, что процедил сквозь зубы мой денщик. Коротко размахнувшись я ударил его в челюсть.

Ох, не люблю я, совсем не люблю такие дела! Но люди низкого происхождения должны иметь абсолютно точное представление о границах дозволенного. Ударил слегка, так сказать, для порядка, но видно опять не рассчитал силу. Несчастный Алоис охнул и растянулся на земле среди чемоданов.

– Ну наконец-то можно размять ноги, – Струэнзе прыгнул на перрон и сделал несколько шагов, потягиваясь и хрустя суставами.

– Стоять! Раздался грубый окрик, и в грудь датчанина сразу нацелились два ружейных ствола. Это был, невесть откуда взявшийся военный патруль. С непонятным, мстительным удовольствием, я заметил какой глупый вид приобретает физиономия славного парня Олава Христиана, когда его застают врасплох. Но и лица патрульных выражали самое тупое удивление. Маленький толстый фельдфебель с пышными усами и двое солдат, таращились на белобрысого очкарика одетого в форму датской королевской армии.

Увидеть живого врага здесь, в глухом тылу, преспокойно, при полном параде, разгуливающим по перрону, такое точно не укладывалось в их головах. Рассмеявшись я направился к ним.

– Что, фельдфебель, вас можно поздравить, взяли в плен живого датчанина? – спросил я, давась от смеха.

– Так точно, господин капитан! – громко отрапортовал фельдфебель, вытянувшись во весь свой небольшой рост и отдавая честь. – Не иначе как лазутчик, – добавил он почти шёпотом.

– Людвиг, какого чёрта... ну объясните им, хватит ломать комедию, – взмолился Струэнзе.

– Ладно, фельдфебель, всё в порядке, – сказал я, вдоволь посмеявшись. – Этого лейтенанта, я лично, взял в плен две недели назад. Он освобожден под честное слово и мою ответственность, о чём имеется соответствующее предписание. – Вынув из кармана документ я продемонстрировал его фельдфебелю.

– А.., ну раз так... Тогда оно понятно, – тупо пробормотал старый служака.

– Благодарю вас за службу, – похлопал я его по плечу.

– Кровь и жизнь за Габсбургов! За Австрию, единую, неделимую, великую! – Высокопарно выкрикнул верный служака, выпучив глаза и щёлкнув каблуками. Потом махнул солдатам, и конвой двинулся дальше.

– И много у вас таких твердолобых патриотов? – ядовито усмехнулся датчанин. – Думаю что пока в вашей армии полно таких маленьких усачей, монарший престол может быть спокоен.

– Дорогой господин Струэнзе, если-бы в вашей датской армии было поменьше таких интеллектуалов как вы, и побольше простых, преданных служак как он, то наверное вы бы не проиграли столь постыдно. – Ответил я ему, довольно зло.

– Ну знаете, Хагендорф... Я., – покрасневший Струэнзе попытался возразить, но затем замолчал и сняв очки начал их протирать.

– Ох, Струэнзе, Струэнзе, – вы набили книгами свои чемоданы но не озаботились взять с собой хотя-бы один гражданский костюм.

– Да мне как-то это и в голову не пришло, – растерялся датчанин.

– А зря. Пока не подписан мирный договор, думаю нам ещё не раз придётся объясняться с разными патрулями. Вот так мы и разлагаем армию. Что должны, по вашему, подумать эти бравые солдаты при виде австрийского офицера мирно путешествующего с врагом-датчанином.

– Вот, чёрт возьми, а у меня и денег то почти нет. – Струэнзе растерянно пожал плечами. Что же делать?

– Ну будем надеяться что у графа, к которому мы едем, найдётся подходящий костюм. Вы с ним примерно одного роста. А пока уповайте на то, что далеко не все разбираются в иностранной военной форме. Может быть сойдёте за пруссака или саксонца.

* * *

А дальше начались какие-то совершенно непонятные события. Рядом с вокзалом дежурило примерно полтора десятка извозчиков.

– Эй, милейший, – обратился я к первому попавшему из них. – Помоги-ка погрузить наши вещи. – Молодой парень, тут же с готовностью, спрыгнул с козел и бросился выполнять распоряжение.

– Сию минуту, сударь, – он ловко подхватил пару чемоданов и потащил к своему экипажу. – Куда изволите ехать, господин офицер? – поинтересовался он звонким молодым голосом. По видимому парень уже долго поджидал какого-нибудь седока, и сейчас готов был ехать куда угодно.

– В замок Траумбергов, и побыстрее, милейший.

– О-о-о, – парень как то сразу поник и поставил чемоданы на место. – Прощения просим, ваша милость. Только в замок мы не ездим, уж извиняйте. – С этими словами он снова залез на козлы.

– Ты что, дурень, совсем спятил? – удивился я. – Если мы тебя просим отвезти нас в замок графа Вильгельма фон Траумберга, то какие тут могут быть проблемы?

– Никаких проблем, господин офицер. Но в замок мы не ездим. А в любое другое место – пожалуйста и с наибольшим нашим удовольствием. – В полном недоумении я подошёл к следующему извозчику, – пожилому, бородатому мужчине имевшему очень благообразный вид.

– Послушай приятель, отвезёшь нас в замок Траумбергов? – Тот резко вздрогнул и зачем-то перекрестился.

– Никак нет. Это абсолютно невозможно, господин капитан. – Коротко, по военному отрапортовал извозчик, видимо бывший солдат.

– Да что тут происходит, чёрт возьми? – взорвался я. – Я заплачу, тебе что деньги не нужны?

– Деньги мне очень нужны, господин капитан. Готов отвезти вас куда угодно, только в замок я не поеду. – Не понимая что происходит, я обошёл ещё нескольких

извозчиков и от всех получил категорический отказ. Неугомонный Струэнзе во всю потешался.

– Скажите, Людвиг, в какое это дьявольское гнездо вы меня везёте?

– Да идите вы к чёрту, Струэнзе, – отмахнулся я. – Чёрт знает что творится. Ничего не понимаю. Раньше, это для них был самый выгодный маршрут. Да они передрались между собой были готовы из за него.

Следующий извозчик, судя по одежде гуцул, также на отрез отказался везти нас в замок. Покуривая свою трубку он заявил:

– Ну уж нет, панове, я туда не поеду. И никто не поедет, будьте уверены. Можете проверить но только зря время потеряете.

– Но почему? В чём дело? – недоумевал я.

– Просто не ездим и всё, уж извините, господа офицеры.

– Но, братец, я заплачу тебе четыре кроны, – сказав я, собираясь выяснить всё до конца. Замок, в котором прибывала моя несравненная Анна-Мария, почему-то внушал всем извозчикам необъяснимый, иррациональный страх.

– Нет, господин офицер, мы туда не ездим, – замотал он головой.

– Хорошо, плачу шесть крон, – на меня внезапно нахлынул азарт. Я должен был разгадать эту загадку, во что бы то ни стало.

– Щедро, ваша милость, – гуцул усмехнулся и расправил свои чёрные усы. – Только мне моя жизнь дороже, панове, а уж бессмертная душа тем более. – Он поглубже нахлобучил на голову свою шляпу и отвернулся.

В этот момент на привокзальную площадь въехал ещё один экипаж. Он представлял собой довольно жалкое зрелище – раздолбанная коляска запряженная двумя старыми клячами. На козлах восседал старик с седой бородой. Потрёпанная одежда, испитое лицо и синий нос выдавали в нём преданного поклонника Бахуса. Он курил трубку и перебрасывался с другими извозчиками чудовищно-омерзительными ругательствами.

– А ну расступись, сыновья славянских шлюх! Дай дорогу! Дети... свиноматок. Пороссячья..! Не видите – австриец едет!

– Вот панове, – гуцул махнул рукой в сторону въехавшего на площадь скверно-слова. – Это приехало старое немецкое дерьмо, которое при лучшей жизни звалось Гансом Бауэром. Думаю, это единственный человек который, может быть, согласится отвезти вас в замок. Он стар, и настолько пропил свои мозги что ему уже всё равно. Попробуйте с ним договориться, хотя лично я бы ни за какие деньги не согласился.

Приблизившись к экипажу старика Ганса, я скептически оглядел его. Странно что эта колымага вообще ещё ездил.

– А, господа офицеры, наверное вам нужен экипаж? – весьма радостно поприветствовал нас старик. Даже на расстоянии нескольких шагов, меня чуть не сбил с ног запах спиртового перегара. – Готов вас отвезти куда угодно, господа офицеры. Добрые австрийцы должны пользоваться австрийским экипажем. Нельзя доверять этим славянским прохвостам, среди них каждый второй- вор, или убийца.

– Послушайте, почтеннейший, нам срочно нужно добраться до замка Траумберг, – сказал я пытаюсь увернуться от сивушной вони исходящей от старика. – Возьмёте туда нас доставить? – Пьяный старикашка икнул и посмотрел на меня выпученными глазами. Затем крякнул и закашлялся.

– Господам офицерам нужно в замок Траумберг? – переспросил он.

– Да и желательно побыстрее, я же ясно сказал. – Старик Ганс тяжело спустился со своей коляски, зачем-то проверил упряжь и выбил трубку о колесо. После этого окинул нас пристальным, оценивающим взглядом.

– А господа офицеры, часом, не лишились ли ума? – спросил он, оскалив в усмешке щербатый рот, и обдав меня новой волной перегара.

– Нам действительно нужно в замок Траумберг, нас там ждут. И я не понимаю, любезный, почему такая обычная просьба вызывает столько проблем. – Старикашка Ганс громко высморкался в два пальца, и вытер их о свой, и без того не очень чистый, сюртук. После этого не спеша стал набивать трубку уминая табак толстыми пальцами с чёрными ногтями.

– Боже мой, Людвиг, меня сейчас стошнит, – забормотал по французски Струэнзе. – Вы что, действительно собираетесь ехать с этой кучей навоза?

– А вы предпочитаете идти пять с половиной миль пешком? – ответил я на том же языке. – Придётся немного потерпеть, мой друг.

– О, язык лягушатников! – мгновенно оживился старикашка. – Вы, господа офицеры наверно прибыли прямо с фронта и поэтому не знаете что произошло здесь за последнюю неделю, – сказал он с тяжёлым вздохом. – Не надо вам, господа, ехать в Чёртов замок. Совсем не надо.

– Но почему? – я уже почти кричал. – В чём дело? Чего все боятся?

– Чего все боятся? Я вам так, господа, отвечу. Я уже старик, и в своей жизни сделал много зла. Хотя и добрых дел тоже совершил немало. Увы господа, природа человека весьма двойственна. И вот теперь я не знаю что перевесит, и куда я попаду после своей кончины – то ли в рай то ли в ад. Но если меня приберёт дьявол что обитает в этом замке, то ад мне точно обеспечен.

– Что за чушь ты несёшь, любезный, – возмутился я, услышав подобную глупость. – Довольно болтать, старик. Мы тебе просто заплатим двойную цену. Ты купишь себе много шнапса и почувствуешь себя счастливым. Вот и всё, и не надо нас пугать. – Но старикашка только покачал головой и повторил свою фразу.

– Ох не надо вам туда ехать. Совсем не надо. Да и ночь уже скоро, господа. А в Чёртов замок вы можете и с утра отправиться, если уж так нужно.

Мы почти четверть часа спорили и торговались с упрямым стариком, но в конце-концов всё же пришли к соглашению. Мы платим ему семь крон, что, как минимум, в два раза превышало обычную плату. Взамен, хитрый Ганс обязался нас доставить... нет, не в замок. На это мерзкий старикашка не за что не соглашался. Он готов был подвести нас только до ближайшей к замку деревни, откуда до конечной цели нашего путешествия было не больше мили. Ничего лучшего мы всё равно бы не добились.

Пристроив чемоданы, мы разместились в колыхаге старого Ганса. Его ветхий экипаж сразу же заскрипел и затрещал, словно в любой момент был готов развалиться. Но одно радовало, – всё-таки мы тронулись в путь.

Пока наш экипаж кружил по извилистым улочкам старинного квартала Латран, Струэнзе безостановочно крутил головой по сторонам разглядывая незнакомый ему город. Живописные улочки и дома, красные черепичные крыши, протекавшую под мостом реку Влтаву. Особенно его поразила Зелёная или Масельницкая башня, замок Шварценбергов со знаменитым трёхъярусным мостом, и собор святого Вита с ещё одной грандиозной башней.

– Людвиг, Боже мой! Да ведь это настоящий город эпохи Ренессанса, – воскликнул он разглядывая угловой дом на Пивоварской улице. – А это... какой грандиоз-

ный замок! – указал он на громаду замка Шварценбергов. – Скажите, Людвиг, замок в который вы меня везёте такой же огромный?

– Увы, мой друг, Траумберги гораздо более древний род чем Шварценберги, но далеко не такой богатый. А Крумлов с XVIII века это вотчина Шварценбергов. Иногда они соперничали с Траумбергами, иногда роднились, но никто во всей Богемии не сможет сравниться с ними в богатстве. Так что, дорогой Олав Христиан, замок куда мы едем вовсе не столь величественный но куда более древний.

Но созерцание архитектуры вскоре наскучило датчанину, он посмотрел на меня и усмехнулся.

– И что же, милейший Олав Христиан, вас рассмешило на этот раз? – поинтересовался я.

– Да так... Вспомнил вашу физиономию, милейший Людвиг Франц-Теобранд, когда вы пытались найти нам экипаж. Только давайте без обид, но когда тот живописный возница отказался нес везти за четыре кроны, у вас было невероятно глупое выражение лица. – Сказав это, наглый датчанин засмеялся.

– Идите вы к чёрту, Струэнзе! – огрызнулся я в ответ. – Не понимаю что нашло на всю эту извозчиксую братию. Какое-то коллективное помешательство. И чем это, интересно, так мог напугать их замок? Ведь многие годы возили они туда людей, и отцы, и деды их возили.

– Наверное там завелись приведения, – съязвил датчанин. – Какой-нибудь стошущий и гремющий цепями старик, или прекрасная Белая Дама.

– Ничего подобного, господа офицеры, – вдруг подал голос наш возница. – Не сочтите за невежливость то, что я вынужден разговаривать повернувшись к вам спиной, только названная вами причина тут вовсе ни при чём. Приведения обитают в каждом замке, и почитай, в половине старинных домов.

Нет господа. старое доброе немецкое приведение не причинит вреда честному человеку. Не стоит бояться приведений, милостивые государи, это всего лишь неуспокоенные людские души.

Но вот та тварь что обитает в замке, будет пострашнее тысячи приведений. Это настоящее, изначальное зло, пришедшее прямоком из ада.

– Ну и что же это такое? – спросил я, ожидая что пьяница Ганс расскажет какую-нибудь примитивную детскую страшилку. Что ж, ехать ещё долго, хоть скороаем время. Но старикашка вдруг замолчал, видимо он размышлял, стоит ли рассказывать их сакральную, местную легенду двум проезжим господам. Между-тем, мы уже миновали городские кварталы и выехали на залитую вечерним солнцем просёлочную дорогу.

– Траумберги это про/клятый род, – вновь подал голос старикашка. Вероятно он решил что мы всё же заслуживаем доверия. – Уж поверьте мне господа, более про/клятого рода и быть не может. Именно они принесли в нашу тихую, богоспасаемую Богемию, эту ужасную славянскую заразу.

– Вы не любите славян, Ганс? – поддел я старика. – Чем же они вам так досадили? Неужели отбивают ваших клиентов?

– Терпеть их не могу! – старикашка даже сплюнул на дорогу. – Все бездельники, лентяи и воры, не имеющие представления о порядке. Пожалуй, среди них есть только один порядочный народ – русские. Вот с ними я бы непременно вышил. Вышил за здоровье их царя Александра. Да и то, если разобраться, никакие они не славяне а такие же тевтоны как и мы.

Помню, как ещё мальцом, во времена Наполеоновских воин, я помогал их артиллеристам кормить и чистить коней. Они щедро платили за работу и ласково

называли меня – «melkij zasranets». Правда я до сих пор не знаю что это означает на их языке, но звучит приятно.

Я мельком посмотрел на Струэнзе, – бедняга весь покраснел стараясь не лопнуть от смеха. Признаться, я и сам едва сдерживался. Мои скудные знания русского всё же позволяли перевести эту, столь милую сердцу старого пьяницы фразу, но зачем же так жестоко поступать с человеком.

– Ну и чем же тебе так припелись по душе русские? – спросил я. – Только из-за детских воспоминаний?

– А разве не они дважды спасали нашу старушку Австрию? – ответил он вопросом на вопрос. – Сначала от проклятого лягушатника Бонапарта, а пятнадцать лет назад от чёртовых мадьяр. А чем мы им отплатили? Мы не только не поддержали их в Крымскую компанию, но и попросту предали. Нет, русские это отличные парни! Я бы обязательно с ними выпил.

– Не стоит, старина Ганс. Право же не стоит. Возможно они и хорошие парни, но даже такому специалисту как ты, никогда не перепить русского, – сказал я. – Да, старый пьянчуга неплохо разбирался в европейской политике. Было о чём подумать.

– И всё же, Ганс, что это за славянская зараза которую принесли сюда Траумберги? – попытался я вернуть его к первоначальной теме.

– Ну, точно не скажу, господа, славянская она или валашская, – задумался Ганс. – Может так оказаться, что даже и венгерская... Но зовётся она – Носферату, а по нашему – вампиры или вурдалаки.

Ну тут уж мы со Струэнзе не могли дальше сдерживаться, и как по команде, оба, разразились неудержимым хохотом. Вот, значит, чего боялись те извозчики с привокзальной площади! Вот чего страшился тот молодой гуцул, отказавшись от двойной платы. В действительности всё дело было в примитивной, простонародной сказке. Мы хохотали до слёз, едва не надорвав животы.

Вокруг простирался превосходный сельский пейзаж, а тёплый ветерок обдувал нам лица и волосы. Я ехал к своей любимой невесте, и вообще всё, абсолютно всё, в тот момент казалось мне прекрасным. Самым прекрасным в этом лучшем из миров.

– Да уж, – продолжая сотрясаться от смеха, произнёс Струэнзе. – Говорил же я вам, Людвиг, что чем примитивнее, необразованнее народ, тем богаче и красочнее их мифология. Надо же, так испугаться детской сказки!

– Смейтесь, смейтесь, молодые господа, – в голосе Ганса послышалась злоба и раздражение. – Ваше право не верить. Но я долго живу на свете, и я вам говорю, благородные господа, в замке Траумбергов, точно обитают вампиры! Проклятые Богом ожившие мертвецы.

– Ну а в местном озере, конечно плещутся ундины. В соседнем лесу, обитают какие-нибудь тролли... или как они у вас тут зовутся, – насмеялся Струэнзе. Ты что же, милейший, решил что мы, два образованных, благородных человека, офицера, поверим в твои сказки. На дворе давно уже девятнадцатый век, старина, а в вашей глуши время будто-бы остановилось.

– Вот я и говорю, благородные господа, ваше дело верить или не верить. Только все в нашей округе знают, что Траумберги где-то в подвалах своего замка прячут тайный склеп. И вот там, в гробу, покоится до времени, их предок – живой мертвец. Лежит значит себе лежит, но иногда, за грехи наши, он пробуждается, выходит из склепа и начинает пить кровь живых людей. Многих невинных христиан убьёт он пока не насытится. А как напьётся крови то опять забирается в свой гроб и засыпает на долгие годы. Эту историю у нас даже дети знают. – Тут мы вновь невольно

рассмеялись. Старый Ганс так старался пересказывая местную легенду, что даже своему голосу попытался придать зловещую таинственность. Не хотелось обижать старика, но вся эта история выглядела невероятно дикой и примитивной.

– А скажи-ка, братец, – неунимался Струэнзе, – отчего владельцы замка прячут его в подвале а не уничтожат, если уж он такой опасный? Убили бы его серебряной пулей, или вогнали осиновый кол прямо в сердце. Вроде бы так обычно с ними поступают?

– Ну... этого я не знаю, милостивые государи, – старый Ганс пожал плечами. – Может быть не могут его убить, ведь он уже мёртвый. А может и не хотят. Ведь он хоть и нежить, да всё же родственником им приходится. Да и не трогает он своих. Пьёт кровь только у графских слуг да крестьян местных. Или... там прохожего человека ночью встретит, бродягу какого-нибудь. Тут ему и конец.

– То-то, братец, ты и боишься нас прямо в замок вести.

– Время позднее, благородные господа, скоро уж и темнеть начнёт. А мне ещё назад ехать, да по пустой дороге. Вот и хочу я, до темноты, как можно дальше от чортого замка оказаться. Я хоть и старик уже, да тоже хочу ещё пожить. Пожить, да шнапса с водочкой попить.

– Эх, бедняга Ганс, – поддел я старикашку, – напугался до смерти собственной сказочки. Выпей шнапсу, старик, и дело с концом. Ни один оживший мертвец не будет пить кровь пьяного человека. Вампиры как и собаки очень не любят пьяных. – Но старик лишь разочарованно крикнул и стал сильнее погонять лошадей.

– Э-э-эх, благородные господа, значит всё-же не верите. Напрасно, господа, я сам кое-что помню. Мне тогда всего шестнадцать лет было, совсем ещё мальчишка, но забыть такое... Пятьдесят лет назад это случилось... Тогда мертвец последний раз пробуждался. Страшное время наступило, даже сейчас вспоминать страшно.

– И что же ты помнишь?

– Если честно то мало, – признался Ганс. – Я в то время уже постоянно в городе жил, и работал младшим приказчиком в книжной лавке. А в деревне, куда мы с вами едем, жил мой дядька Вальтер со своей семьёй. И вот, как-раз в то время пропала его старшая дочь Элиза, хорошая, работающая девушка, уже на выданье. Искать пришлось не долго. Нашли её рядом с домом на сеновале. Лежала она, бедняжка, в одной ночной рубашке и с разорванным горлом.

Несчастный мой дядька тогда, от горя, чуть ума не лишился. И тут его младшая, десятилетняя дочь Гертруда стала рассказывать удивительные вещи. Повела она о том, что видела в последнюю ночь перед тем, как сестра исчезла.

По её словам, стояла уже глухая темнота и все взрослые в доме спали глубоким сном. Ей же почему-то не спалось. Внезапно она почувствовала сильный страх. Гертруда стала звать Элизу что лежала на соседней кровати, хотела её разбудить. Но её сестра, наработавшись за день, спала очень крепко. Вдруг она почувствовала, что в их комнате сильно похолодало. Малышка Герти завернулась в одеяло с головой и попыталась заснуть. Пролежав так некоторое время, она, к своему ужасу, услышала как кто-то снаружи начал тихонько царапать в оконное стекло. Замирая от ужаса она всё же набралась духу и, высунув из под одеяла голову, посмотрела в окно.

То что увидела моя маленькая кузина было ужасно. За окном, прижавшись лицом к стеклу, стоял, как она сказала, «мёртвый дядя», и царапал стекло ногтями. Когда её спросили, почему она решила что тот человек был мёртвым, малышка сказала, что дядя был точно неживой так как лунный свет кое-где просвечивал сквозь него. А ещё он выглядел очень бледным и страшным. Лицо у него было как у куклы,

с застывшей, злобной улыбкой. Герти, будто-бы парализованная от страха, не могла ни рта открыть, ни пошевелиться. А у мертвеца стоявшего за окном внезапно вспыхнули глаза. Он протянул вперёд руку и стал, своими длинными, белыми пальцами делать призывные, манящие движения. Словно как звал к себе.

На соседней кровати вдруг заворочилась и застонала Элиза. Затем она встала и как-будто зачарованная, вышла на середину комнаты где стала раскачиваться подобно маятнику – вперёд-назад, вперёд-назад. Герти уверяла что её сестра продолжала спать и все эти странные движения делала во сне. Глаза её были закрыты. А потом Элиза, так-же не просыпаясь, вышла из комнаты. Загремели запоры входной двери и сестра, распахнув её шагнула в зловещую ночь. – Вот такую историю, благородные господа, рассказала маленькая девочка. Всё это я лично от неё слышал. После этого случая Герти стала панически бояться наступления ночи и начала заикаться. Я тогда вместе с отцом специально приезжал на похороны Элизы. Там я буквально кожей почувствовал как трепещут от страха все жители деревни.

И я, благородные господа, собственными глазами видел как, прежде чем забить гроб и опустить в могилу, в сердце бедняжки Элизы вбили осиновый кол. А теперь я вас спрошу, милостивые государи, способна ли маленькая деревенская девчонка, десяти лет от роду, выдумать всю эту историю?

Мы со Струэнзе, за неимением сколько-нибудь вразумительного объяснения, предпочли промолчать.

– Вот-вот, вурдалаки существуют господа, и этим демонам ночи плевать на то верите вы в них или нет. В любом случае ваша кровь прекрасно для них подойдёт.

– Ладно, старик, хватит нас пугать! – возмутился Струэнзе. – Между тем мы уже въехали в деревню. Я много раз был здесь, ещё в детстве, когда вместе с отцом приезжал в гости к графу, на Рождество и Пасху.

Интересно что у этой деревни не было названия. То есть, когда-то оно было, но потом его прочно забыли за ненадобностью. И действительно, для обитателей замка она была просто «деревня»; для жителей округи как и города Крумлова она называлась «деревня у замка», а сами жители деревни говорили «здесь» или «у нас». Последний раз я был здесь совсем недавно, чуть более трёх недель назад. Теперь же меня неприятно поразила совершенно непривычная тишина царящая в округе.

Проехав через всю деревню я заметил на её улицах только двух-трёх человек. Казалось что даже собаки тут больше не лаяли.

– Да, народ здесь теперь рано запирает двери на ночь – сказал Ганс в ответ на мой немой вопрос. – Боятся все, думают что ЕГО нынешнее пришествие будет ещё кровавее чем прежние.

– Это ещё почему? – удивился Струэнзе.

– Так ведь он целых пятьдесят лет спал. Почитай в два раза больше чем в прежние времена. Раньше то он приходил раз в двадцать-тридцать лет. Так что проклятый вурдалак теперь должен быть страшно голодным, – старикашка мерзко засмеялся оскалив гнилые зубы.

– Ну и гадкий старикан, – шепнул мне Струэнзе. – Понятно что всё это бред, только у меня от его рассказней всё равно мороз по коже.

– Вот, благородные господа, мы и приехали. – Ганс кивнул на высокий деревянный забор выкрашенный в зелёный цвет. За забором виднелся большой, двухэтажный дом, обычной для этих мест постройки. Рядом находились какие-то хозяйственные строения и конюшня. Я знал что перед нами постоянный двор местного жителя Гюнтера Шлоссе. Но на Струэнзе это заведение произвело удручающее впечатление.

– Ну и куда ты нас привёз? – недовольно спросил он Ганса.

– Это постоялый двор, благородный господин. Здесь вы найдёте всё необходимое и переночуете. А уж с утра за вами пришлют кого-нибудь из замка. Вот, кстати, и хозяин идёт. – В распахнутых воротах появился сам господин Шлоссе. Это был высокий, дородный мужчина лет пятидесяти с прямой осанкой и совершенно лысой, крупной головой.

– Добро пожаловать, господа офицеры, – произнёс он с профессиональным радушием. Увидев меня сразу заулыбался. – О, господин барон, снова к нам приехали? Значит вам не удалось уговорить этого старого пьяницу отвезти вас напрямик в замок? Понимаю. Уже вторую неделю как по вечерам сюда никто и носа не смеет сунуть. Вот такие дела, господин барон. – И не дожидаясь от меня ответа, он крикнул белокрысому пареньку.

– Эй Михель, возьми у господ чемоданы. – Паренёк сразу бросился помогать Алоису который выгружал наш багаж.

– Ну прощайте, благородные господа, – получив обещенную плату, Ганс засунул деньги запазуху. – Извиняйте, если что не так. Но дальше я и шагу не сделаю. Развернув свой экипаж он стал поспешно погонять лошадей, нещадно их нахлёстывая. – Желаю вам, господа, благополучно пережить эту ночь! – прокричал старикашка на прощание.

– Что это, чёрт возьми, лавка по продаже чеснока? – с удивлением спросил Струэнзе. – Вы видите это, Людвиг? – Действительно, дом куда Михель с Алоисом тащили наши чемоданы выглядел очень необычно. Множество связок чеснока висели над дверью, окнами, свешивались с крыши чем-то напоминая гирлянды на рождественских ёлках. Только их назначение было гораздо более зловещим.

– Боже мой! Людвиг, да они действительно верят в эти бредни!

– Вот именно. По местным легендам, дорогой Олав Христиан, чеснок нужен для того чтобы отпугивать нечистую силу и прежде всего вампиров.

– Невероятно, да мы с вами похоже напрямик попали в средневековье! – воскликнул Струэнзе, разглядывая эту выставку чеснока. – Войдя во внутрь, я скептически осмотрел обстановку. Несмотря на то что я часто бывал в этой деревне, в заведении господина Шлоссе я оказался впервые. Обстановка внутри была очень скромной. Просторное помещение представляло собой нечто среднее между деревенским кабаком и очень дешёвой гостиницей. Вдоль всего зала вытянулся огромный, грубо сколоченный, дубовый стол. Вокруг него стояли, столь же грубой работы, но добротные и прочные стулья. В правой части зала возвышалось некое подобие барной стойки и несколько полок уставленных подозрительного вида бутылками. Наверняка они содержали местного разлива самогон и различные наливки. Вдоль стен этого помещения, тянулись широкие деревянные лавки служившие, по всему видимому, спальными местами.

– Да, скорее всего вы правы, Олав, действительно, это почти средневековье. Поэтому у меня к вам есть предложение: Если не хотите кормить здесь клопов, предлагаю оставить тут наши вещи и двинуться пешком в замок. Это недалеко, не более полутора миль, до заката успеем добраться. Струэнзе замялся, похоже он был в растерянности, было видно что моё предложение его совершенно не устраивает.

– Ну же решайтесь, дружище, получите нормальный ужин, чистую удобную кровать и радушие хозяев. Или рассказы старого пьяницы всё же напугали вас?

– Перестаньте, Людвиг, это не смешно. Конечно я не верю во всю эту чушь, но я не уверен что нам следует, на ночь глядя, тащиться пешком полторы мили. Мы вполне можем переночевать и здесь. Хотя если вы считаете что так будет лучше, извольте, я готов следовать за вами. И тут, внезапно подал голос Алоис.

– Господин капитан, я сомневаюсь в надёжности этих людей, и опасаясь за сохранность нашего имущества. Поэтому, с вашего позволения, я до утра останусь здесь и присмотрю за нашими чемоданами.

– Алоис, с нашими чемоданами всё будет в порядке, завтра их доставят в замок. В этой деревне нет воров. Раньше они даже дверей на ночь не запирали, – сказал я, особенно не вникая в происходящее.

– Но, господин барон, я ведь должен заботиться о сохранности вашего имущества. Моё место должно быть возле ваших чемоданов. – Я более внимательно посмотрел на своего денщика. Так вот оно что! Вот где все страшные сказки старого пьяницы Ганса попали а цель. Мой бедный Алоис изрядно перетрусил. Вот откуда эти бегающие глаза и дрожащий подбородок.

– Мой глупый Алоис, где твоё место решать мне. Разве ты забыл военный устав? Ты обязан следовать за своим офицером куда он прикажет. В огонь, в атаку, в адское пекло, да хоть в логово вампиров. Ты же сейчас пытаешься уклониться от своих непосредственных обязанностей, и находясь в безопасности стеречь мои чемоданы.

Не выйдет, парень, ты пойдёшь с нами! Более того, ты, как рядовой, а следовательно представляющий из нас троих наименьшую ценность, пойдёшь впереди. И если на нас нападут ожившие мертвецы ты примешь на себя первый удар. Пока вампиры будут рвать твоё тело, мы сможем скрыться. Да не трясись ты как осиновый лист, я обещаю, что твои родные получают благодарственную грамоту от командования. А может быть, мой бедный, глупый Алоис, тебя даже посмертно наградят медалью! – Струэнзе закашлялся от смеха.

– Да ладно вам, барон, бедняга сейчас умрёт на месте. Вы его до смерти напугали, разве не видите. – И действительно, бледный как смерть Алоис полностью подтверждал его опасение. И тут к нам буквально бросился владелец трактира. Перепуганный не менее Алоиса, господин Шлоссе умоляюще запричитал:

– Боже мой, господин барон, Боже мой! Что за безумие вы задумали! Идти сейчас пешком в замок, это же чистое самоубийство!

– Ну вот, теперь и ты будешь нас пугать? Хватит Гюнтер, мы уже достаточно наслушались сегодня сказок, – отмахнулся я от трактирщика. Но тот всё не унимался. Яростно жестикулируя он встал между мною и входной дверью словно преграждая мне путь. На помощь ему вскоре пришла жена.

Фрау Магда Шлоссе, высокая, под стать мужу, крупная женщина с длинными светлыми волосами. Встав рядом с трактирщиком она окончательно отгородила от меня дверь ведущую на улицу.

– Господин барон, я вас умоляю, откажитесь от своей затеи. Если вам не удобно ночевать здесь на лавке, мы с мужем готовы уступить вам свою спальню. Но не вздумайте покидать постоянный двор. То что вы называете сказками, вполне возможно существует на самом деле. И если с вами что-нибудь случится, Их Сиятельство нам этого никогда не простит. Господом Богом заклинаю вас подождать до утра. С рассветом, муж отправит в замок Михеля, и управляющий Фриц пришлёт за вами экипаж.

Не видя энтузиазма среди своих спутников я махнул рукой. Что ж придётся ночевать в этом клоповнике. Наш радушный хозяин немедленно стал собирать на стол. Алоис сразу успокоился да и Струэнзе заметно повеселел. Я же вышел во двор и закурил сигару.

Воздух был чист и невероятно упоителен. Мрачная громада замка высившаяся в отдалении была расцвечена розоватыми бликами заходящего солнца. И в этом

неприветливом замке меня ждала моя драгоценная Анна-Мария. Я же, находясь в двух шагах от неё, вынужден ещё на целую ночь отдалить нашу встречу.

– Вот это да! Какая громадина! – Струэнзе, стоя рядом со мной, тоже разглядывал замок. – Да... В таком замке непременно должны водиться привидения, быть тайные замурованные подземелья с висящими на цепях скелетами, спрятанные в стенах клады с древними сокровищами.

– Я разочарую вас, Струэнзе, но скорее всего ничего подобного там нет. Самые ранние постройки в этом замке относятся к началу XIII века. Но он много раз перестраивался и менял свою планировку.

В этот момент в ворота въехали, друг за другом, две запряжённые лошадьми телеги. Сидящие на них крестьяне, по виду мелкие землевладельцы, осыпали друг друга ехидными насмешками.

– Уж не загнали ли вы свою лошадь, любезный господин Штютнагель? Вашу несравненную Фройляйн Мери? – насмешливо спросил один из них, мужчина с чёрной бородой.

– И не надейтесь, господин Маречек, моя лошадь в полном порядке, это ваша вся в мыле, – отвечал ему здоровяк с мясистым, одутловатым лицом.

– Не думаю, господин Штютнагель, что ваша лошадь в порядке. Ведь вы её так безбожно погоняли, как-будто за вами гнался целый легион чертей.

– У моей лошади просто такой быстрый бег, в отличие от вашей клячи, господин Маречек. Но вот зачем вы решили завернуть к лысому Гюнтеру я не понимаю. Разве ваш дом не находится всего в трёх милях отсюда? Вот и ехали бы напрямиком к себе.

– А вы значит не понимаете?

– Неужели вы, уважаемый господин Маречек, боитесь ехать ночью мимо Чёрного замка. Может быть вы боитесь «Зелёного дьявола»?

– Никого я не боюсь, господин Штютнагель.

– Вот и ехали бы к себе домой, проведали бы свою жёнушку. А то мало ли с кем она ночи проводит в ваше отсутствие.

– Моя жёнушка, господин Штютнагель, ночи проводит с тем с кем ей и положено, в отличие от вашей жёнушки. Но вот зачем вы решили переночевать на постоялом дворе? Вот это действительно непонятно. Разве не вы, господин Штютнагель, на каждом шагу кричите что не верите в оживших мертвецов и «Зелёного дьявола»? Называете это бабскими сказками.

– А это и есть бабские сказки. Но я, в отличие от вас, господин Маречек, человек умный. А потому знаю что бережёного Бог бережёт. Ни в каких вурдалаков-упырей я конечно не верю. А решил переночевать у Лысого Гюнтера потому, что хочу и дальше в них не верить. – Здоровяк которого его спутник называл Штютнагелем специально сделал ударение на окончании фразы. – Так перебрасываясь сальными шутками эти двое выпрягли лошадей и с помощью Михеля поставили их в конюшню. Затем умывшись у колодца они прошли в трактир.

Между тем уже сильно стемнело, и воздух стал ощутимо прохладнее. Дома на этой деревенской улице стояли в полном безмолвии, словно вымершие. Наш радушный хозяин поспешно запирали двери конюшни. С удивлением я обнаружил что не только трактир, но и стены конюшни были изрядно обвешаны гирляндами с чесноком. Более того: под крышей я заметил довольно толстую верёвку больше похожую на корабельный канат. Эта верёвка обвивала по периметру всё строение, и, несомненно тоже выполняла какую-то охранительную функцию. Да, суеверия прочно утвердились в сознании этих людей.

Вышедший на крыльцо трактира чернобородый господин Маречек, придиричиво осмотрел запертую дверь конюшни с навешанными повсюду связками чеснока.

– Ты святой водой то покропить не забыл? – спросил он у Гюнтера. Тот только отмахнулся.

– Конечно не забыл, и двери и порог, и верёвку. Так что будь спокоен, целы будут и твоя Зорька и Фройляйн Мери Францева.

– Да они, похоже, всерьёз готовятся к ночному визиту вампира, – сказал я, обернувшись к Струэнзе. – Странные здесь дела творятся. Будто целая деревня сошла с ума. – Датчанин замялся, потом всё же сказал.

– Знаете, Людвиг, у меня всё не выходит из головы история этого пьянчуги... Ну та... где десятилетняя девочка рассказала как вампир выманил из дома её сестру. Действительно это странно. Ну не мог маленький ребёнок всё это выдумать. Ведь в этом возрасте, они что видят о том и говорят.

– Ох, Струэнзе, Струэнзе, – я усмехнулся. – Думаю, это обстановка на вас действует, столь угнетающе. Ну, допустим, проснулась десятилетняя малышка среди ночи. В избе темно, все спят, за окном ветер гуляет, припомнились ей страшные истории, что раннее слышала, возможно от той же старшей сестры. Ну и перетрусилась она, привиделся ей со страху мертвец заглядывающий в окно и скребущий по стеклу.

– Как-то слишком у вас всё просто, – задумался датчанин. – Ну а как же её сестра... – В этот момент откуда-то издали раздался надрывный и тягучий собачий вой. Струэнзе встрепенулся и побледнел. Действительно, это могло показаться неким зловещим предзнаменованием. В собачьем вое слышалась тоска и смертельный страх. Я лишь пожал плечами.

– А скорее всего и не было никакой девчонки.

– То есть как? – удивился мой собеседник.

– Да сам Ганс и выдумал эту историю. Ну может быть не он, а кто-то другой из местных, специально что-бы пугать приезжих. Ведь за хорошую страшную историю они и приплатить могут. А чтобы придать всему рассказу достоверность, придумали и эту девочку. Мол, это не я выдумал, известный всем лжец и пьяница Ганс, это рассказал невинный ребёнок что и лгать то пока не умеет.

– Ну да, ну да, – буркнул Струэнзе, – что ж, действительно может быть. – В зале трактира пылал камин. Это в июле то месяце! За дубовым столом сидели пять человек: Алоис, двое уже знакомых мне крестьян, мужчина лет сорока, в охотничьем костюме. и ещё один пожилой толстый субъект с красным лицом. Все они выглядели очень напряженно и настороженно. Как только мы вошли, Гюнтер и Михаэль, тут же захлопнули входную дверь.

Кроме большой кованной щеколды, дверь запиралась на огромный деревянный засов, больше похожий на, средних размеров, бревно. Но и это было ещё не всё. Изнутри, дверь так же удерживали два железных крюка длиной примерно в метр. Одним своим концом они крепились к железной скобе прикрученной к полу, а другим, цеплялись за стальные кольца в самой двери. Да, трактир запирался не хуже какой-нибудь крепости. И сразу бросалось в глаза то, что все эти неодолимые запоры, кроме щеколды, установили здесь совсем недавно.

Глава 7

Страшная ночь на постоялом дворе. Истории леденящие кровь и новые вопросы. Фрау Магда Шлоссе показывает свою силу. Знакомство с Бруно

Ужин был по крестьянски простым и обильным. Я взял цыплёнка с молодой картошкой. Цыплёнок, по правде говоря, слегка пригорел, да и приправа, на мой взгляд, была излишне острой. Струэнзе сначала присматривался к бараньему боку с гречневой кашей, но затем взял свиное жаркое с овощами и кнедликами. Было много сыра, хлеба и различных закусок. Алоис, что скромно сидел с краю, уплетал заячье рагу. Он явно чувствовал себя, что называется «не в своей тарелке», так-как из-за походных условий, впервые сидел за одним столом с офицерами.

Никаких приличных вин в этом заведении, конечно же не было. Но хозяин очень рекомендовал нам сливовую наливку, две бутылки которой теперь стояли перед нами. На мой взгляд, излишне приторная и крепкая, она очень пришлась по вкусу Алоису. Наши радушные хозяева ушли к себе, в жилую часть трактира, на второй этаж. Михель завалился спать где-то в своём чулане. Таким образом, мы и четверо наших невольных соседей, остались предоставленными сами себе.

Случайные наши соседи, как я понял, хорошо знали друг-друга, и по началу оживленно переговаривались. Они обсуждали обычные для крестьян темы: как-то – погоду, виды на урожай, деревенские сплетни и скандалы. Потом принялись ругать какого-то перекупщика, господина Прохазку, называя того жирной свиньёй, подлым негодяем и ещё, какими-то уж совсем безобразными и неприличными словами. Они говорили на местном диалекте немецкого языка, но использовали много богемских слов и выражений. Из-за этого я далеко не всё понимал из их разговора.

Только человек одетый в охотничий костюм держался особняком и почти не принимал участия в общем разговоре. Он медленно пережёвывал пищу периодически прикладываясь к кружке с лёгким пивом и, по видимому, о чём-то напряжённо размышлял. Очевидно что он не был местным жителем. Его манеры и правильная речь, о которой я мог судить по нескольким оброненным им фразам, выдавали образованного человека, возможно даже аристократа.

Утолив голод и прикончив почти все выставленные на столе блюда, трое крестьян достали свои трубки и закурили. Алоис, опрокинув в себя ещё одну рюмку наливки, тоже вынул трубку. За окном, между тем, совсем стемнело, это было видно сквозь узкую щель между закрытыми ставнями. Разговоры велись всё более тише, а лица людей за столом становились мрачнее и напряженнее. Вскоре их беседа вообще свелась к редким фразам произнесённым полупёпотом.

В зал спустилась хозяйка фрау Магда. Она молча задёрнула плотными зелёными занавесками все три имеющихся окна. Уходя, она оглядела нас присутствующих оценивающим взглядом и сказала:

– Что бы не случилось, не вздумайте подходить к двери. Если у кого возникнет надобность, то в конце коридора, за занавеской есть ведро с водой. — Я вынул из кармана часы и взглянул на циферблат, все сидящие за столом посмотрели на меня с непонятным интересом.

– И сколько там времени, господин офицер, позвольте полюбопытствовать? – Спросил краснолицый толстяк.

– Без четверти полночь, – ответил я, щёлкнув крышкой и убрав часы обратно в корман. Над столом нависла гнетущая тишина. Люди молча курили свои трубки уставившись прямо перед собой, будто боялись поднять глаза. Мы со Струэнзе налили себе ещё по рюмке наливки.

– Говорят, что как раз в полночь их сила намного возрастает, – тихо произнёс краснолицый. – Слава Богу что нынче не полнолуние. – Оказывается его звали Клаус Штрубе, и он был пивоваром из соседней деревни. Краснолицый достал из своего мешка толстый молитвенник и положил рядом с собой на стол.

– Мне тут старый пастор, отец Бернардо, отметил некоторые молитвы, которые его должны отвадить, – сказал он снова понизив голос почти до шёпота. – Нынешний то, отец Пауль, в таких делах ничего не понимает.

– Это против них не поможет, – убеждённо заявил чернобородый господин Маречек. Выбив трубку он налил себе той же наливки что поглощал и Алоис. – Вот если-бы молитвы читал человек возведённый в священный сан, пусть даже и отец Пауль, тогда другое дело. Тогда возможно и помогло бы.

– Святая молитва и сама по себе имеет силу! – упёрся краснолицый пивовар. – Отец Бернардо знает что говорит.

– Так ведь он не может просто так сюда войти, – внезапно подал голос мой дуралей Алоис. – То есть я хочу сказать что у него нет права и силы войти в человеческое жилища без приглашения. Я слышал что такое заклятье на них Господь наложил. От знающих людей я это слышал.

– Ты солдат, не знаешь что в наших краях творится. Так что сиди и помалкивай, – осадил его толстый пивовар. – Многие так думали, за что и поплатились. Вот мне, ещё в детстве, бабка рассказывала про семью Михеля Вёльте. Жена его, Анна, вдруг взяла да пропала. Целый день её искали и нашли мёртвой с прокушенной шеей. По началу думали что какой-то дикий зверь её порешил. Ну похоронили её как положено, с соблюдением всех церковных правил. Только отчего-то глаза не смогли ей закрыть, так с открытыми глазами и в гроб положили.

А спустя три дня, вот как-раз в полночь, и заявила она. Пришла с кладбища и стала в двери да окна стучать, просить чтобы её впустили. Жалобно так просить, мужа и детей по именам выкликать. Говорила что по детям скучает, что холодно ей одной на кладбище. Ну дети то маленькие, понятно, стали кричать – «Мама! Мама!». Но Михель то не дурак был, вмиг понял что к чему. Зажал рты своим детям и не давал им кричать, мать звать. Так и сидели, и час и два, рассвета ждали.

– И что же? – дрожащим голосом спросил Алоис, в очередной раз наполняя свою рюмку.

– А всё едино. Незадолго до рассвета всё же вошла она в избу, хоть и незваная никем, и всех там порешила. Детишкам обоим горла перегрызла, да кровь всю выпила. А Михелю, своему мужу, так и вовсе сердце вырвала.

– Так если она всех порешила, кто же тогда обо всём этом рассказать-то мог? – совершенно резонно заметил Алоис.

– Всех да не всех, – парировал господин Штрубе – Мать Михеля, старуха Берта уцелела той ночью, спряталась в углу за шкафом, и уцелела. Она же после и рассказала о всём что видела. Но я думаю что упыриха её не убила потому что сполна насытилась. Просто, старухина кровь была ей без надобности.

– Ох, неправильно ты Клаус всё рассказываешь, – заявил господин Маречек. – Зачем человеку врешь? У нас все эту историю слышали, мне тоже моя бабка её рассказывала.

– Вот-вот, я и говорю, бабские это сказки, – усмехнулся здоровяк Штютнагель. Он равнодушно слушал рассказ пивовара поныхивая своей трубой.

– Помолчи, Франс, – отмахнулся чернобородый. – Солдат прав, не могут вурдалаки к живым людям без приглашения входить. Анна Вельте не сама вошла в дом. Это всё маленькая дочка Михеля, она, по детской своей глупости, вырвалась от отца, подбежала к двери и крикнула – "Мамочка, мамочка иди к нам!" – Вот этим и погубила себя, а так же отца и брата. А старая Берта тогда действительно уцелела. Только пряталась она не в углу за шкафом, а под кроватью. А на утро, как узнал народ что с семейством Вельте приключилось, так ринулись все на кладбище. Моя бабка с дедом туда тоже ходили.

Так вот, раскопали могилу Анны, гроб открыли и видят... Лежит она, значит, вся страшная такая, когти у неё длинные отросли, зубы заострились а весь саван кровью перепачкан.

– И что они с ней сделали? – бедняга Алоис почти перестал дышать от страха.

– Сделали то что положено, служивый. Кол ей осиновый вбили в сердце и голову отрубили, а затем к ногам приставили. Против вурдалака это самое верное средство. Вот как-раз его дед всё это и проделал, – чернобородый показал рукой на Штютнагеля. Это он ни во что не верит, а дед его – Альфред, разбирался в подобных вещах, умный говорят был человек. – Чернобородый Маречек выпустил кольцо дыма и поморщился. – Только жаль от его ума внуку ничего не досталось.

– Чепуха это всё, бабские сказки. Ничего подобного мне дед не рассказывал. Да и как это... разрыли могилу, открыли гроб... Чепуха всё это, как же она тогда покидала могилу не сломав свой гроб и не прокопав путь наверх?

– Так это они умеют. Они ведь уже не люди а дьявольские создания, поэтому и способны выходить из могилы сквозь толщу земли. Но при свете дня они совершенно беззащитны. Поэтому и убивать их надо пока солнце светит. Ночью то против них никакого шанса. Разве что это его отпугнёт, – чернобородый извлёк из своего мешка серебряное распятие и тонкую посеребрённую пику на короткой деревянной ручке. – Серебра он боится, так я слышал, вот приготовил кое что. Распятие я освятил в церкви, а на эту пику два десятка серебряных таллеров потратил, самолично расплавил и острёй покрыл.

– Ну а у меня вот это, – сказал Клаус Штрубе, вынимая из-за пазухи плоскую стеклянную флягу. – Это святая вода, господа. Против всякой нечести самое первое и необходимое средство. Отец Бернардо лично освятил по моей просьбе.

– А у меня есть нечто получше ваших игрушек, – вдруг сказал, неверящий в бабские сказки, господин Штютнагель. Из внутреннего кармана своего плаща он извлёк небольшой, старинный пятиствольный пистолет. – Вот самое надёжное средство. Два дня назад Крумловский оружейник, господин Шлосберг, изготовил для меня два десятка серебряных пуль и собственноручно зарядил этот пистолет.

– Вот это да... Но ты же не веришь!!! – воскликнул чернобородый Маречек.

– Не верю, – кивнул головой Штютнагель. – И дальше хочу не верить. А это так, на всякий случай. – Я заметил что немногословный мужчина в охотничьем костюме, пристально следит за тем как наши случайные сотоварищи раскладывают на столе свой антивампирский арсенал. Насмешливая, скептическая улыбка появилась на его лице. «Ну слава Богу, хоть ещё один нормальный человек, не все ещё здесь сошли с ума» – подумал я.

– Ну а как вы, господа офицеры, каким оружием располагаете, – спросил нас краснолицый пивовар.

– Мне, милейшие господа, не совсем понятно о чём вы ведёте речь? У меня есть сабля, как положено офицеру, – ответил я ему. – Она изготовлена из очень хорошей стали, но никак не из серебра. Ещё у меня есть револьвер – морской Кольт модели 1851 года, но он опять же заряжен самыми обычными патронами. Что касается моего спутника, лейтенанта Струэнзе, то у него есть только сабля, потому что как военнопленному ему вообще не положено огнестрельное оружие. Сабля вообще-то тоже не положена, но я ему разрешил. Так что, почтеннейшие, как видите, для сражения с вашим носферату, мы явно не подходим.

– Тихе, тихе, господин офицер, – взмолился чернобородый. – Умоляю вас, не произносите это слово.

– Но отчего? – удивился я. Страх этих людей перед мифической угрозой откровенно забавлял меня. – Что такого ужасного в этом слове?

– Назвать вслух его подлинную сущность, значит призвать сюда, – усмехнулся «охотник», как я про себя прозвал мужчину в охотничьем костюме. – По крайней мере, так говорится в различных легендах. Извините, господин капитан, я не представился. Вы можете называть меня, Бруно, полагаю что этого пока достаточно. – В ответ мы, со Струэнзе, так же назвали свои имена.

– Ни какая это не легенда, господин офицер, – зашептал краснолицый Клаус брызгая слюной. – Всё так и есть, поэтому мы называем это дьявольское существо – просто ОН. Из-за него мы живём в постоянном страхе, как жили наши отцы и деды.

– Особенно если ты сам себя накручиваешь, – выразил здравую мысль господин Штютнагель. – Всё это сказки для дураков, господин офицер.

– Ха... Сказки значит? А пистолетик всё-таки купил, и пулями серебряными зарядил. – Чернобородый Маречек не преминул поддеть своего приятеля. Выпив ещё одну рюмку сливовки, я встал из-за стола.

– Ну что ж, господа, желаю вам успехов в борьбе с НИМ. А я, пожалуй отправлюсь спать. Струэнзе, вам я советую поступить аналогичным образом, завтра нам рано вставать. – Я двинулся к лавке у стены, где фрау Магда постелила для меня и датчанина, две перины.

– Господин офицер, – толстый пивовар выпучил на меня глаза. – Вы что же, действительно сможете просто так лечь спать?

– Конечно. Время сейчас позднее, а я прилично устал за сегодняшний день. Так что, на мой взгляд, это самое естественное желание. – Алоис, уже будучи в откровенно пьяном состоянии, поднялся чтобы снять с меня сапоги, когда произошло это. Внезапно раздался ужасный, невероятно громкий и пронзительный собачий вой. Он прозвучал гораздо более зловеще чем тот что мы слышали во дворе перед заходом солнца. Чудовищный страх и предсмертная тоска обречённого животного слышались в этом вое, который, кажется, вымораживал душу. Мои случайные сотрапезники, все как один побледнели, съёжились, и втянули головы в плечи. Даже Струэнзе вздрогнул и открыл рот. Краснолицый пивовар, дрожащими пальцами, начал листать свою книгу и, найдя отмеченное место, забормотал молитву. Все присутствующие, включая датчанина, сделали то же самое. Интересно что за молитву читал этот лютеранин, находясь в окружении добрых католиков? Захваченный общим настроением я тоже невольно перекрестился.

– Нет-нет... он не может, – бормотал Алоис. – Он не может сюда войти. Без приглашения он не может... Господь ему не позволит. В растерянности, я вернулся

за стол и налил себе ещё рюмку сливянки. Долгое время ничего не происходило, раздавалось только бормотание молитв.

– Что... Что это было, чёрт возьми, – сдавленно прошептал Струэнзе.

– Выла деревенская собака. Наверное хозяин отобрал у неё любимую кость, – предположил я, но никто не обратил внимания на мою шутку.

– Он идёт сюда! Упырь идёт! – произнёс Маречек вцепившись побелевшими пальцами в серебряное распятие. Я услышал как клацают от страха зубы Алоиса.

– Но он же не может... Без приглашения ему нельзя, – твердил мой ополоумевший денщик.

– Что ты заладил, не может да не может, – взвился чернобородый Маречек. – Да, он не может войти в дом где живут добрые христиане. Ему для этого нужно приглашение. Но здесь-то постоянный двор! Трактир! Ты понимаешь, парень? Здесь люди пьют, сквернословят, ведут похабные разговоры, блудодействуют. Поэтому этот трактир гораздо меньше защищён Господом, чем обычный дом.

– Вот если-бы, очертить вокруг стола защитный круг. Это могло-бы стать хорошей защитой от него, – сказал пивовар Штрубе.

– Так у тебя есть освящённый мел? – с надеждой посмотрел на него Маречек. Но пивовар лишь тяжело вздохнул и отрицательно мотнул головой.

– Ну и дурак же ты братец! Зачем тогда заговорил об этом? – накинулся на него чернобородый. – Воду освятил у отца Бернардо, а про мел забыл? Тупица, если ты всё знал, что ж заранее не позаботился. – А снаружи опять донёсся истошный собачий вой. Но на этот раз он был какой-то приглушённый, больше похожий на скулёж. Спустя секунду он сменился страшным визгом и оборвался на самой высокой ноте.

– Так что, он пьёт и кровь животных?! Собак?! – побледневший Алоиз востро тряса от ужаса.

– Пьёт, – внезапно ответил Бруно, всё время до этого молчавший. – Только кровь животных не имеет для него вкуса, и лишь на короткое время притупляет жажду. Для того чтобы насытиться, вурдалаку нужна именно человеческая кровь. – Я с удивлением посмотрел на него. До сих пор, этот Бруно казался мне вполне вменяемым человеком.

– Вы хотите сказать что так говорится в легендах? – задал вопрос Струэнзе. Но Бруно ничего ему не ответил. В трактире опять повисла тишина. Все сидели молча, опустив головы и уставившись в стол. Страх витал здесь безраздельно.

– Послушайте, как вас там... – обратился Струэнзе к краснолицему пивовару. – У вас же есть целая фляга со святой водой. Если её аккуратно разлить вокруг стола, то она вполне может заменить, начертанный мелом, охранный круг. По моему стоит попробовать?

– А.. А-а-а... Господин офицер... Клаус Штрубе тупо уставился на Маречека. Тот звонко хлопнул себя по лбу и зажал бороду в кулак.

– А ведь точно, это тоже может стать защитой. Как я сам-то не догадался. Спасибо, господин офицер. Между тем, господин Штрубе бухнулся на четвереньки и, открыв флягу, стал ползать вокруг стола разбрызгивая святую воду. Неуклюже передвигаясь таким образом и отклячив толстый зад, он постоянно натывался на стулья, с грохотом ронял их, чертыхался, но упорно продолжал свою работу. Наконец, разлив гораздо более чем требовалось святой воды, ему удалось ею очертить вокруг нашего стола, некое подобие круга или скорее овала. Теперь стол и сидящие за ним люди были надёжно защищены от потусторонних сил.

Глядя на всё это, мне казалось что я нахожусь в доме для умалишённых. Закончив своё дело и сильно запыхавшись, он тяжело опустился на своё место. Святой воды в его фляге теперь оставалось не более четверти.

– Всё равно, – Маречек скептически осмотрел его работу, – круг начерченный освящённым мелом был-бы намного надёжнее. А этот всё одно не удержит его до рассвета, святая вода быстро высохнет.

– А не заткнутся ли тебе, чёртов всезнайка, – злобно процедил сквозь зубы рассерженный пивовар. – Я то хоть что-то делаю. – Несколько минут все сидели в абсолютной тишине, прислушиваясь к звукам снаружи. Но всё было тихо, и люди понемногу перевели дух.

– Я слышал что в Чёртовом замке опять кто-то умер? – спросил господин Штютнагель, опрокидывая себе в глотку сразу целый стакан наливки.

– Да. Одна девчонка из прислуги, – ответил пивовар.

– Эх... Ничего-то вы не знаете, – махнул рукой господин Маречек. – Девчонка из прислуги, это дочь Иоахима Швальбе, её четыре дня назад похоронили. А позавчера умерла другая девчонка Мирослава Коваржикова. Её, за день до этого, нашли мёртвой в коровнике. Так мне кум сказал.

– Горло было прокушено? – задал вопрос Бруно, проявив непонятный интерес к этому разговору. – На теле девушки были следы укусов, порезов или какие-нибудь раны?

– Нет... Кум говорил что бабки специально всё тело её осматривали, ведь напуган уже народ был слухами про упыря. Но нет, не ран, не укусов каких на теле несчастной девушки не было. Так... шея немного поцарапана, вроде как заколкой она поранилась.

– Ну а сделали... ну... что положено? – спросил пивовар Штрубе.

– Нет, отец не позволил, ведь следов укуса не было. Мало ли из-за чего девчонка умерла. Да и граф Траумберг был против. Сказал что вбивать осиновый кол в тело покойной, это средневековое варварство. Кстати, и первую умершую девчонку тоже просто так похоронили.

– Идиоты! – произнёс Бруно тяжело вздохнув.

– Ох, не к добру это, – прошептал краснолицый пивовар. Затем он, внезапно ударил стаканом о стол, и зло прошипел. – Всё из-за этих проклятых Траумбергов! Это они занесли в наши края дьявольскую заразу, весь этот кошмар. Многие говорят что не только «Зелёный дьявол» но и прабабка нынешнего графа была вампиршей, немёртвой упырихой. Нет, правильно говорит отец Пауль, пора выжечь это сатанинское гнездо! Разорить проклятый Чёртов замок! Жаль что отец Бернардо против.

– Послушайте, уважаемый, – мне нестерпимо хотелось дать в зубы этому жирному, потному от страха негодяю. – Насколько вам известно, наша, хранимая Богом, империя находится в состоянии войны. И, будьте уверены, правительство не потерпит никакого бунта в военное время. А если таковой всё же произойдёт, то будьте уверены, все его зачинщики и активные участники будут немедленно повешены. Так что запомните это сами и передайте своему отцу Паулю. Думаю он будет очень комично смотреться, болтаясь на виселице в своей рясе. – На перепуганного пивовара было жалко смотреть.

– Да я же... господин офицер... Я не то хотел сказать, – толстяк ещё больше побагровел, да так что казалось его сейчас хватит удар.

– А мне кажется вы уже достаточно сказали, милейший. Достаточно чтобы возбудить против вас уголовное преследование.

– Тише, господа, – Бруно поднял руку требуя внимания и тишины. – Вы это слышите? – Все замолчали как по команде. Со двора раздавалось громкое конное ржание. Закрытые в конюшне лошади были чем-то очень напуганы. – Слышали? Это происходит в конюшне.

– Боже Всемилостивый! Там же Фройляйн Мэри! – пробормотал Штютнагель. – А лошадиное ржание и храп слышалось всё сильнее. Могло показаться что, до смерти напуганные лошади, взбесились или сошли с ума.

– Они его чувят! Боже мой, лошади чувят вурдалака! – воскликнули в один голос Маречек и пивовар Клаус. – Я слышал что лошади и другие животные безошибочно узнают живых мертвецов. Боже мой! Боже мой!! Он здесь!!! – толстяка трясло как в лихорадке. Трясущимися руками господин Штютнагель высыпал на стол несколько горстей серебряных пуль.

– Серебро это хорошо, жаль что вы неудосужились ещё и освятить их в церкви, – заметил Бруно. – К тому же у вас не будет возможности перезарядить ваш антикварный пистолет. Держите себя в руках, господа, будем надеяться что он не сможет войти. Денщик господина барона кое в чём действительно прав.

Чёрт возьми! Я почувствовал как озноб пробежал у меня по позвоночнику. Внезапно я ощутил холод. Холод?! В июле месяце?! Камин по прежнему жарко пылал, но в зале явственно чувствовался холод.

– Людвиг, что происходит? – Струэнзе зачем-то стал протирать свои очки. – Мне это только кажется или здесь действительно похолодало?

– Это он, – пробормотал Маречек напуганный до полусмерти. – Внезапный холод всегда сопутствует приходу мертвецов. Это идёт вурдалак!

– Чёрт вас побери, фон Хагендорф! Объясните мне, барон, что в конце-концов происходит.

– Я не знаю, Струэнзе, что здесь происходит, но похоже что некоторые страшные сказки начинают настойчиво напоминать о себе.

* * *

– А вот я, господа, знаю что здесь происходит, – сказал Бруно. – Со спокойствием заслуживающим уважения, он взял стоявший в углу чехол с охотничьим ружьём и положил на колени. – Сейчас, господин барон, от вас и вашего спутника понадобится всё возможное мужество и хладнокровие. От этих людей, – он махнул в сторону Алоиза и напуганных крестьян, – увы, будет мало проку.

– Вы что же, господин Бруно, сомневаетесь в нашем мужестве, – я почувствовал раздражение. Кто он такой этот выскочка? Кто его, в конце-концов, назначил здесь командовать?

– Не в коем случае, господа, Но вы должны для себя уяснить, и неважно верите вы в это, или считаете сказками, но сейчас ваши жизни действительно находятся в смертельной опасности. – С этими словами он вынул из чехла ружьё. Я сразу отметил что это очень необычное ружьё. Неимоверно мощное, наверняка сделанное по специальному заказу и под очень большой калибр, оно нашло бы прекрасное применение где-нибудь на африканском сафари.

А Бруно, между тем, с ледяным спокойствием расставлял на дубовой столешнице патроны. Я подумал что они наверняка оснащены серебряными пулями.

– Я ничуть не сомневаюсь в вашем мужестве, господа. Но на этот раз вашим противником будут не французские солдаты и не итальянские кондотьеры. Это даже не пруссаки... Да чёрт с ними, с прусаками, это будет пострашнее русского

пехотинца с примкнутом штыком. И это не разъярённый лев в Африканском вельде. Вашим противником будет бессмертная, противоестественная сущность, оживший мертвец из потустороннего мира.

– Ну что за бред вы здесь несёте, господин Бруно, – подал голос Струэнзе. – Неужели вы действительно верите в эту чепуху? А ведь казались вполне вменяемым человеком. – Но странный незнакомец лишь бросил на него беглый взгляд, не удостоив ответом.

– Ваши сабли и револьвер, конечно не причинят ему никакого вреда, но будем надеяться, смогут, на мгновение, его задержать. Господин Штютнагель, вы когда-нибудь стреляли из этой вашей антикварной пукалки? – спросил он у здоровяка.

– Ну... Вообще-то нет, – признался Штютнагель.

– Что ж так я и думал. Если чудовищу удастся проникнуть внутрь, наши жизни окажутся в страшной опасности. И не только жизни, господа, но и наши бессмертные души. На этих двух господ мы не сможем положиться, – он кивнул на смертельно-бледных и дрожавших пивовара с Маречек. – На вашего денщика к сожалению тоже, господин барон.

Я взглянул на моего бедного Алоиса. Несчастный дурень был ужасно напуган и столь же пьян. Выпученные глаза и дрожавший подбородок свидетельствовали о полном параличе его воли. Лишь господин Штютнагель, сжимающий в одеревеневших пальцах свой пистолетик, выглядел пока ещё относительно вменяемым человеком. В конюшне по прежнему бесновались лошади, оглашая двор диким ржанием.

На какой-то момент я представил себе что там, в темноте двора, за закрытыми ставнями и задёрнутыми шторами сейчас стоит покойник, и прижавшись лицом к окну, пытается заглянуть к нам в комнату. Бр-р-р, мороз побежал по коже. Всё же хорошо что окна плотно задёрнуты. Да что со мной происходит? – разозлился я. Неужели я всерьёз начинаю верить в этот дикий бред. Мало ли чего могли напугать лошади? Волков, например? Хотя, в этих местах, я давно ничего о волках не слышал. Но и что с того? Всякий кто имел дело с лошадьми, знает насколько пугливы эти животные.

Пока я собирался с мыслями произошло ещё нечто злое. Сначала начали дрожать в окнах стёкла, как будто от сильного ветра. Потом раздалось какое-то тихое и частое постукивание в оконные ставни, сопровождающееся скрежетом и царапаньем. Бруно тоже это услышал и резко направил в сторону окна своё ружьё. А постукивание и царапанье раздавались уже возле другого окна. Теперь звуки изменились и напоминали резкий скрип, словно снаружи чем-то твёрдым и острым водили по стеклу.

– Мертвец в окно стучит, впустить его просит... – побелевшими от страха губами прошептал пивовар.

– Он ведь в окно может войти! – вторил ему господин Маречек. – А после он всю кровь из нас выпьет, на части нас разорвёт.

– Не трясись, Ян, – сказал Штютнагель, сам едва живой от страха. – Окна фрау Магда святой водой окропила, мне Гюнтер сказал. Так-что через окно ему точно не войти. – Между-тем, пивовар лихорадочно листал свой молитвенник, пытаясь отыскать очередную, отмеченную отцом Бернардо, молитву. Но руки у него так сильно дрожали что он долго не мог открыть нужные страницы. Затем снова наступила гнетущая тишина. Все молчали в ожидании чего-то ужасного словно уже находились в преддверии ада. Несколько минут ничего не происходило, тяжело выдохнув Бруно опустил своё ружьё.

– Он ушёл? – с робкой надеждой в голосе спросил Маречек.

– Не думаю, – Бруно продолжал вслушиваться в ночную тишину. – Просто так они не уходят. А до рассвета ещё очень далеко. Ещё две минуты прошли в полном молчании. Было слышно что лошади в конюшне немного успокоились.

– Он ушёл! Точно ушёл! – облегчённо вздохнул Алоиз и тут же потянулся к бутылке с наливкой. Наливая, он изрядное её количество пролил на стол, так как руки его совсем не слушались.

– Так.. ну, да... – Бруно тяжело опустился на стул и прислонил ружьё к стене. – Если ты, парень, прав значит мы спасены, – улыбнувшись кивнул он Алоису. – Может быть всё и обойдётся.

– Это Господняя молитва его отпугнула, – сказал Клаус Штубе закрывая молитвенник. – Говорил же я вам что отец Бернардо своё дело хорошо знает. Переведя дух, все находившиеся в трактире почувствовали было облегчение и заговорили в полный голос.

– А интересно что всё-таки это было? – как ни в чём не бывало спросил Струэнзе. На его белобрысой физиономии блуждала глупая улыбка и он сосредоточенно протирал очки.

– А вы, господин датчанин, так ничего и не поняли? Разве вы не слышали о чём говорили эти люди за столом? – Бруно иронично посмотрел на него. – Можете по прежнему называть это сказками, но там был... – договорить он не успел так-как господин Маречек завопил страшным голосом.

– Дверь!!! Посмотрите что происходит с дверью!!! Он никуда не ушёл!!! Господа, упырь стоит за дверью!!! – Оглушённые его криком мы невольно посмотрели на входную дверь. Впервые за эту ночь я ощутил холодный ужас. Толстая и прочная сосновая дверь вся подёргивалась и часто-часто сотрясалась, как-будто кто-то снаружи, очень быстро дёргал её за ручку. Бруно, тут же схватил своё, заряженное патронами с серебряными пулями, ружьё и нацелил на дверь.

– Господа, он здесь и пытается войти. Мы с вами, чуть-было, не потеряли осторожность, а с нею и свои жизни, – сказал этот странный человек. Его голос внезапно стал очень твёрдым, и я бы даже сказал властным. А дверь уже тряслась и ходила ходуном со страшной силой. Если снаружи её и дёргала какая-то сила, то это был явно не человек. Скорее это напоминало работу какого-то автомата, причём действующего практически неслышно.

Огромный деревянный засов начал медленно двигаться отъезжая в сторону. Железные крючья подпрыгивали готовые вот-вот выскочить из стальных колец. Кованная щеколда тоже начала выезжать из паза.

– Господин датчанин, возьмите пожалуйста у господина Штубе остатки святой воды. Как только мертвец ворвётся, плесните её ему в лицо. Только, упаси вас Боже, не промахнитесь, – чёртов Бруно опять начал командовать нами. Но похоже он знал что делает.

– Господин Штютнагель, да прекратите вы дрожать как кролик перед удавом. Вы же не трус и нынче на кону ваша жизнь. Возьмите себя в руки, и как только увидите немертвую сущность сразу пальните в неё из вашего пистолетика. Вдруг хотябы один раз попадёте. Чем чёрт не шутит! – Теперь вы, господин фон Хагендорф, на вас я возлагаю наибольшие свои надежды. Когда эта тварь проникнет сюда, стреляйте ему в голову.

Ваши пули конечно не убьют кровососа, но если попадут в голову, то на несколько секунд смогут его задержать. Полученные таким образом мгновения дадут мне возможность точно прицелиться. Мои пули убийственны для него,

они не просто серебряные и освящённые, но ещё и заговоренные особым образом. Но если я не попаду в него сразу, то перезарядить ружьё уже не получится. А это будет означать верную смерть, господа. И запомните, ни в коем случае не смотрите ему в глаза. Через десять секунд он ворвётся! С Богом, господа!

Но в этот момент из коридора появилась фрау Магда. Поверх ночной рубашки на ней был накинут какой-то домашний халат а в руках она несла православную икону Святого Георгия. Даже не взглянув на нас она подошла к двери и выставила икону перед собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.